

ISSN 2307-5309

АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

**Выпуск № 3 (39)
2022**

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (39) 2022

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Чечётин А.Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т.Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М.А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В.В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Цуканов Н.Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю.П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А.Г., канд. юрид. наук
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Заварькин И.Н., канд. юрид. наук
Киселёва М.А., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А.М., канд. юрид. наук, доцент
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 22.08.2022.
Выход в свет 25.08.2022.
Заказ № 377. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 19,3. Тираж 70 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2022

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (39) 2022

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor
Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Davidov S.I., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia
Grjaznova T.Ye., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kozhevina M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor
Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor
Shkaplerov Ju.P., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Sorokin V.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Tsukanov N.N., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences
Bachurin A.G., Candidate of Juridical Sciences
Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Bragina A.G., Candidate of Juridical Sciences
Cherepanova O.S., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ermakova O.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Kiseleva M.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shaganyan A.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shmidt A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Zavarykin I.N., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZI»
Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 22.08.2022.
Issue date 25.08.2022.
Order 377. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 19,3.
Issue 70 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2022

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Квач С.С., Моисеенко М.И.</i> Влияние международного права на национальные системы муниципального права	7
<i>Красилова Е.В.</i> Правозащитная функция государства в контексте различных классификационных групп	11
<i>Мукова Л.А., Беденков В.В.</i> О правовом воспитании обыденного правосознания в современных социумах России и Болгарии	16
<i>Червонюк В.И.</i> Парламентский контроль (страноведческий анализ на материалах парламентской практики России)	23

Административное право и административный процесс

<i>Бучакова М.А., Гайдуков А.А.</i> Полномочия органов местного самоуправления в охране общественного порядка	30
<i>Вечерникова Д.В., Власенко Е.Е., Заудинов У.И.</i> К вопросу о профилактической деятельности по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов	35
<i>Гумаров И.А., Тырышкин В.В.</i> Отдельные аспекты совершенствования управленческой деятельности руководителей подразделений участковых уполномоченных полиции	40
<i>Кубиясова А.М.</i> Взаимодействие сотрудников ГИБДД с медицинскими работниками при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения	44
<i>Мальченкова В.В., Туманов Д.М.</i> Административно-правовые и уголовно-правовые аспекты оставления места дорожно-транспортного происшествия	50

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Бабурин В.В., Черемнова Н.А.</i> Травля в информационном пространстве (кибербуллинг) и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц	54
<i>Брагина А.Г.</i> Преступные посягательства на личность в киберпространстве	60
<i>Козаченко И.Я.</i> Редактирование генома: нравственные дилеммы в уголовно-правовой огранке	66
<i>Плохова В.И.</i> Проблемы применения конституционных норм в уголовной сфере	72
<i>Сидорова Е.З.</i> Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа, совершаемого работниками образования	80
<i>Сорокун Н.С., Ермакова О.В.</i> Предупреждение насильственной преступности в подростково-молодежной среде	85
<i>Фризен П.Д.</i> К вопросу об основных причинах и условиях совершения грабежей и разбоев в России	91
<i>Щербинин Е.С.</i> Проблемы толкования некоторых признаков состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности	96

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Белицкий В.Ю.</i> Недостатки правового регулирования в механизме мошенничества	102
<i>Князьков А.С., Овсянников В.В.</i> Использование технологий 3D-сканирования и моделирования при производстве портретных экспертиз в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика	107

<i>Курбатова С.М.</i> Компенсаторный подход к формированию и обеспечению процессуального статуса участников уголовного судопроизводства как элемент механизма реализации концепции современного социального правового государства.....	114
<i>Лукьянова А.А.</i> Допустимость ограничения свободы и личной неприкосновенности на досудебных этапах уголовного процесса: постановка проблемы	119
<i>Ручина А.А.</i> Тактика допроса малолетних потерпевших	125
<i>Солодовник В.В.</i> О некоторых проблемах заочного судебного разбирательства по уголовным делам..	130

Гражданско-правовые отношения

<i>Минкина Н.И.</i> Сравнительно-правовой анализ медиации и судебного примирения в России	136
<i>Олефиренко Е.А., Арефьева Д.А.</i> К вопросу о разграничении уменьшения исковых требований и частичного отказа от исковых требований в арбитражном суде апелляционной инстанции.....	142
<i>Хужин А.М., Одиноква А.В., Майорова С.А.</i> Институт повышенной юридической ответственности: историко-правовой аспект	146
<i>Чудов В.Н.</i> Проблемные аспекты порядка проведения проверок по фактам причинения вреда жизни или здоровью сотрудников органов внутренних дел.....	151

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Kvach S.S., Moiseenko M.I.</i> The influence of international law on national systems of municipal law	7
<i>Krasilova E.V.</i> Human rights function of the state in the context of different classification groups.....	11
<i>Mukova L.A., Bedenkov V.V.</i> About the legal education of ordinary legal consciousness in modern society of Russia and Bulgaria.....	16
<i>Chervonyuk V.I.</i> Parliamentary control (country-specific analysis based on the materials of parliamentary practice in Russia).....	23

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Buchakova M.A., Gaidukov A.A.</i> Powers of local self-government bodies in the protection of public order..	30
<i>Vechernikova D.V., Vlasenko E.Ye., Zaudinov U.I.</i> Revisiting the preventive activities for the prevention of neglect and juvenile delinquency, protection of their rights and legitimate interests.....	35
<i>Gumarov I.A., Tyryshkin V.V.</i> Some aspects of improving the management activities of the heads of divisions of local police officers.....	40
<i>Kubiyasova A.M.</i> Interaction between road police staff and medical workers during alcohol testing	44
<i>Malchenkova V.V., Tumanov D.M.</i> Administrative-legal and criminal-legal aspects of leaving the scene of a traffic accident.....	50

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Baburin V.V., Cheremnova N.A.</i> Harassment in the information space (cyberbullying) and victimization of juveniles and minors.....	54
<i>Bragina A.G.</i> Criminal offences against personality in cyberspace	60
<i>Kozachenko I.Ya.</i> Genome editing: moral dilemmas in criminal law.....	66
<i>Plokhova V.I.</i> Application problems of constitutional rules in the criminal sphere	72
<i>Sidorova E.Z.</i> Criminal and legal characteristics of commercial bribery committed by education workers ...	80
<i>Sorokun N.S., Ermakova O.V.</i> Prevention of violent crime in the adolescent and youth environment	85
<i>Frizen P.D.</i> Revisiting the main causes and conditions of committing robbery and plundering in Russia.....	91
<i>Shcherbinin E.S.</i> Problems of interpreting some signs of the composition of knowingly bringing an innocent person to criminal liability	96

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Belickij V.Yu.</i> Disadvantages of legal regulation in the mechanism of fraud.....	102
<i>Knyazkov A.S., Ovsyannikov V.V.</i> The use of 3D scanning and modeling technologies in the production of portrait examinations in relation to persons who have changed the anatomical features of their appearance..	107
<i>Kurbatova S.M.</i> Compensatory approach to the formation and provision of the procedural status of participants in criminal proceedings as an element of the mechanism for implementing the concept of a modern social rule of law state	114
<i>Lukyanova A.A.</i> Permissibility of restriction of liberty and security at the pre-trial stages of the criminal process: statement of the problem	119
<i>Ruchina A.A.</i> Tactics of interrogation of minor victims	125
<i>Solodovnik V.V.</i> About some problems of absentee trial in criminal cases.....	130

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Minkina N.I.</i> Comparative legal analysis mediation and judicial reconciliation in Russia.....	136
<i>Olefirenko E.A., Arefeva D.A.</i> Revisiting the distinction between reduction of claims and partial waiver of claims in the arbitration court of appeal	142
<i>Khuzhin A.M., Odinkova A.V., Mayorova S.A.</i> Institute of increased legal responsibility: historical and legal aspect.....	146
<i>Chudov V.N.</i> Problem aspects of the procedure for conducting inspections on the facts of harm to life and health of internal affairs officers	151

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

Научная статья
УДК 342.55:341

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Сергей Сергеевич Квач¹, Михаил Иванович Моисеенко²

¹ Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, kvachss@ya.ru

² Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия, mmimi1963@mail.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают особую роль влияния международного права на процессы формирования национального права вообще и муниципального права в частности. Рассмотрены некоторые аспекты генезиса обычаев и международных договоров как источников международного права. Указывается возрастающая роль международного права в становлении различных отраслей национального права, чему способствуют интеграционные процессы и процессы глобализации, протекающие сегодня во всём мире. Результатом исследования является авторское определение юридических признаков международных договоров как источников муниципального права.

Ключевые слова: международные стандарты, имплементация норм международного права, обычаи и договоры, международные основы муниципального права

Для цитирования: Квач С.С., Моисеенко М.И. Влияние международного права на национальные системы муниципального права // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 7-10.

Original article

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LAW ON NATIONAL SYSTEMS OF MUNICIPAL LAW

Sergey S. Kvach¹, Mihail I. Moiseenko²

¹ Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kvachss@ya.ru

² Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia, mmimi1963@mail.ru

Abstract. The authors of the article consider the special role of international law on the processes of formation of national law in general and municipal law in particular. Some aspects of the genesis of customs and international treaties as sources of international law are considered. The increasing role of international law in the formation of various branches of national law is indicated, which is facilitated by integration processes and globalization processes taking place all over the world today. The result of the research is the author's definition of the legal features of international treaties as sources of municipal law.

Keywords: international standards, implementation of norms of international law, customs and treaties, international foundations of municipal law

For citation: Kvach S.S., Moiseenko M.I. The influence of international law on national systems of municipal law. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:7-10 (In Russ.).

© Квач С.С., Моисеенко М.И., 2022

Процессы глобализации и межгосударственной интеграции, существенно интенсифицировавшиеся в последние десятилетия, предопределили выработку единых правил и подходов к организации жизни в различных сферах. Наблюдая за современной жизнью человечества, можно увидеть, что уже на всём земном шаре все цивилизованные народы не изолированы и отделены друг от друга, а живут единой, общей для всех жизнью. Это особенно отчетливо проявляется сегодня, в эпоху широкого применения информационных технологий, когда любые полезные изобретения, появившиеся в одной из стран, немедленно находят применение и во всех других странах. Сложно даже представить себе, какой была бы наша жизнь, если бы существовала отдельно от мирового сообщества. При этом, безусловно, любые внешние государственные отношения требуют надлежащего правового регулирования.

Совокупность норм и принципов, определяющих международные отношения, составляет систему источников международного права. Исторические сведения показывают, что даже на самых ранних этапах развития человеческого сообщества общины и племена были объединены неписаными родовыми правилами поведения. Археологические данные указывают на то, что уже в то время союзнические связи разных племен не сводились к заботе о внешней защите, а включали в себя множество других правил поведения, которые со временем закрепились как элементы права в форме обычая.

Многие тысячелетия обычай играл основную роль в становлении и развитии отношений между сообществами людей, постепенно перерастая в основной элемент системы международного права. Именно поэтому и до сегодняшнего дня роль обычая в международных отношениях занимает немаловажное место. Существует устоявшееся мнение о том, что международное право является преимущественно обычным правом. Международное право зародилось как неписаное право в юридическом смысле этого слова. До создания системы международного договорного права взаимодействие государств осуществлялось на основе именно обычного права [2, с. 35-35].

Международное обычное право и по сей день является влиятельным источником международного права и достаточно широко используется в дипломатических и консульских отношениях. Однако не вызывает сомнения тот факт, что современные цивилизованные международные отношения начали налаживаться только с распространением применения международных договоров.

Можем констатировать, что международные договоры исторически не были разработаны в рамках международного права, а скорее, наоборот, появление и развитие международного права стало возможным в определенной степени благодаря развитию института международных договорных отношений.

В подтверждение такой позиции можно привести высказывания И.И. Лукашука, который указывает, что договоры заключались государствами задолго до того, как возникла сама идея регулирования межгосударственных отношений [4, с. 84].

Международные соглашения имели важнейшее значение для жизни общества еще в эпоху Киевской Руси. Внешние взаимосвязи Киевского государства получали формальное закрепление в договорах, заключаемых киевскими князьями с соседними государствами. Дошли до наших дней важнейшие международные документы того времени: договоры с греками князей Олега (911 г.), Игоря (945 г.) и Святослава (971 г.).

Сегодня на волне интеграционных и глобализационных процессов не только растет количество межгосударственных договоров, но значительно повышается роль международных документов в системах национального права современных государств. Ученые часто определяют значительное влияние глобализации на характер и содержание новейшего международного права. Так, по выражению С.В. Черниченко, расширение сотрудничества между государствами, их многополярная интеграция, а также «все большее осознание международным сообществом общечеловеческих ценностей приводит к усложнению межгосударственных отношений». Автор указывает, что именно эти процессы обуславливают дальнейшее усовершенствование международного права [7, с. 27].

Ю.А. Тихомиров на этот счет констатирует, что «в условиях усиления глобализации возникают актуальные планетарные проблемы, в решении которых заинтересованы все государства», и далее автор, приводя опыт Франции и Финляндии, утверждает, что необходимо «больше внимания уделять механизму имплементации международных норм» [6, с. 11-12].

Сегодня для самых разных отраслей внутригосударственного права международные нормы «задают тон всей системе национального законодательства», а их имплементация обуславливает «соответствие национального законодательства международным требованиям» [3, с. 329].

При этом нормы международного права не имеют безапелляционного характера, они предоставляют национальному праву возможность конкретизации международных требований в соответствии с принципами и особенностями национальной системы права [1, с. 44].

Для определения роли международных договоров в формировании национального механизма муниципального права рассмотрим сущность, правовую природу и виды этих документов.

Во-первых, следует отметить, что на международном уровне любое государство может выразить свою волю как в одностороннем порядке (например, протест), так и в форме двусторонних или многосторонних соглашений.

Во-вторых, важной отличительной особенностью системы международного права по сравнению с системой национального права является отсутствие ярко выраженной иерархии нормативно-правовых источников. Отсюда можно сделать вывод, что соглашение между отдельно взятыми государствами по своему содержанию может противоречить другим источникам международного права (например, общим принципам международного права или обычно-му международному праву).

В-третьих, международные соглашения могут быть заключены как исключительно между отдельными государствами, между государствами и государственными объединениями, так и с участием и под эгидой международных организаций.

Для начала установим, какие же документы, имеющие правовой статус международного договора, могут выступать в качестве источников национального права вообще и муниципального права в частности.

Согласно положениям Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.) международный договор есть международное соглашение, которое заключено между государствами в письменной форме и регулируется международным правом независимо от того, изложено ли такое соглашение в одном документе, двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

Следовательно, исходя из приведенного положения, можно констатировать следующее:

1. По правовой природе международным договором является документ, положения которого закрепляют соглашение между сторонами.

2. Конвенция признает субъектами международного договора только государства. Более того, статус международного договора имеют только соглашения, субъектами которого являются минимум два государства.

3. Международный договор должен быть заключен исключительно в письменной форме.

Своеобразной конституцией современного международного сообщества и наиболее важным документом международного права считается Устав Организации Объединенных Наций. Он представляет собой многосторонний договор, которым определяются цели и принципы деятельности ООН, а также состав, структура, функции и полномочия его органов. Все страны, подписавшие Устав, обязаны соблюдать его статьи, кроме того, их обязательства по Уставу ООН превалируют над всеми остальными обязательствами. Именно этот документ закрепил ряд принципов, лежащих сегодня в основе международного права и международных отношений.

Наиболее важное значение для различных отраслей национального права современных государств имеют международные договоры особого порядка – конвенции и декларации, принятые в рамках ООН и ратифицированные значительным количеством

современных государств. За последние полстолетия было принято несколько десятков таких документов, затрагивающих самые различные сферы нашей жизнедеятельности. Как известно, по форме различают письменные договоры и договоры в устной форме. Следует отметить, что устная форма (так называемые «джентльменские соглашения») встречается очень редко. Но как источники муниципального права сделки в устной форме могут использоваться. Они могут составляться должностными лицами органов местного самоуправления при решении вопросов трансграничного сотрудничества, например предварительные соглашения о создании еврорегионов.

По объекту международно-правового регулирования выделяют: политические договоры, экономические международные договоры, соглашения по вопросам, соглашения по экологическим вопросам, соглашения по военным вопросам, соглашения по вопросам охраны здоровья, научно-технические соглашения и т.п.

Источниками же муниципального права выступают не все международные договоры, а лишь те, которые регулируют общественные отношения в сфере местного самоуправления. Существовая в системе муниципального права, такие международные договоры получили и общие отличительные черты данной отрасли права. Так, В.Ф. Погорилко указывал на следующие отличительные признаки муниципального права [5, с. 5]:

- по своей сути, муниципальное право является отражением воли и интересов территориальных общин, всего народа и государства, поскольку муниципальные нормы устанавливают или санкционируют как субъекты местного самоуправления (территориальные общины), так и народ страны в целом и высшие органы государства, принимая конституцию и законы, которыми признается и гарантируется местное самоуправление;

- по своему содержанию муниципальное право выступает регулятором общественных отношений в сфере местного самоуправления, т.е. отношений, связанных с возникновением и функционированием местного самоуправления в границах определенных административно-территориальных единиц.

В основном указанные признаки характерны и для международных договоров с учетом некоторых особенностей:

Во-первых, как и любой другой договор, международные договоры носят согласовательный характер, т.е. они учитывают интересы всех сторон, в них участвующих.

Во-вторых, в международных договорах значительно выше удельный вес норм-принципов по сравнению с национальным законодательством. То есть международные договоры по системе муниципального права выступают не столько регуляторами общественных отношений, сколько документами учредительного характера, устанавливающими основ-

ные подходы, принципы и порядок урегулирования муниципально-правовых отношений в самом общем характере, оставляя национальному праву возможность выработки самостоятельных подходов.

В-третьих, договоры как существенный элемент и залог стабильности правопорядка не только внутреннего, но и международного образуют правовую основу отношений между государствами. Основывая свое национальное законодательство на принципах международного права, государства становятся более договороспособными друг с другом.

Таким образом, в становлении муниципального права международным договорам принадлежит особая роль. Можем констатировать, что международным договорам – источникам муниципального права присущи следующие юридические признаки:

- юридической основой международного договора – источника муниципального права является соглашение между высшими органами государственной власти и другим субъектом международного права;

- сущность международных договоров – источников муниципального права состоит в том, что они отражают волю народа, которая от имени государства согласована с другими субъектами международного права и направлена на осуществление и развитие местного самоуправления;

- по содержанию международные договоры регламентируют в основном принципы и общепризнанные подходы к регулированию общественных отношений, связанных с возникновением и существованием местного самоуправления.

Список источников

1. Баймуратов М.О. Международное право. Харьков: Одиссей, 2002. 672 с.
2. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том 1: Заключение международных договоров. М., 2004.
3. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М.: Междунар. отношения, 1993. 295 с.
4. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 10-11.
5. Квач И.В., Федулов И.Н. Проблемы и перспективы реализации Международно-правовых стандартов Адвокатской деятельности // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 324-330.
6. Анисимов В.Ф., Трунцевский Ю.В. Вторжение международного права в национальную правовую систему // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 40-57.
7. Муниципальное право Украины: учебник / под ред. В.Ф. Погорилко, О.Ф. Фрицкого. Киев: Юринком Интер, 2006. 592 с.

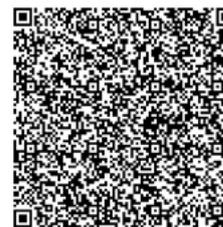
Информация об авторах

С.С. Квач – кандидат юридических наук, доцент;
М.И. Моисеенко – кандидат юридических наук.

Information about the authors

S.S. Kvach – Candidate of Science (Law), Associate Professor;
M.I. Moiseenko – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 340.116

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ ГРУПП

Екатерина Владимировна Красилова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, krasilova1357@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов правозащитной функции современного Российского государства в контексте различных классификационных групп. С этой целью анализируются существующие критерии классификации государственных функций. Автор исследует правозащитную функцию в зависимости от значимости и важности в общественной жизни функции государства, объекта воздействия (сферы деятельности) функции государства, продолжительности действия функции государства. Делается вывод о том, что правозащитное направление государственной деятельности обоснованно является самостоятельным и приоритетным в общей системе функций.

Ключевые слова: защита, правовая защита, обеспечение, права человека, правозащитная функция государства, личность, правовое государство, восстановление прав

Для цитирования: Красилова Е.В. Правозащитная функция государства в контексте различных классификационных групп // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 11-15.

Original article

HUMAN RIGHTS FUNCTION OF THE STATE IN THE CONTEXT OF DIFFERENT CLASSIFICATION GROUPS

Ekaterina V. Krasilova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, krasilova1357@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of some aspects of the human rights function of the modern Russian state in the context of various classification groups. For this purpose, the existing criteria for the classification of state functions are analyzed. The author explores the human rights function depending on: the significance and importance of the function of the state in public life; the object of influence (field of activity) of the function of the state; the duration of the function of the state. It is concluded that the human rights direction of state activity is reasonably independent and a priority in the general system of functions.

Keywords: protection, legal protection, provision, human rights, human rights function of the state, personality, rule of law, restoration of rights

For citation: Krasilova E.V. Human rights function of the state in the context of different classification groups. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;3:11-15. (In Russ.).

© Красилова Е.В., 2022

Сущность любого государства проявляется посредством реализации его функций. В соответствии с этим различные направления государственной деятельности определяют целевую установку конкретного государства, его содержание, характер взаимодействия с обществом и т.д. В настоящее время без отчетливо выстроенной системы функций невозможно представить существование современного государства. Именно в них проявляются задачи, стоящие перед государственным аппаратом, которые направлены на регулирование различных сфер жизни общества.

Анализируя функциональную характеристику Российского государства, стоит отметить, что со временем она претерпевает качественные изменения. Такая трансформация состоит в некоторой реорганизации существующих направлений деятельности: появлении новых либо утрате необходимости в действующих. Эта ситуация зависит от целей, задач и динамических особенностей конкретного государства на определенном историческом этапе развития. Так, благодаря принятой в 1993 г. Конституции Российской Федерации основательно закрепились в качестве приоритетных направлений государственной деятельности правозащитная функция. Указанный тезис подтверждает ст. 2 Основного Закона, регламентируя защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве государственной обязанности. В этой связи актуализируются вопросы исследования современных функций Российского государства.

Наряду с анализом различных аспектов реализации направлений государственной деятельности, не менее актуальной является проблема их классификации. В этой связи стоит заметить, что в науке теории государства и права этот вопрос достаточно продолжительное время остается дискуссионным. Вместе с тем, как верно отметил М.Н. Марченко, «классификация функций государства имеет своей непосредственной целью создание условий для их более глубокого и разностороннего изучения и более эффективного применения» [1, с. 212]. В этой связи в рамках настоящего исследования предпримем попытку рассмотреть правозащитную функцию государства в контексте различных классификационных групп с целью определения ее места и роли в рамках теории государственных функций.

Прежде всего необходимо установить существующие критерии классификации функций государства. Исходя из советского понимания направлений государственной деятельности, Н.В. Черноголовкин в своем диссертационном исследовании признает вопрос о количестве функций социалистического государства самым дискуссионным и проводит их классификацию на основе различных критериев: 1) по сферам деятельности (применительно к внутренним

функциям); 2) по этапам развития социалистического государства (временные и постоянные функции); 3) по характеру (типу) противоречий, на преодоление которых направлена деятельность государства; 4) по историческим судьбам, которые ожидают функции социалистического государства при коммунизме [2, с. 13-14]. Следует отметить, что для социалистического этапа государственности характерен критерий, зависящий от содержания социальных интересов, в соответствии с которым функции разделяются на классовые и общесоциальные. Однако, как поясняет А.Б. Венгеров, «классовые функции являлись общесоциальными, выгодными всему обществу. Использовалась схема: классовые функции социалистического государства выражают интересы большинства народа, трудящихся и, стало быть, являются общесоциальными» [3, с. 89]. Вместе с тем в современных реалиях указанный критерий признается актуальным.

Г. Еллинек в своей работе «Общее учение о государстве» исходит из политической теории разделения властей, в соответствии с которой выделяет следующие государственные функции: «законодательство, суд и управление» [4, с. 450]. В продолжение развития представленной теории Л.А. Морозова к числу основных критериев также относит классификацию функций государства по формам деятельности, основанную на принципе разделения властей, благодаря чему функции подразделяются на законотворческие, управленческие и судебные [5, с. 89]. Представленное разделение функций в зависимости от деятельности государственных органов положительно отражает сущность государства. Однако исключительность указанных органов несколько ограничивает количество классификационных групп. Так, существуют иные органы, участвующие в государственной деятельности и исполняющие определенные функции. Например, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации играет важную роль в реализации правозащитной функции, исполняя главное предназначение своей должности – защищать права и свободы человека и гражданина.

Авторский коллектив учебника «Теория государства и права» предлагает классификацию функций государства по следующим критериям: в зависимости от объекта государственного воздействия; по сферам деятельности (внутренние и внешние); по продолжительности действия (постоянные и временные); в зависимости от степени значимости для государства на определенном этапе исторического развития (основные и неосновные); в зависимости от характера и содержания социальных интересов, которые выражены в функциях (классовые функции и общесоциальные функции) [6, с. 106-107]. В свою очередь М.Н. Марченко выделяет такие критерии

классификации государственных функций, как продолжительность существования и деятельности (постоянные, присущие государству на всех этапах его развития, и временные); социальная значимость (выражающие преимущественно интересы правящих классов, слоев и групп или представляющие, концентрирующие в себе интересы всего общества); сфера осуществления (политические, идеологические, социальные, экономические); форма реализации (правотворческие, правоохранительные, правоприменительные) [1, с. 212].

Таким образом, стоит принять во внимание факт множественности оснований для разделения направлений государственной деятельности. Как справедливо заметил И.А. Кузнецов, «основания классификации имеют двойственную природу: с одной стороны, классификационные признаки носят объективный характер, отражая реальные свойства государственных функций; с другой – основания классификации имеют субъективную природу в том смысле, что подчинены целям теоретического исследования. Поэтому любая классификация носит до определенной степени условный характер» [7, с. 30]. Действительно, все классификационные группы так или иначе отражают содержание направлений государственной деятельности. Однако включение в какую-либо из них не означает, что функция государства теряет присущие ей свойства либо она имеет вторичный характер. Все группировки являются условными и созданы для более качественного рассмотрения основы конкретного направления государственной деятельности. В связи с этим исследуем правозащитную функцию государства в контексте нескольких классификационных групп.

1. В зависимости от значимости и важности в общественной жизни функции государства разделяются на основные и неосновные.

Рассматриваемая классификация активно применялась в прошлом столетии. Так, 10 марта 1939 г. И.В. Сталин в своем отчетном докладе акцентировал внимание на том, что деятельность государства характеризуют две функции – главная (удержание под контролем эксплуатируемое большинство населения) и не главная (расширение территории государства) [8]. Такое выделение приоритетных направлений государственной деятельности предоставляло возможность акцентировать внимание и силы на конкретно обозначенных задачах, которые варьировались в зависимости от развития страны, политической обстановки.

Отдельно стоит отметить, что в 1977 г. впервые на уровне главного закона страны была принята норма, регламентирующая «важнейшую функцию государства», к которой относится «защита социалистического Отечества». В частности, в ст. 31 Конститу-

ции СССР 1977 г. законодатель, помимо указания на единственное направление государственной деятельности, возвел его в разряд важнейших функций, что вновь является проявлением значимости определенных задач.

Под основными функциями понимаются наиболее приоритетные направления государственной деятельности, охватывающие ряд обособленных однородных задач. Неосновные функции представляют собой более узкие направления государственной деятельности, решающие задачи второстепенной важности.

В научной литературе уделяется большое внимание именно рассматриваемой классификации государственных функций. К примеру, А.В. Сим при решении вопроса отнесения той или иной функции в качестве основных предлагает обращать внимание на определенные признаки, к которым относит: обусловленность функции важностью соответствующей государственной задачи; постоянство, стабильность и перспективность функции; собирательность функции [9, с. 11].

Вместе с тем, исходя из анализа определения понятия «функции государства», можно прийти к выводу, что чаще всего в юридической литературе под ним понимаются «основные направления государственной деятельности» [1, с. 208-209]. В этой связи любая функция государства, существование которой теоретически обоснованно, априори является основной.

Анализируя правозащитную функцию, стоит отметить несколько важных моментов.

Во-первых, исходя из наложения на государство конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, такая деятельность должна являться приоритетной. В современном мире каждое правовое государство во главу угла ставит деятельность по правовой защите человека. Такая ситуация имеет под собой не только теоретическую, но и практическую подоплеку. К примеру, важность реализации правозащитной функции наглядно проявилась во время пандемии COVID-19, когда от решающих действий государственных органов зависели жизни граждан, а защита их здоровья могла осуществиться только посредством принятия чрезвычайных мер.

Во-вторых, в Российской Федерации создан целый комплекс различных форм конституционно-правовой защиты, куда входят судебная защита, квалифицированная юридическая защита, самозащита личности, государственная защита. Существование такого плюрализма правозащитных форм указывает на необходимость в их применении. Они способствуют всесторонней правозащите человека и гражданина, которая направлена на восстановление нарушенных (оспоренных) прав.

В-третьих, правовую защиту человека и гражданина осуществляет многочисленный круг субъектов, куда включаются как государственные органы, так и институты гражданского общества. Это связано с тем, что достижение состояния правовой защищенности возможно лишь при участии большого количества органов и должностных лиц, которые в совокупности смогут качественно осуществить правозащитную деятельность. Следовательно, такая защита становится делом не отдельного субъекта, а целого государства.

Таким образом, правозащитная функция является основным направлением государственной деятельности, поэтому ее включение в число приоритетных является вполне обоснованным.

2. В зависимости от объекта воздействия (сферы деятельности) функции государства разделяются на внутренние и внешние.

По мнению Л.П. Рассказова, «при изучении функций и их классификации наиболее важным критерием является объект воздействия (сфера деятельности), в соответствии с которым функции делятся на внешние и внутренние» [10, с. 50]. Действительно, исходя из сложившихся условий глобализации, в настоящее время указанное основание представляется весьма актуальным.

Внутренние функции государства – это приоритетные направления деятельности внутри конкретной страны. Внешние функции характеризуют деятельность государства за его пределами, которая связана с межгосударственными отношениями. Наряду с этим представленная классификация отличается тем, что государственные функции осуществляются в тесной связи между собой, т.к. внешняя политика любого государства зависит прежде всего от внутренних условий и первостепенных задач.

Вместе с тем в юридической науке прослеживается тенденция к объединению внутренних и внешних функций, т.к. внутренняя политика становится все более зависимой от реализации внешней, в связи с чем происходит интеграция функций [11, с. 33]. Однако внутренние и внешние функции, по нашему мнению, необходимо разделять, т.к. они имеют разные механизмы реализации и области осуществления.

Что касается конкретно правозащитной функции государства, в научной литературе также имеются некоторые противоречия по поводу ее отнесения ввиду указанной классификации. Так, В.Н. Протасов рассматривает защиту прав человека в качестве глобальной функции, под которой понимается направление деятельности государства, необходимое для решения общепланетарных проблем [12, с. 139-140]. Между тем правозащиту стоит отнести именно к внутренним функциям, т.к. каждое конкретное государство

посредством определяемых внутренними нормативными правовыми актами пределов самостоятельно создает свою собственную правозащитную систему. В этих целях организуются специальные компетентные органы, инстанции, принципы их деятельности и т.д. При этом существует неотъемлемое международное сотрудничество в правозащитной сфере. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации. В связи с этим правозащитная функция государства направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина в пределах территории Российской Федерации на основании национальной правовой системы и во исполнение правил международных договоров в целях всестороннего восстановления нарушенных (оспоренных) прав.

3. В зависимости от продолжительности действия функции государства разделяются на постоянные и временные.

Исходя из продолжительности действия государственных функций, в юридической науке имеется еще одна интересная для рассмотрения, на наш взгляд, классификация. Постоянные функции являются основными направлениями деятельности, которые выполняются государством в течение длительного времени, а также характеризуются продолжительностью существования на разных этапах государственного развития. Временные функции представляют собой приоритетные направления деятельности, выполняемые на определенных исторических этапах государства, связанные со спецификой возникших задач.

Как отмечается в научной литературе, ярким примером временных функций является советское время. Например, в качестве таковой обосновывается функция подавления свергнутых эксплуататорских классов при смене государственного строя в ходе революции [13, с. 16]. Действительно, в настоящее время такая функция утратила свое значение, благодаря чему ее реализация неприемлема.

Применительно к правозащитной функции необходимо отметить, что предпосылки существования рассматриваемого направления государственной деятельности прослеживаются с X в., когда впервые деятельность суда была регламентирована посредством древнерусских нормативных правовых актов. Не вдаваясь в глубокий исторический анализ всех документов указанного времени, т.к. это не входит в предмет нашего исследования, кратко обозначим свою позицию. В частности, нами выделено четыре периода развития правозащитной функции государства: первый период (X-XVII в.) – возникновение предпосылок создания ранних форм защиты прав человека; второй период (XVIII в. – первая половина 1917 г.) – начало становления основ право-

защитной деятельности; третий период (вторая половина 1917 г. – 1992 г.) – период «реформирования и модернизации» правовой защиты человека; четвертый период (с 1993 г. по настоящее время) – современная интерпретация правозащитной функции государства. Следовательно, можно заметить, что правозащитная функция прослеживается на всех этапах исторического развития Российского государства.

Вместе с тем будет неверным отметить, что на всех этапах правозащита признавалась в качестве самостоятельного направления деятельности. Однако, исходя из смысла определения понятия «постоянная функция государства», к таковой можно отнести правозащитную, т.к. в современных реалиях это направление считается приоритетным и с 1993 г. признается необходимым для государства. Поскольку правоза-

щитное движение стремительно развивается и в нашей стране, и за рубежом, такая ситуация принимает характер тенденции. Следовательно, правозащитную функцию можно отнести к числу постоянных государственных функций.

Резюмируя вышеизложенное, стоит обратить особое внимание на то, что правозащитное направление государственной деятельности обоснованно является самостоятельным и приоритетным в общей системе функций. Такой вывод следует из представленного анализа, благодаря которому правозащитную функцию можно трактовать как основную внутреннюю функцию современного Российского государства, имеющую постоянный характер действия, которая направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина с целью восстановления нарушенных (оспоренных) прав.

Список источников

1. Марченко М.Н. Теория государства и права. Часть 1: Теория государства: учебник. М.: Зерцало-М, 2011. 516 с.
2. Черноголовкин Н.В. Вопросы теории функций социалистического государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. 34 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2000. 528 с.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве / под ред. С.И. Гессена. СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. 626 с.
5. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2010. 510 с.
6. Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. 512 с.
7. Кузнецов И.А. Некоторые методологические вопросы классификации внутренних функций социалистического государства // Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка: межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 28-35.
8. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). URL: <https://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-xiv/otchetnyiy-doklad-na-xviii-s-ezde-partii-o-rabote-tsk-vkpb.html> (дата обращения: 14.02.2022).
9. Сим А.В. Функция охраны прав и свобод личности в современном российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 33 с.
10. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: Инфра-М, 2015. 559 с.
11. Федоринова Е.А. Проблемы классификации функций государства в современной теоретико-правовой науке // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник трудов конф-ции (Санкт-Петербург, 1-2 февраля 2017 г.). СПб., 2017. С. 31-37.
12. Протасов В.Н. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2018. 487 с.
13. Авилова О.Е. Классификация функций государства в советской и современной юридической науке // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 13-18.

Информация об авторе

Е.В. Красилова – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Information about the author

E.V. Krasilova – postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 340.114.5

О ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИУМАХ РОССИИ И БОЛГАРИИ

Людмила Александровна Мукова¹, Владимир Владимирович Беденков²

¹ Международное высшее бизнес-училище, Ботевград, Болгария, mukoval@mail.bg

² Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, bedenkov-1989@mail.ru

Аннотация. Предметом данного исследования являются основные подходы к пониманию правового воспитания обыденного правосознания в современных социумах России и Болгарии. Цель статьи состоит в предложении конкретных мер, способствующих укреплению обыденного правосознания общества в России и Болгарии. Авторами использовались такие методы исследования, как диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический. Исследование позволило сделать выводы, среди которых можно выделить: изучение института правового воспитания требует комплексности подходов; общее между институтами стран обусловлено рядом факторов – отношением к славянской культуре, языку, евразийскому положению, длительному нахождению в одной экономико-идеологической парадигме, одинаковость в протекании многих социально-экономических процессов в переходный период, сохранение гражданами в своем сознании функций социалистической государственности и т.д.

Ключевые слова: государство, общество, правосознание, обыденное правосознание, правовая культура, правовое воспитание, правовое обучение

Для цитирования: Мукова Л.А., Беденков В.В. О правовом воспитании обыденного правосознания в современных социумах России и Болгарии // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 16-22.

Original article

ABOUT THE LEGAL EDUCATION OF ORDINARY LEGAL CONSCIOUSNESS IN MODERN SOCIETY OF RUSSIA AND BULGARIA

Ludmila A. Mukova¹, Vladimir V. Bedenkov²

¹ International Business School, Botevgrad, Bulgaria, mukoval@mail.bg

² Altai State University, Barnaul, Russia, bedenkov-1989@mail.ru

Abstract. The subject of this study is: the main approaches to understanding the legal education of ordinary legal consciousness in modern societies of Russia and Bulgaria. The purpose of the article is to propose specific measures that contribute to the strengthening of the ordinary sense of justice in society in Russia and Bulgaria. The authors used such research methods as dialectical, logical, system-structural, hermeneutic, formal-legal. The study led to the following conclusions, among which are: the study of the institution of legal education requires a comprehensive approach; the commonality between the institutions of the countries is due to a number of factors: the attitude to the Slavic culture, language, Eurasian position, long-term stay in one economic and ideological paradigm, the similarity in the course of many socio-economic processes in the transition period, the preservation by citizens in their minds of the functions of socialist statehood, etc.

Keywords: state, society, legal consciousness, ordinary legal consciousness, legal culture, legal education

For citation: Mukova L.A., Bedenkov V.V. About the legal education of ordinary legal consciousness in modern society of Russia and Bulgaria. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:16-22. (In Russ.).

Обыденное правосознание можно определить как духовно-интеллектуальную сферу повседневных правовых взглядов и чувств, воплощающих в себе правовые ценности, свойственную основной массе членов данного общества, носящую преимущественно эмпирический характер и определяющую правовое поведение людей.

Обыденное правосознание характеризует механизм действия права, поскольку именно здесь проявляется востребованность закона, социальная ценность права, эффективность правоотношений и устойчивость правопорядка. Обыденное правосознание выполняет важную регулятивную роль в правовой сфере. Когда субъекты права усваивают правовые установления на уровне обыденного правосознания, возрастает эффективность правового регулирования в целом, т.к. в этом случае субъекты следуют праву не как к внешней по отношению к ним силе, а по внутреннему убеждению.

Усваиваясь обыденным правосознанием, правовые установки становятся частью мировоззрения самого субъекта. Значение обыденного правосознания по сравнению с иными формами правосознания состоит в том, что отношение к праву здесь не умозрительно, а является выражением личного правового опыта самой массовой аудитории людей.

Стоит согласиться с точкой зрения А.Р. Ратинова, который определил, что в самом раннем возрасте ребенок впитывает первые элементы правовой культуры. Он приобретает навыки и усваивает стандарты нормативного поведения, получает первые юридические представления из сказок, в ролевых играх приобретает понятия о функциях права и постепенно формирует хотя и примитивную, детскую, но собственную картину правовой жизни. По мере взросления и расширения круга общения, усложнения деятельности и выполняемых ролей происходят интенсивное обогащение и развитие этой сферы сознания [1, с. 112].

Правовое воспитание – это очень сложный и трудоемкий процесс, к тому же напрямую связанный с эффективностью механизма правового регулирования. Для более ясной картины необходимо проанализировать некоторые дефиниции термина «правовое воспитание», которые встречаются в трудах отечественных исследователей в области правовой науки.

О.Г. Шапиева подчеркивала роль нравственно-правового воспитания как систематического целенаправленного воздействия партийных и государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов и отдельных граждан на сознание и чувства личности с целью формирования разумных и возвышенных потребностей, уважения к нормам права и морали, убеждения в их социальной ценности и необходимости их исполнения, привития навы-

ков правомерного и высоконравственного поведения, обеспечения социально-правовой активности и высокого уровня нравственно-правовой культуры гражданина СССР в сфере нравственных и правовых отношений [2, с. 14]. Данное определение в целом можно оценить положительно. Автор говорит не просто о правовом, а о нравственно-правовом воспитании, т.е. указывает на то, что при осуществлении право-воспитательной деятельности важно учитывать содержание не только правовых, но и моральных норм. Процесс морального воспитания личности должен идти параллельно с ее правовым воспитанием.

И.Ф. Рябко трактовал правовое воспитание в качестве определенного, целеустремленного и систематического влияния на сознание, психологию воспитываемых (индивидов и общественных групп), весь уклад общественной жизни, а также формирования идеологических факторов с целью привития им на основе марксистско-ленинских правовых идей глубоких и устойчивых представлений, убеждений и чувств, высокой правовой культуры, навыков юридического общения, отвечающих уровню и требованиям современного правового развития общества, строящего коммунизм [3, с. 26]. Это определение, как и все определения, предложенные в советский период существования нашего государства, пропитано идеологией и чрезмерно конкретизировано, но в целом верно отражает сущность правового воспитания, направленного на формирование позитивного правосознания и правовой культуры высокого уровня.

В.В. Тищенко отмечал, что программная стратегическая цель правового воспитания – формирование и развитие коммунистической направленности правосознания граждан, реально проявляющегося в их сознательном правомерном поведении, активном участии в управлении государственными и общественными делами, в укреплении социалистической законности и охране правопорядка, в непримиримости к буржуазной правовой идеологии [4, с. 10-11]. Автор указал на такие важные аспекты правового воспитания, как его воздействие на поведение индивидов, а также на их активную гражданскую позицию. В остальном данное определение страдает теми же недостатками, что и аналогичные определения понятия «правовое воспитание», предлагавшиеся советскими учеными.

После анализа достоинств и недостатков предлагаемых исследователями дефиниций понятия «правовое воспитание» считаем целесообразно отметить, что под правовым воспитанием следует понимать целостную целенаправленную систематическую организованную непрерывную профессиональную деятельность, которая направлена на формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры граждан, которые определяют право-

вое поведение последних. Относительно субъектов правового воспитания в правовой науке нет единства мнений. Одним из ключевых компонентов правового воспитания выступает правовое обучение. Люди приобретают минимальный, необходимый объем правового обучения в период изучения отдельных правовых дисциплин в рамках среднего образования, обязательного для всех. Правовое обучение предполагает привитие обучаемому новых знаний, умений и навыков и рассчитано на их применение на практике. В правовом обучении главное – это развитие когнитивных способностей индивида, его правового мышления, формирование теоретических основ правосознания и правовой культуры.

Правовое образование является необязательной частью правового воспитания граждан. Его получают те, кто решил связать свою жизнь с профессией юриста. Правовое образование формирует профессиональное правосознание граждан.

Правовое информирование или правовое просвещение – синонимичные понятия. Правовое информирование (правовое просвещение) ставит своей целью только распространение между индивидами, социальными группами основ правовых знаний. При этом неизвестно, будут ли правовые знания усвоены людьми. Другими словами, если процесс правового воспитания направлен на формирование определенного качественного уровня правосознания и правовой культуры граждан, то правовое информирование (правовое просвещение) приводит к потенциальному (но не всегда реальному) увеличению объема правовых знаний индивидов, становящихся составной частью правовой идеологии как важного структурного элемента правосознания.

Также в литературе встречается термин «правовое осведомление». Под ним понимают доведение до сведения населения текущей актуальной правовой информации о принятии, изменении или отмене нормативных правовых актов [5, с. 374]. Именно такого рода правовая информация встречается в различных средствах массовой информации – газетах, на официальных сайтах органов публичной власти и т.п. Правовое осведомление является разновидностью правового информирования (правового просвещения).

Правовая пропаганда представляет собой одну из важных форм правового воспитания. Несмотря на частое использование данного понятия законодателем, легального определения понятия «правовая пропаганда» нет.

На наш взгляд, правовая пропаганда может предусматривать некоторую выборку правовых сведений, а правовое информирование – процесс более безразличный к результату, при котором до населения доводится максимальный объем правовой информации.

Несомненную роль в процессе правового воспитания обыденного правосознания играет правовая социализация личности.

Как пишет П.Г. Зеленков, правовая социализация личности предполагает правовую адаптацию и правовое воспитание личности. Правовая адаптация, в свою очередь, подразумевает включение личности в социально-правовые структуры общества [6, с. 37-38].

И.П. Усимова полагает, что правовая социализация – единство объективного и субъективного, целенаправленного процесса адаптации личности к нормальной правовой жизни в обществе, и по этой причине призвана создавать или активизировать благоприятные факторы и условия как материальной и социальной жизни человека, так и действенной системы воспитательных условий. На их основе формируются осознанные позитивные социально-правовые и психологические установки, которые определяют поведение индивида в данном социальном и правовом пространстве. Они, в свою очередь, требуют создания благоприятных факторов и условий материальной и социальной жизни человека, а также действенной системы воспитательных условий [7, с. 27].

Отметим, что термин «социализация» означает включенность человека в общество, адаптированность в нем, а «правовая социализация» – включенность в правовые структуры общества, активное участие в их деятельности.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что важную роль и значение правового воспитания осознают все, но, к сожалению, в отечественной науке до сих пор так и не сложилось целостной теории правового воспитания. Это также связано с тем, что законодатели пока не смогли выстроить логически стройную нормативно-правовую базу правового воспитания. Политико-директивные документы охватывают только отдельные сегменты работы по правовому воспитанию. В то же время по-прежнему не принята единая государственная концепция правового воспитания, на базе которой могли бы быть разработаны федеральные и региональные государственные программы по правовому воспитанию. Отсутствие легальных определений ряда понятий, без которых немислимо существование самой теории правового воспитания, сочетается с неразработанностью понятийно-категориального аппарата в правовой науке. Как следствие, ученые, говоря о тех или иных правовых феноменах, используют множество понятий, которые одними отождествляются, другими считаются отличающимися друг от друга в своих смысловых объемах. Все это приводит к путанице и проблемам в уяснении сути правового воспитания.

Среди мер укрепления обыденного правосознания в России требуют внимания со стороны государства следующие:

- Государство должно иметь программу вовлечения носителей обыденного правосознания в общие гражданские проекты и массовые общественные организации. Вовлечение граждан в общие гражданские проекты при соблюдении принципа добровольности должно создать благоприятные условия для того, чтобы у людей были прямой интерес и мотивация участвовать в этих проектах. В частности, деятельность в разного рода общественных организациях и общественных проектах можно формально учитывать при конкурсном поступлении в вузы, при поощрении работников государственных организаций, в определении повышающих коэффициентов при выплатах разного рода стимулирующих доплат работникам бюджетных учреждений.

- Государство должно финансировать по государственному заказу создание произведений литературы и других видов искусства, одухотворяющих повседневную жизнь граждан. Молодежь нуждается в положительных примерах, благодаря которым получит мощный воспитательный импульс для подражания лучшим представителям своей страны.

- Объединение пожилых людей в территориальные клубы по интересам с предоставлением мест для регулярного общения позволило бы государству продолжать социализацию граждан даже за порогом их старости. Пожилые люди, ощущая свою востребованность и имея возможности самореализации, продолжают вести активный образ жизни. Такие меры благотворно сказываются на обыденном правосознании в части уважения к государству и закону, участия старших поколений в общих гражданских инициативах и проектах.

- Государство должно ввести нравственную цензуру в сети Интернет и средствах массовой информации. Цензурные комитеты перекрыли бы поток информации, оскорбляющей общественную нравственность, и закрыли доступ к источникам, разлагающим мораль общества. Предложение о введении «нравственной цензуры в сети Интернет и средствах массовой информации» противоречит запрету цензуры, установленному частью 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Однако проблема нравственного разложения народа гораздо серьезнее вопроса об изменении законодательства. Выполняя свои неотъемлемые функции, государство не имеет права быть безучастным к пропаганде самоубийств, наркотизма, порнографии и т.п.

- Постоянное повышение уровня жизни людей будет мерой, через которую государство приобретет признательность со стороны общества, уважение к законам и правопорядку. Данная мера снизит социальную напряженность в обществе и укрепит доверие

к государству. На уровне обыденного правосознания люди очень чувствительны к своему материальному положению и качеству жизни. Возрастание благосостояния общества влечет обыденное правосознание и наоборот.

- Личный пример должностных лиц руководящего уровня. Это обстоятельство накладывает повышенную ответственность на подбор и порядок замещения руководящих лиц. Примерами личной скромности, бескорыстного служения обществу, заботы о людях руководители всех уровней закладывают образец взаимоотношений власти и гражданского населения.

Говоря о состоянии теории обыденного правосознания Болгарии, можно констатировать, что за последние три десятилетия государство опирается на прежнюю структурную матрицу о содержании данного института (общепринятые понятия о праве; ориентация общества на тот или иной правовой режим; социально-психологический феномен, т.е. включает социальные эмоции, настроения, симпатии и др.), занимается отдельными частными проблемами [8, с. 87].

Государственно-правовая доктрина, принявшая новую либерально-демократическую идеологию, использует метод европейского рецепирования.

Правосознание в правовой теории Болгарии рассматривается как сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую реальность в виде правовых знаний, оценочного отношения к праву/закону и практике его применения, правовые установки и ценности, ориентации, регулирующие поведение в юридически значимых ситуациях. В этом контексте институт имеет междисциплинарный характер, включающий следующие структурные элементы: познавательный, психологический и поведенческий.

Как отмечает профессор С.Т. Наумова, правосознание играет роль в самом создании правовых норм и формировании системы законодательства [9, с. 254].

Представляется, что для нормального и эффективного функционирования системы правосознания, особенно обыденного, необходимо соблюдать баланс между тремя системами: легитимным управлением, правом и социально-экономическими процессами. Если легитимно избранная власть относительно объективно оценивает социальные процессы, то и система права и законодательства, отражающая их, будет оцениваться как правильная с точки зрения членов социума, и обратно – преднамеренно субъективная и лоббированная оценка социально-экономических процессов создает несправедливый с позиции общества правовой режим. В первом случае структуры правосознания работают эффективно в рамках по-

зитивной оценки со стороны индивида и социума, во втором – поведение субъектов в лучшем случае индифферентно к праву или вообще негативно как результат отрицательной оценки закона и права, и их поведение порою неправомерно. Правосознание непосредственно связано с еще двумя институтами – правовой культурой и правовым воспитанием.

Институт правовой культуры с позиции понимания болгарской теорией представляет собой уровень развития юридической техники, состояния правосознания (степень осознания необходимости соблюдения требований законодательства, масштаб и глубина профессионального правосознания посредством подготовки юристов и развития юридической науки), состояния законности (степень практического соблюдения законов); степень адекватного регулирования соответствующих общественных отношений посредством законодательства; состояния судебной практики, практики прокуратуры и правоохранительных органов.

Правовое воспитание представляется как установление позитивной для правового порядка ценностной ориентации общества, формирование в обществе чувства долга, порядка и ответственности. Правовое воспитание является связкой между смыслом и содержанием права как основного ценностно-нормативного регулятора общественных отношений и поведением индивидов.

С позиций меры свободы и интересов рассматривает обыденное правосознание Г. Бойчев. Автор понимает правосознание как институт, но выстраивает его с позиции философии права. Закон есть мера свободы, свобода определяет качество закона. Закон отражает меру интересов, а потому он должен соответствовать интересам граждан, правосознанию и свободе, если этого не происходит – он нелегитимный. Закон и право должны отвечать интересам общества и личности, чтобы достичь нужного уровня правосознания и правовой культуры [10].

Правовое воспитание представляется как установление позитивной для правового порядка ценностной ориентации общества, формирование в обществе чувства долга, порядка и ответственности. Правовое воспитание является связкой между смыслом и содержанием права как основного ценностно-нормативного регулятора общественных отношений и поведением индивидов [11, с. 119]. Современные болгарские разработки в сфере правового воспитания возвращаются к педагогике и «теории воспитания» в целом и «гражданского воспитания» в частности. Идея гражданского воспитания учащихся начала развиваться в болгарской школе под влиянием традиций Возрождения в национальном воспитании и европейского опыта подготовки детей как будущих граждан. Начало организованному внедрению

гражданского воспитания в Болгарии было положено в конце XIX в. с введением предмета «Гражданское учение» в качестве обязательного предмета, изучаемого учащимися, окончившими начальную школу. В течение 50 лет (до 1944 г.) предмет «Гражданское учение» присутствовал в учебных планах болгарской школы. Цели предметного обучения оставались практически неизменными на протяжении всего обучения и касались: ознакомления со структурой и управлением государством, особенно Болгарским государством; изучения учащимися своих социальных прав и обязанностей; помощи учащимся понять текущее состояние народа и его задачи; ознакомления детей с добродетелями и статусом граждан; развития нравственных чувств и правосознания. Сегодня отдельные дошкольные учреждения возрождают гражданское воспитание. И тем не менее в результате глобального процесса демократизации общества после принятия ряда международных документов в защиту прав человека различных социальных групп и меньшинств вторая половина XX в. ознаменовала собой начало нового подхода и качественно новое содержание в гражданском образовании. Оно отражает изменение представлений о гражданине: отходя от патриота, верного обществу и Отечеству, он все больше характеризуется как человек с правами, которые должны быть гарантированы обществом.

Среди мер, способствующих укреплению обыденного правосознания в Болгарии, можно выделить следующие:

- Государству необходимо вернуться в правовое поле социально-экономической активности в защиту интересов граждан как внутри страны, так и за ее пределами, где проживают его граждане; снизить процент безработицы в стране посредством восстановления отечественных производств, т.е. реновировать производственную структуру экономики.

- Принять закон о недопущении более двух мандатов (в совокупности) пребывания в законодательных и исполнительных органах страны, т.е. ввести обязательную сменяемость и обновление кадрового состава этих органов. Нормативно обязать руководство и составы судов, прокуратуры и полиции проходить каждые два года общественную аттестацию перед представителями гражданского общества во главе с омбудсменом. Повысить качество юридического образования и науки в целом с целью подготовки кадров специально для судебной системы.

- Вернуть воспитательную функцию в учреждения среднего и высшего образования, включить трудовое воспитание; проводить пропаганду традиционной семьи с привлечением психологов и духовников; ввести в средней школе для старшеклассников обязательные уроки правоведения с привлечением представителей суда, прокуратуры, следствия и по-

лиции, а также осуществлять встречи с депутатами различных уровней законодательного корпуса; на университетском уровне для студентов организовывать круглые столы, беседы, клубы по проблемам права и экономики, психологии с участием сотрудников правоохранительных и законодательных органов, психологов и др.; возродить патриотическое воспитание молодежи посредством проведения уроков, создания клубов, сайтов и других форм памяти «Истории Отечества».

Правовое воспитание должно быть направлено на формирование социально активной позиции, законопослушности и навыков правомерного поведения. Это определит соответствующий характер правового поведения граждан и их социально-правовую активность. Формирование позитивного обыденного правосознания граждан и высокого уровня их правовой культуры станет возможным только при тщательной разработке хронологических этапов правового воспитания, среди которых можно выделить: дошкольный, школьный, этап получения среднего специального и высшего образования, послевузовский, геронтологический.

Задачей дошкольного этапа выступает воспитание базовых основ обыденного правосознания. Особое внимание при этом должно уделяться формированию аксиологического компонента правосознания. Необходимо внедрять в сознание детей не просто начальные правовые знания, а правовые ценности. Только будучи правильно воспринятыми и усвоенными, они помогут сформировать соответствующие правовые установки и обеспечить правомерное поведение. В силу незрелости психики детей должны использоваться адекватные их возрасту формы правового воспитания, среди которых преобладают правовое информирование (просвещение) и правовая пропаганда. При этом в основном в дошкольном воспитании должно использоваться такое средство воспитания, как игра. Для успешного правового воспитания дошкольника также необходимо тесное сотрудничество родителей и педагогов дошкольного образования. И те и другие должны обладать достаточной правовой информированностью.

Основной задачей школьного этапа воспитания становится окончательное формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры школьников. Иногда к этому добавляется задача устранения деформаций правосознания детей. При этом основное внимание должно уделяться формированию таких компонентов правосознания, как эмоционально-чувственный (психологический, аффективный), оценочный, аксиологический и конативный (волевой, деятельностный, поведенческий). Это объясняется результатами социологических исследований, которые показывают, что, как правило,

правосознание школьников отличается дисгармоничностью (рационально-логический компонент правосознания у них доминирует над всеми остальными). У школьников старших классов должны быть выработаны устойчивые навыки применения получаемых ими правовых знаний. Поэтому при воспитании детей старшего возраста целесообразно использование, помимо прочих, такой его формы, как получение юридического опыта (при содействии имеющих юридическое образование родителей школьников, сотрудников правоохранительных органов и т.п.). Словом, обучение не должно подменять собой все остальные формы воспитания.

Задачами следующего этапа воспитания (получение среднего специального и высшего образования) ставятся поддержание сформированного в школе позитивного правосознания и коррекция его деформаций. На данном этапе используются все формы воспитания, но особое место отводится самовоспитанию. Следует учитывать, что последнее эффективно только тогда, когда личность отличается достаточной зрелостью. Самовоспитанием чаще всего занимаются граждане, обладающие достаточно высоким уровнем правовой культуры.

Задачи послевузовского этапа воспитания аналогичны задачам предыдущего этапа. По-прежнему значительная роль отводится самовоспитанию. Остальные формы воспитания используются, скорее, как дополнительные.

Геронтологический этап воспитания также предполагает решение задач поддержания обыденного правосознания граждан и их правовой культуры на высоком уровне. При этом особое внимание должно уделяться использованию таких форм воспитания, как правовое информирование и правовая пропаганда. Не стоит забывать, что лица пожилого возраста в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в правовой защите, а потому приоритетом государства в данном отношении остается поощрение их активной правовой позиции.

Подводя итог небольшому дискурсу в теорию современного института правосознания в России и Болгарии, а также рассмотрению роли правового воспитания, представляется возможным отметить, что в современных реалиях развития общества обыденное правосознание социумов России и Болгарии как никогда нуждается в положительных примерах, что позволит получить мощный воспитательный импульс для подражания лучшим представителям общества. Правовое воспитание должно быть направлено на формирование социально активной позиции, законопослушности и навыков правомерного поведения. Это определит соответствующий характер правового поведения граждан и их социально-правовую активность.

Список источников

1. Ратинов А.Р. Актуальные задачи психологии права // Психологический журнал. 1987. № 1. С. 112.
2. Шапиева О.Г. Проблемы общей теории нравственно-правового воспитания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985.
3. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание в советском обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1969.
4. Тищенко В.В. Теоретические проблемы правового воспитания в развитом социалистическом обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982.
5. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. 5-е изд. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2005. 374 с.
6. Зеленков П.Г. Правовое сознание в процессах социализации и десоциализации личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 5. № 23. С. 37-38.
7. Усимова И.П. Правовая социализация личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.
8. Айдаров Ё. Криминологическо правосъзнание: Теоретико-методологически аспекти. София, 2003.
9. Наумова С.Т. Функциональные особенности антидискриминационного правосознания // Научные труды Русенского университета. 2011. С. 254.
10. Бойчев Г. Правото трябва да отговаря на нашето правосъзнание. Ако не отговаря, то е нелегитимно. URL: <https://defakto.bg/> (дата обращения: 24.10.2021).
11. Колев Т. Теория права. Изд-во Сиела Норма АД. URL: <https://www.ciela.net/>.

Информация об авторе

Л.А. Мукова – кандидат юридических наук.

Information about the author

L.A. Mukova – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 342.533

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ (СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРАКТИКИ РОССИИ)

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. История отечественной законодательной власти начинается с принятия первой российской конституции, учрежденной Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. Затем, вплоть до конца 1980-х гг., в государственно-правовом развитии наступает этап, который на языке философии может быть определен как прерыв постепенности; по сути, де-юре принцип парламентаризма в организации и деятельности законодательных органов отменяется или, во всяком случае, принципиально трансформируется.

Отмеченное не исключает того неопровержимого факта, что в указанный период времени действенный и систематический контроль в отношении органов государственного управления осуществляли иные конституционно определенные органы и учреждения (государственные, общественные, партийные).

Ключевые слова: функции органа законодательной власти, конструкция формы правления, пределы парламентского контроля, формы парламентского контроля, правовые средства парламентского контроля, парламентский (депутатский) запрос, интерpellация, парламентское расследование

Для цитирования: Червонюк В.И. Парламентский контроль (страноведческий анализ на материалах парламентской практики России) // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 23-29.

Original article

PARLIAMENTARY CONTROL (COUNTRY-SPECIFIC ANALYSIS BASED ON THE MATERIALS OF PARLIAMENTARY PRACTICE IN RUSSIA)

Vladimir I. Chervonyuk

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The history of the Russian legislature begins its countdown with the adoption of the first Russian constitution, established by the Basic State Laws of April 23, 1906. Then, until the end of the 1980s, there comes a stage in the state-legal development, which in the language of philosophy can be defined as a period of gradualness; essentially, the de jure principle of parliamentarism in the organization and activity of legislative bodies is abolished or, in any case, fundamentally transformed.

The above does not exclude the immutable fact that during the specified period of time, other constitutionally defined bodies and institutions (state, public, party) carried out effective and systematic control over public administration bodies.

Keywords: functions of the legislative authority, the design of the form of government, the limits of parliamentary control, forms of parliamentary control, legal means of parliamentary control, parliamentary (deputy) inquiry, interpellation, parliamentary investigation

For citation: Chervonyuk V.I. Parliamentary control (country-specific analysis based on the materials of parliamentary practice in Russia). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:23-29. (In Russ.).

Введение: история проблемы

Как самостоятельная функция парламентский контроль возникает одновременно с парламентом. Можно сказать, что изначально парламент и замысливался для того, чтобы ограничить могущественную исполнительную власть в ее стремлении подчинить своему влиянию все сферы государственной деятельности, включая законодательствование, правоохрану и правосудие. Исторически функция контроля парламента над правительством предшествует законодательствованию. Известно, что длительное время – более двух столетий – английский парламент, отвоювая у королевской власти исконно принадлежащие монарху полномочия, одновременно укореняет в практике взаимоотношений с исполнительной властью прерогативы, связанные с контролем над этой властью [1, с. 45]. В указанном смысле функция парламентского контроля упредила осуществление парламентом титульной функции – законодательствования. И в современных условиях в странах с укоренившимися парламентскими традициями и развитой конституционной системой именно возможность осуществления действенного контроля парламента за исполнительной властью определяет реальное значение парламента в механизме публичного властвования. Собственно говоря, вне эффективного парламентского контроля функционирование демократической конституционной системы правления или утверждение начал конституционализма в общественной практике, оказывается невозможным. Именно в этой связи в зарубежной доктрине конституционного права парламентский контроль позиционируется с осуществлением комплекса мер, позволяющих депутатам составить мнение о деятельности правительства и свергнуть его в случае глубокого несогласия с проводимой политикой [2, с. 96]. Сформулированное в общей юриспруденции положение о том, что качество и эффективность парламентского контроля в значительной мере определяют и качество принимаемых парламентом законов, и их действенность в конституционной практике [3], и в новейших условиях может восприниматься в качестве конституционной презумпции, неопровержимости которой вряд ли может быть опрокинуто. В более широком контексте контроль за исполнением законодательства, принятием и исполнением бюджета, за делегированным законодательством (в ряде зарубежных стран), осуществлением внешнеполитической деятельности есть одновременно контроль над правительством.

Деятельность отечественного парламента начинается свой отсчет с принятия первой российской конституции, учрежденной Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. – ст. 7. гл. 1 «О существе Верховной Самодержавной Власти»

и положениями гл. 4 «О Государственном совете и Государственной думе и образе их действий»¹ [4]. В советский период отечественной истории понятия парламента и специализированного органа законодательной власти длительное время оставались несовместимыми. Функцию органа законодательной власти – высшего органа законодательной власти – осуществлял как по Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 12, 24-25), так и по Конституции 1925 г. (ст. 22-25) ВЦИК РСФСР.

Конструкция формы правления Советского государства, основывающаяся на принципе единства властей, предполагала подразделение всех государственных органов на два класса: органы государственной власти (гл. III) и органы государственного управления (гл. IV). Соответственно такой конструкции органы исполнительной власти, а равно все иные органы государства (прокуратура, суды) формировались органами государственной власти и были им подотчетны. Пределом контроля представительных органов власти (органов государственной власти) являлся еще один важнейший конструкт организации публичной власти Советского государства – это принцип демократического централизма, предполагавший жесткий и иерархично выстроенный партийный контроль. Соответственно, наряду с контролем органов государственной власти параллельно действовал партийный контроль в отношении органов государственного управления всех уровней; высшей инстанцией такого контроля являлся Комитет партийного контроля ЦК КПСС и подчиненные ему комитеты республиканского, областного, городского и районного уровней (низовой инстанцией являлись партийные комитеты, известные как парткомы, в организациях, учреждениях и на предприятиях). Собственно, первым постоянно действующим законодательным органом страны стал учрежденный Консти-

¹ При этом следует иметь в виду, что формально-юридически Основные законы не наделяли учреждаемый ими парламент контрольными полномочиями в отношении исполнительной власти. Конституционно определялось, что «император разделяет законодательную власть с Государственным Советом и Государственной Думой» (ст. 7). Как в главе 1 «О существе Верховной Самодержавной Власти», так и в главах «О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий», в гл. 5 «О Совете Министров, Министрах и Главноуправляющих отдельными» (что было бы вполне понятно с точки зрения конституционной логики) о контрольных полномочиях речи не идет. Несомненно, что с началом собственно парламентской деятельности уже I Государственная Дума пыталась де-факто зарезервировать за собой возможность влиять на исполнительную власть, прежде всего на правительство Российской империи (см.: Червонюк В.И. Конституционное право России. Общая часть: учебник: в 2 кн. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. Кн. 1. С. 216).

туцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г. Верховный Совет – «единственный законодательный орган РСФСР» (ст. 24). И хотя союзный Верховный Совет и Верховный Совет РСФСР, являясь общенациональными представительными органами, не функционировали на принципах парламентаризма (депутаты, избираемые в верховные советы, работали в этих органах «без отрыва от производства», т.е. исключительно на период проведения сессии), тем не менее они были наделены значительными контрольными полномочиями. На этих же началах функционировали Верховный Совет Союза ССР и Верховный Совет РСФСР в соответствии с союзной Конституцией 1977 г. и Конституцией РСФСР 1978 г. (гл. 13).

С учетом изложенного можно отметить, что первые парламенты союзного и республиканского уровня возникают в конце 1980-х гг. Союзная Конституция 1977 г. и Конституция РСФСР с внесенными в них в указанный период времени изменениями ознаменовали формирование полноценных парламентов. Набор парламентских средств, форм контроля получил законодательное признание на высшем конституционном уровне. Вместе с тем действительное значение в парламентской практике приобрели сформировавшиеся в деятельности первого российского парламента конституционные традиции. Начинает формироваться парламентское право, получает развитие сочетание традиционного и инновационного, утверждение представительных начал и практик парламентаризма.

Развитие законодательства

о парламентском контроле в новых условиях

Существует довольно устойчивое мнение о том, что Конституция РФ 1993 г. не наделяет парламент инструментами влияния на правительство и президента. При этом обращается внимание на конструкцию ст. 94: «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации». Категорично делается вывод о том, что «данная формулировка не содержит даже косвенного указания на наличие у парламента Российской Федерации контрольной функции, которая тем не менее характерна для этого органа, что подтверждается не только вопросами, относящимися к его ведению, но и последующими статьями Основного Закона РФ» [5].

Что касается конституционной формулировки, то здесь, очевидно, можно усмотреть отсутствие специального акцента на контрольной функции парламента. В то же время с точки зрения композиции конституционного текста, вне связи с иными конституционными установлениями, а также имея в виду то обстоятельство, что парламент в силу имплицитно присущей ему природы наделен теми функциями, которые определяют его место в механизме властво-

вания, данная формулировка принципиального значения не имеет. Принципиальное значение имеют другие факторы. Это, во-первых, конституционно установленная модель организации публичной власти, из которой, собственно говоря, проистекает ряд ответов на вопросы об объеме полномочий парламента в отношении формирования исполнительной власти – самой могущественной в механизме властвования; о форме установления подконтрольности правительства парламента, его правомочности самостоятельно досрочно прекращать полномочия правительства и др.¹

В этой связи не сама по себе формулировка ст. 94 Конституции важна (хотя строгость конституционных понятий не снимается), а объем и характер контрольных полномочий парламента (его палат) в отношении правительства. Гипотетически можно включить в данную формулировку указание на контрольный характер парламента. Однако при существующей модели конституционного устройства, конституционно определенном перечне контрольных полномочий палат Федерального Собрания принципиального значения данная формулировка не будет иметь. Ориентация конституционного законодателя на признание сильных прерогатив главы государства в сфере исполнительной власти формально-юридически устанавливала пределы влияния парламента на исполнительную ветвь власти, формы парламентского контроля. Симптоматично, что в первоначальной редакции текст Конституции РФ не содержит понятие «парламентский контроль».

В главах 5 и 6 Основного Закона определились лишь отдельные из известных конституционной практике контрольных полномочий: право соучастия в назначении на должности определенного круга публичных должностных лиц (п. «ж», «и» ст. 102, п. «г», «д», «е» ч. 1 ст. 103), право отказа в доверии, или выражения вотума недоверия Правительству (п. «б» ч. 1 ст. 102), которое, однако, могло вызвать конституционно определенные последствия только по решению Президента РФ (ст. 111 в редакции 1993 г.), право выразить недоверие Правительству (ч. 3 ст. 117), притом что достижение цели указанной конституционной нормы полностью зависимо от дискреции Президента (2-е предлож. ч. 3, 4 ст. 117). Очевидно, что некоторые контрольные полномочия можно вывести из взаимосвязанного анализа отдельных конституционных установлений Основного За-

¹ О корреляции формы правления и степени самостоятельности высших органов государства в механизме властвования см.: Червонюк В.И. Форма государственного правления (конституционно-правовой анализ): монография. М., 2018; Он же. Идея права и право в идеях: в 2 т. Том II. Кн. 2: Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ: монография. М.: Юстицинформ, 2022. Гл. 1 раздела I.

кона, но это не снимает ощущения недостаточности конституционного ресурса в отправлении национальным парламентом одного из ключевых направлений его деятельности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что первый законодательный акт по предмету регулирования парламентского контроля – Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» – был принят по прошествии 12-ти лет после принятия действующей Конституции, а комплексный акт в этой сфере – Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» – спустя почти 20 лет.

Конечно, отдельные нормативные установления, связанные с закреплением некоторых инструментов парламентского контроля, все же появились намного раньше и были связаны с принятием Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст. 7, 13-17) [6].

В последующем конкретизация порядка применения тех немногочисленных контрольных механизмов, которые были конституционно определены, получает закрепление в Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», в федеральных законах от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (прекратившем действие в связи с принятием Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации») [7], от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [8], действующем Бюджетном кодексе РФ. Безусловно, важное значение имели нормы парламентского права, представленные в первоначально принятых в 1994 г. регламентах палат Федерального Собрания.

Казалось бы, что с принятием Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [9] (действовавшего до введения в действие Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации») конституционно-правовые основы осуществления контроля парламента в отношении высшего федерального органа исполнительной власти будут несколько усилены, подобно тому как этот же закон расширил конституционно определенные полномочия Президента РФ по формированию состава Правительства (ч. 6 и 10 ст. 12 в редакции Федерального конституционного закона от 19 июня 2004 г. № 4-ФКЗ) [10]. Однако законодатель сохранил сдержанность в данном вопросе. Таковую же сдер-

жанность в вопросе уточнения правовых основ парламентского контроля проявил и федеральный орган конституционного контроля.

Законом Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» [11] была внесена поправка в Конституцию РФ, на основании которой затем были внесены изменения в действовавший на то время Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» [12], а также в Регламент Государственной Думы, предусмотревшие обязанность Правительства РФ представления ежегодных отчетов, а к обязательным полномочиям данной палаты Федерального Собрания отнесено было их заслушивание.

И все же важной вехой, призванной прежде всего формально-юридически снять неопределенность относительно контрольных полномочий общенациональной легислатуры, стал вышеупомянутый Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ. В законе была предпринята попытка комплексного регулирования парламентского контроля в Российской Федерации: определение его целей (ст. 2), принципов (ст. 3), субъектов (ст. 4), форм данного контроля (ст. 5), включая детальное определение порядка осуществления отдельных из таких форм (заслушивание ответов членов Правительства Российской Федерации и иных должностных лиц на вопросы членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы (ст. 7), заслушивание информации представителей Правительства Российской Федерации о ежегодных государственных и национальных докладах (ст. 7.1), парламентский и депутатский запросы (ст. 8), парламентское расследование (ст. 9), парламентский контроль за работой представителей палат Федерального Собрания (ст. 10), осуществление палатами Федерального Собрания парламентского контроля в сфере бюджетных правоотношений (ст. 11), участие в работе правительственной комиссии по расследованию причин возникновения обстоятельств чрезвычайного характера и ликвидации их последствий (ст. 12)) [13].

Закон в статье 5 определяет те формы контроля, которые осуществляются: 1) только Государственной Думой Федерального Собрания (п. 1, 3-4, 13-14) или Советом Федерации (п. 14); 2) порознь каждой из палат Федерального Собрания (п. 2, 7-9, 11, 12, 15-18); 3) неуказанным в самом законе субъектом: либо палатой, либо совместно парламентом (п. 5, 6, 10).

Отдельные из предложенных в законе форм парламентского контроля (к примеру, заслушивание отчета Правительства РФ, заслушивание информации представителей Правительства РФ, парламентский и депутатский запросы) представляют собой не формы парламентского контроля, а правовые средства

его осуществления, которые, в свою очередь, реализуются в соответствующих им формах.

Принципиально важно обратить внимание на положения закона, имеющие ключевое значение для конституционной практики. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что закон легализует одну из важнейших функций парламента, в отношении которой конституционный законодатель сохранил молчание, которое никак нельзя квалифицировать в качестве квалифицированного молчания. Согласно положениям преамбулы Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ назначение принятия данного закона связывалось с «осуществлением палатами Федерального Собрания Российской Федерации», иными парламентскими структурами и членами парламента «парламентского контроля на основе Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, настоящего Федерального закона, других федеральных законов, регламентов палат Федерального Собрания Российской Федерации» [13]. Тем самым содержание дефинитивного установления ст. 94 Основного Закона, можно сказать, своеобразным образом было достроено. Поправками 2020 г. в Конституцию РФ данное положение вышеупомянутого закона получило конституционное признание. Согласно вновь введенной в Конституцию РФ ст. 103.1 «Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц». Таким образом, была восстановлена логика конституционного регулирования субъектности российского парламента. Хотя, конечно, предпочтительнее конструкция данной статьи выглядела бы в том случае, если непосредственно положения ст. 103.1 содержали бы указание относительно того, что парламентский контроль предназначен прежде всего для осуществления контроля парламента за деятельностью Правительства, федеральных и иных органов, осуществляющих исполнительную власть в Российской Федерации. Несколько нелогичным в контексте имплицитно присущей парламента контрольной функции является использование конституционным законодателем оператора модальности «вправе осуществлять парламентский контроль». Не совсем уместным представляется и сделанный в данной статье акцент относительно одной из форм парламентского контроля – парламентских запросов. С учетом отмеченного представляется, что положение ст. 103.1 содержательно могло бы быть представлено следующим образом: «Совет Федерации, Государственная Дума осуществляют парламентский контроль за деятельностью Правительства, иных ор-

ганов, осуществляющих исполнительную власть в Российской Федерации. Порядок осуществления парламентского контроля определяется федеральными законами и регламентами палат Федерального Собрания». При этом конструктивно данную статью следовало бы расположить в качестве части второй статьи 94 Конституции РФ, соответственно, признав ст. 103.1 утратившей силу. Одновременно потребуются соотнесение предлагаемых новаций с положениями ч. 1 ст. 95 действующей Конституции.

В связи с отмеченным представляется необходимым уточнение положений анализируемого федерального закона о парламентском контроле. Прежде всего следует уточнить положения ст. 3 данного закона («Цели парламентского контроля»), согласовав их с его (закона) назначением и, соответственно, функцией контроля парламента. В этой связи к числу основных целей парламентского контроля следовало бы отнести «обеспечение систематического и действенного контроля палат Федерального Собрания над исполнительной властью, иными органами публичной власти, а также организациями с публично значимыми функциями».

В качестве одной из важных форм контрольной деятельности палат Федерального Собрания, комитетов и комиссий, сенаторов и депутатов Государственной Думы, предусмотренных ст. 5 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ, следовало бы признать «осуществление парламентского контроля за реализацией федеральных конституционных и федеральных законов». Контроль парламента в данной сфере полностью согласуется с таким важнейшим направлением деятельности федерального Правительства, как организация исполнения законов в Российской Федерации, – функцией, объективно отвечающей природе этого конституционного органа публичной власти. Отмеченная новелла не перекрывается положениями ст. 6 данного закона («Парламентский контроль при издании нормативных правовых актов, разработка и принятие которых предусмотрены федеральными законами»), для которой характерен иной предмет регулирования.

Практически не предусматривает закон солидарной деятельности палат Федерального Собрания по осуществлению парламентского контроля, кроме возможности осуществления парламентских расследований, – формы парламентского контроля, к которой парламента прибегает крайне редко, в т.ч. из-за весьма усложненного порядка создания парламентской комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования. Между тем, как представляется, совместная деятельность парламентских комитетов, комиссий, созданных ad hoc для осуществления контроля за реализацией законов, включая

совместное осуществление мониторинга введенных в действие законов, способствовала не только повышению действенности применения таких законов, но и рационализации законодательной деятельности парламента.

Принципиально важной формой парламентского контроля является прочно укоренившееся в странах с демократическими конституционными формами правления и парламентскими традициями парламентское расследование – форма контроля, учрежденная Федеральным законом от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» [14] и признанная Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (п. 18 ст. 5, ст. 9). Вместе с тем установленный Федеральным законом от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ порядок проведения парламентских расследований представляется чрезмерно усложненным. Так, право инициировать процедуру возбуждения парламентского расследования данный закон предоставляет группе членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы численностью не менее одной пятой от общего числа членов каждой из палат (ч. 1 ст. 7 (в ред. Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 88-ФЗ)); соответственно, правом такой инициативы может быть наделена группа депутатов Государственной Думы в количестве не менее 90 человек. Представляется, что таким правом должны обладать следующие субъекты: а) один из постоянных комитетов/комиссий палаты Федерального Собрания; б) группа депутатов Государственной Думы не менее 1/10 от общего состава палаты; в) фракция в составе Государственной Думы; г) совместно парламентарии: не менее десяти депутатов Государственной Думы и десяти сенаторов.

В контексте рационализации форм парламентского контроля существенное значение может иметь модернизация депутатского запроса в аспекте его сближения с применяемой в парламентской практике зарубежных стран интерpellацией. В указанном смысле депутатский запрос может быть реализован: а) как отдельным депутатом, так и группой депутатов Государственной Думы / сенаторов любой численности; б) совместно депутатами и сенаторами любой численности. При этом процедура осуществления парламентского запроса должна соответствовать процедуре применения интерpellации.

Несомненно, важной формой парламентского контроля являются ежегодные правительственные отчеты перед Государственной Думой, равно как и отчеты на уровне субъектов Федерации. В этой связи публикация полной версии такого отчета на IT-ресурсах и стенограммы его обсуждения в нижней палате Федерального парламента (региональной легислатуре) способствовала бы реальному усилению

данной формы контроля парламента над исполнительной ветвью власти. В этой же связи представляется приемлемым предложение об установлении правила, согласно которому по результатам заслушивания законодательный орган федерального и регионального уровней правомочен был бы возбудить процедуру выражения недоверия должностному лицу органа исполнительной власти. Точно также требует усовершенствования процедура заслушивания представляемого Государственной Думе отчета об исполнении федерального бюджета за прошедший финансовый год.

Серьезным изъяном Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ является и то обстоятельство, что в нем не определены правовые средства (инструментарий) осуществления парламентского контроля, которые не пересекаются с формами данного контроля; невнимание законодателя к данному компоненту осуществления парламентского контроля существенно ослабляет действенность закона. Некоторые из таких правовых средств (инструментов парламентского контроля) закреплены в упомянутом Федеральном законе «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: право на прием в первоочередном порядке руководителями и другими должностными лицами (ст. 16), на получение и распространение информации (ст. 17), внесение депутатского запроса (п. «е» ч. 1 ст. 7), право на обращение к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению обнаружившегося нарушения прав граждан (п. «з» ч. 1 ст. 7) и др. [13]. То обстоятельство, что отдельные из перечисленных форм парламентского контроля совпадают по своему назначению с правовыми средствами или инструментами контроля парламента, не отменяет отмеченной необходимости легализации правовых средств парламентского контроля.

Одновременно обращает на себя внимание то методологически значимое обстоятельство, что Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (в действующей редакции) не устанавливает пределы осуществления парламентского контроля, подобно тому как они закреплены в федеральных законах о парламентском расследовании (ч. 3 ст. 2), о статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы (ч. 9 ст. 8, ст. 18).

Выводы

Принятие в разные периоды времени федеральных законов о статусе членов парламента, Счетной палате, парламентском расследовании и парламентском контроле, Банке России, внесенные в Основной Закон поправки о ежегодных отчетах Правительства, поправки 2020 г., которыми наряду с некоторым рас-

ширением сферы контроля палат Федерального Собрания над Правительством введено в оборот понятие «парламентский контроль», – свидетельство расширения контрольных полномочий федерального органа законодательной власти. Институционализации парламентского контроля способствуют отдельные решения Конституционного Суда, а также формирующиеся в парламентской практике традиции и обыкновения.

В то же время объем контрольных полномочий российского парламента, его пределы жестко детерминированы конституционно установленной моделью организации верховной публичной власти; в этой связи рационализация практик парламентского контроля может осуществляться в конституционно заданных параметрах. Одновременно, несмотря на то, что в принципе «пакет» форм и средств пар-

ламентского контроля палат Федерального Собрания в определенной мере сопоставим с контрольными полномочиями легислатур зарубежных стран, обще-социальный запрос относительно эффективного государства, его безусловной связанности правом и правами человека, конституционно определенными целями и ценностями объективно предполагает радикальное усовершенствование практики парламентского контроля, уточнение в этой связи конструкции конституционных установлений, в особенности что касается выражения Правительству вотума недоверия; предоставления группе парламентариев, объединенных во фракцию (депутатскую группу), права инициирования отставки отдельных членов правительства, применения «внутреннего» вето в отношении принятия инициированных им (правительством) законов и др.

Список источников

1. Конституционное право зарубежных стран: учебник: в 2 ч. Часть I: Сравнительное конституционное право / В.И. Червонюк, И.В. Калинин, А.Ю. Мелехова. 3-е изд., доп. М., 2018. 275 с.
2. Исполнительная власть, законодательная власть, судебная власть во Франции. Российско-французская сер.: Информационные и учебные материалы. Новая серия № 6 / Посольство Франции в России. МИД Франции. М., 1996.
3. Червонюк В.И. Идея права и право в идеях: в 2 т.; т. I: Теория, философия и методология права. М.: Юстицинформ, 2021. 736 с.
4. Червонюк В.И. Конституционное право России. Общая часть: учебник: в 2 кн. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. Кн. 1.
5. Галуева В.О. Конституционное закрепление контрольной деятельности Федерального Собрания РФ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 44-47.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3. Ст. 167.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 51. Ст. 5712.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2478.
11. Российская газета. 2008. 31 дек.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 3.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2304.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 7.

Информация об авторе

В.И. Червонюк – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V.I. Chervonyuk – Doctor of Science (Law), Professor.

Административное право и административный процесс

Научная статья
УДК 342.228

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Марина Александровна Бучакова¹, Андрей Александрович Гайдуков²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, mb290163@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, gaidukow28@mail.ru

Аннотация. В научной статье рассматривается охрана общественного порядка как сложная правовая категория, при этом авторы обращают внимание на множественность субъектов, осуществляющих ее: органы внутренних дел, органы местного самоуправления, гражданское общество. Анализ полномочий органов местного самоуправления свидетельствует о том, что эти органы, несмотря на участие в охране общественного порядка, ведущим субъектом этой деятельности не являются. Авторами отмечается, что в целях согласованности нормативных положений Конституции РФ и федерального законодательства требуются соответствующие изменения в законе о местном самоуправлении, уточняющие полномочия указанных органов в качестве участвующего субъекта в охране общественного порядка.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, органы местного самоуправления, органы внутренних дел, полномочия, взаимодействие, предмет ведения

Для цитирования: Бучакова М.А., Гайдуков А.А. Полномочия органов местного самоуправления в охране общественного порядка // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 30-34.

Original article

POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER

Marina A. Buchakova¹, Andrey A. Gaidukov²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, mbuchakova@mvd.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, gaidukow28@mail.ru

Abstract. The protection of public order is considered as a complex legal category, while the authors pay attention to the plurality of subjects that protect it: internal affairs bodies, local governments, civil society. An analysis of the powers of local self-government bodies indicates that these bodies are involved in the protection of public order, but they are not the leading subject of this activity. The authors note that in order to harmonize the normative provisions of the Constitution of the Russian Federation and federal legislation, appropriate changes are required in the Law on Local Self-Government, which clarify the powers of these bodies as a participating subject in the protection of public order, since the main subject is the police. The vector of development of the powers of local governments in the field of public order protection is aimed at coordinating the activities of public law enforcement formations operating within a certain municipality in cooperation with the police.

Keywords: protection of public order, local self-government bodies, internal affairs bodies, powers, interaction, subject matter

For citation: Buchakova M.A., Gaidukov A.A. Powers of local self-government bodies in the protection of public order. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:30-34. (In Russ.).

© Бучакова М.А., Гайдуков А.А., 2022

Конституция Российской Федерации относит охрану общественного порядка к числу наиболее актуальных и насущных государственных вопросов. Собственно обеспечение правопорядка в целом и на территории отдельно взятого региона в частности, согласно п. «б» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ, входит в предмет совместного ведения федерального центра и субъектов Российской Федерации. Правительство Российской Федерации в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ взяло на себя прерогативу по осуществлению мер, связанных с обеспечением общественного порядка как на отдельно взятой территории, так и повсеместно на всей территории Российской Федерации [1]. К числу таких мер, в частности, относятся: финансирование правоохранительных органов; разработка и реализация государственных программ, связанных с обеспечением общественного порядка и противодействием преступности [2].

Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы государственной власти и местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, которые осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. К числу таких задач относится непосредственное осуществление охраны общественного порядка на отдельно взятой территории муниципального образования, а также организация этой деятельности (расчет сил и средств, снабжение, формы взаимодействия и т.д.).

В юридической литературе существует множество подходов к категории «общественный порядок», а также к способам его охраны. В общеправовом смысле общественный порядок считается социально-правовой категорией, устанавливающей и определяющей систему социальных норм (законов, морали, общепринятых норм общежития и др.), которые неприкосновенны, гарантируются государством и поддерживаются обществом [3, с. 65].

Охрана общественного порядка считается важнейшей внутренней функцией государства, реализация которой происходит через укрепление правопорядка. Целью данной функции является обеспечение государственной и общественной безопасности страны [4]. При этом Д.В. Пожарский считает, что охрана общественного порядка относится к элементам правоохранительной функции государства [5, с. 31].

По мнению И.Д. Хомякова, под охраной общественного порядка понимается деятельность специально уполномоченных органов в установленных законом формах, направленная: на предупреждение и пресечение противоправных проявлений; соблюдение интересов государства и общества в целом; поддержание общественного спокойствия; нормальное функционирование организаций, предприятий и учреждений, транспорта и коммуникаций; устране-

ние причин и субъектов, их дестабилизирующих [6, с. 153].

Обеспечение функционирования жизнедеятельности каждого поселения находится в ведении органов местного самоуправления. Они же с учетом территориальной организации муниципального образования (городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ и пр.) ответственны за состояние охраны общественного порядка, безопасности населения, проживающего на соответствующей территории. В этих целях органы местного самоуправления участвуют в организации деятельности по противодействию правонарушениям, совершаемым в общественных местах, организации надлежащего уровня безопасности в местах массового скопления людей и пр.

Наиболее распространенными противоправными деяниями в жилом секторе городского или сельского поселения являются правонарушения, посягающие на общественный правопорядок, которые совершаются в виде: хулиганских действий; несанкционированных митингов; экстремистских проявлений; появлений отдельных граждан в общественных местах в состоянии опьянения; стрельбы из оружия в неположенных местах. Данные правонарушения не только могут представлять общественную опасность, но и обладают свойствами внезапности и непредсказуемости, вызывая страх, тревогу, протестные настроения среди граждан, населяющих муниципальное образование, и в случае, если они не будут пресечены, то возможны большие негативные последствия.

В последние годы в России численность уличных правонарушений снизилась, в т.ч. за счет вводимых ограничений, вызванных COVID-19. Вместе с тем благоприятные изменения санитарно-эпидемиологической ситуации в стране, сопровождаемые снятием ограничений в передвижении для граждан, вновь могут привести к увеличению численности данного вида правонарушений.

Деятельность органов местного самоуправления в этом направлении осуществляется в соответствии с законодательно установленными полномочиями по охране общественного порядка. Так, в п. 33 и 33.1 ч. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон «О местном самоуправлении») к вопросам местного значения городского и сельского поселения отнесены оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин, оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, а также предоставление помещения для работы на обслуживаемом административном участке сотруд-

нику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции. В частности, в качестве содействия гражданам, участвующим в поиске лиц, пропавших без вести, органы местного самоуправления размещают на своих официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также в средствах массовой информации, в т.ч. на общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах, информацию о лицах, пропавших без вести, а также иную доступную информацию, связанную с поиском (розыском) людей.

Таким образом, органы местного самоуправления на уровне городского и сельского поселения содействуют и принимают участие в организации охраны общественного порядка. В свою очередь, на уровне муниципального, городского округа (т.е. более крупного муниципального образования) согласно п. 9 ч. 1 ст. 16 Закона «О местном самоуправлении» организация охраны общественного порядка на территории муниципальной милицией относится к вопросам местного значения [7]. Помимо содействия, помощи полиции и народным дружинам, к охране общественного порядка согласно ранее указанной норме привлекается находящийся в подчинении муниципалитетов отдельный орган – муниципальная милиция. Указанный орган продекларирован в законе, однако в реальности не существует, но идея его создания не утратила силу до настоящего времени.

Опыт деятельности муниципальной милиции (полиции) довольно распространен в некоторых зарубежных странах (США, Франция, Республика Казахстан). По мнению ряда исследователей, деятельность муниципальной полиции направлена на поддержание общественного порядка на городском и сельском уровнях и достаточно эффективно осуществляется. Особенностью данных органов правопорядка является их подчиненность местной администрации, т.е., по сути, действует многоуровневость в организации полицейских формирований [8, 9]. Результативность деятельности местной полиции обусловлена ее близостью к населению, умением создать доверительные отношения при выполнении социально значимых функций. Доверительный характер отношений способствует развитию характера обратной связи, при котором граждане вовлекаются в процесс охраны общественного порядка, воспринимая его в качестве необходимого элемента для обеспечения правопорядка на соответствующей территории.

В ретроспективном анализе функция охраны общественного порядка всегда являлась приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел. Это подтверждается нормативными правовыми актами, действовавшими в различные этапы функционирования российской милиции. Так, незадолго до

распада СССР был принят Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции», регламентирующий деятельность милиции, в соответствии с которым к ее задачам было отнесено: обеспечение безопасности личности; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Безусловно, эти задачи были в дальнейшем подкреплены на конституционном уровне и усилены иными организующими охрану общественного порядка субъектами. Так, в прежней редакции Конституции РФ (до 2020 г.) охрана общественного порядка входила в непосредственные полномочия органов местного самоуправления. Более того, органы местного самоуправления выступали основным субъектом и в целом самостоятельно осуществляли охрану общественного порядка. Однако данная конституционная норма в принципе имела в большей мере формальный характер, т.к. органы местного самоуправления принимали участие в отдельных мероприятиях по охране общественного порядка, однако основными субъектами, организующими и координирующими данную деятельность, не являлись. Об этом неоднократно писали известные ученые, занимающиеся как административным, так и муниципальным правом [10, 11]. Органы местного самоуправления, исходя из потребностей населения в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, формировали и финансировали необходимое количество сотрудников милиции общественной безопасности (участковых уполномоченных, патрульно-постовой службы и т.д.), которые были задействованы в необходимых мероприятиях по поддержанию правопорядка на отдельно взятой территории. Получалось, что, с одной стороны, они находились в составе ГУВД и УВД в подчинении МВД России, с другой – одновременно финансировались из местного бюджета и были также ответственны перед местной администрацией. Руководители органов внутренних дел на районном уровне отчитывались перед администрацией о сложившейся оперативной обстановке.

Развивая идею создания отдельной муниципальной милиции, в 1998-2000 гг. согласно Указу Президента Российской Федерации от 17 сентября 1998 г. № 1115 «О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления» был проведен широкомасштабный эксперимент по организации муниципальной милиции в десяти субъектах Российской Федерации (Республика Дагестан, Карабудахкентский район; Республика Карелия; Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ; Ставропольский край, г. Став-

рополь; Астраханская область, Икрянинский район; Иркутская область, г. Братск, Иркутск, Шелехов; Калининградская область, г. Балтийск; Новгородская область; Самарская область, г. Тольятти; Саратовская область). Базой для эксперимента выступили отдельные подразделения милиции общественной безопасности (в частности, участковые уполномоченные, патрульно-постовая служба и др.).

Основными целями эксперимента являлись: поиск оптимальных путей формирования муниципальных органов охраны общественного порядка, определение их организационно-правовых форм и объема полномочий. На органы местного самоуправления были возложены следующие полномочия: определение и согласование текущих и перспективных планов работы по охране общественного порядка; контроль за состоянием охраны общественного порядка; контроль за деятельностью служб и подразделений, участвующих в эксперименте [12]. Между тем опыт организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления не прижился по ряду причин: во-первых, на тот момент отсутствовала соответствующая правовая база надлежущего взаимодействия; во-вторых, недостаточность материальных, финансовых ресурсов; в-третьих, «одной из причин провала эксперимента считалась неготовность самих органов местного самоуправления быть ответственными за осуществление охраны общественного порядка» [13, с. 55]. Указанные обстоятельства явно свидетельствуют о том, что охрана общественного порядка выходит за рамки вопросов местного значения, а органы местного самоуправления лишь способствуют ее эффективной реализации и являются частью системы организации правопорядка на отдельно взятой территории.

В настоящее время охрана общественного порядка считается исключительной прерогативой органов внутренних дел, конкретных служб и подразделений полиции, что непосредственно закреплено в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции (далее – Закон «О полиции»)), ведомственных нормативных актах МВД России. Так, полиция, являясь частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, к своему предназначению относит охрану общественного порядка (ч. 1 ст. 1 Закона «О полиции») [14]. Тем не менее начальник управления, отдела, отделения МВД России по району, городу и иному муниципальному образованию ежегодно отчитывается перед представительным органом муниципального образования (нескольких муниципальных образований) о деятельности подчиненного органа внутренних дел за год [15]. Одним из ключевых вопросов отчета являются результаты деятельности ОВД по охране общественного поряд-

ка и обеспечению общественной безопасности. Это обусловлено тем, что общественный порядок имеет сложный механизм функционирования, обладая качеством многоплановости, различием подходов к его рассмотрению и пониманию в качестве социально-политической и правовой категории. Неоднородность объектов, подлежащих охране, таких как: санитарное состояние на рынках и в местах общественного питания, санитарно-эпидемиологические правила и их соблюдение гражданами, безопасность в местах массового скопления людей: зрелищные спортивные и культурно-массовые мероприятия, мероприятия политического характера в виде демонстраций, митингов, шествий и пикетирований, профилактическая работа с гражданами, распространение правовых знаний среди населения, также обуславливает необходимость множественности субъектов, осуществляющих эти функции.

Проблематика осуществляемых полномочий в сфере охраны общественного порядка обусловлена прежде всего изменчивостью позиции законодателя по закреплению на самом высоком уровне разных подходов к функциям органов, задействованных в различных мероприятиях, направленных на ежедневное осуществление, обеспечение или поддержание, а также восстановление общественного порядка на территории всей страны либо в отдельно взятой местности. Кроме того, существует определенная несогласованность нормативных положений, регламентирующих полномочия соответствующих органов федерального, регионального и местного уровней по отдельным вопросам организации охраны общественного порядка.

В обновленной редакции Конституции РФ 2020 г. охрана общественного порядка к функциям органов местного самоуправления не относится. Законодатель пошел по пути сокращения законодательно установленных вопросов местного значения. Тем не менее органы местного самоуправления участвуют как в организации, так и в непосредственном обеспечении охраны общественного порядка, что является одним из направлений деятельности муниципального образования.

Перспективы развития полномочий органов местного самоуправления по охране общественного порядка связаны с активизацией их деятельности по привлечению граждан, а также общественных формирований правоохранительной направленности к осуществлению охраны общественного порядка на отдельно взятой территории муниципального образования во взаимодействии с органами внутренних дел. Следует отметить, что органы местного самоуправления являются координаторами функционирования жизнедеятельности всего муниципального образования. При этом охрана общественного поряд-

ка выступает необходимым направлением деятельности, а состояние ее организации, обеспечения и поддержания служит важным показателем результативности работы как органов местного самоуправления, так и органов внутренних дел, в т.ч. в процессе взаимодействия.

Список источников

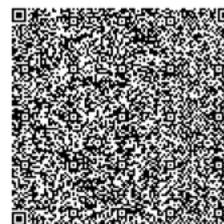
1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Соколов В.А., Овсепян Г.М. Совершенствование нормативного правового регулирования охраны общественного порядка в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 65-68.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Пожарский Д.В. О соотношении экономической и охранительной функции Российского государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 30-34.
6. Хомяков И.Д. Проблемы понятия охраны общественного порядка как формы реализации правоохранительной функции государства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-5. С. 146-153.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Осипов Ю.И. Зарубежный опыт муниципализации полиции // Муниципальная полиция: проблемы организации и правового обеспечения, зарубежный опыт. М., 1991.
9. Герасимов О.П. Местное самоуправление и местная полиция во Франции. М., 1992. 125 с.
10. Казанник А.И. Муниципальная полиция в системе органов местного самоуправления России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6. С. 21-25.
11. Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // Lex russica. 2015. № 10. С. 32-45.
12. О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 1998 г. № 1115. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Документ утратил силу.)
13. Дизер О.А., Бучакова М.А. Перспективы реализации органами местного самоуправления функции по охране общественного порядка // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 52-56.
14. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 августа 2011 г. № 975. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторах

М.А. Бучакова – доктор юридических наук, доцент;
А.А. Гайдуков – кандидат юридических наук.

Information about the authors

M.A. Buchakova – Doctor of Science (Law), Associate Professor;
A.A. Gaidukov – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.85

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Дина Васильевна Вечерникова¹, Елена Евгеньевна Власенко², Усман Исаевич Заудинов³

^{1,2} Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

¹ dinvech2@yahoo.com

² vlasenko-elena123@yandex.ru

³ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, usman.90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых положений российского и международного законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Анализируется исторический опыт в сфере профилактической деятельности правонарушителей несовершеннолетних. В контексте данного исследования проанализированы основные положения нормативных правовых актов в области вопросов профилактики безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, а также предупреждения совершения такими лицами правонарушений. Авторы отмечают наличие дублирующих функций у субъектов, осуществляющих профилактику, а также необходимость систематизации и актуализации нормативных правовых актов, не отвечающих требованиям времени.

Ключевые слова: профилактика правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, защита прав и интересов, субъекты профилактической деятельности, внутриведомственное, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Вечерникова Д.В., Власенко Е.Е., Заудинов У.И. К вопросу о профилактической деятельности по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 35-39.

Original article

REVISITING THE PREVENTIVE ACTIVITIES FOR THE PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY, PROTECTION OF THEIR RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

Dina V. Vechernikova¹, Elena Ye. Vlasenko², Usman I. Zaudinov³

^{1,2} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

¹ dinvech2@yahoo.com

² vlasenko-elena123@yandex.ru

³ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, usman.90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal provisions of Russian and international legislation in the field of prevention of neglect and juvenile crime. The historical experience in the area of preventive work with minors is being analyzed. In this study main provisions of the regulatory acts in the sphere of prevention of neglect, homelessness, and crime among minors were analyzed. The authors note that there are duplicate functions among subjects engaged in the prevention, necessity of systematization and updating of normative legal acts that cannot meet modern demands. The problems are identified and the ways to solve them are outlined both in the sphere of intradepartmental and interdepartmental interaction of subjects of prevention in the field of juvenile crime.

Keywords: prevention of offenses and neglect of minors, protection of rights and interests, subjects of preventive activity, intradepartmental, interdepartmental interaction

For citation: Vechernikova D.V., Vlasenko Ye.E., Zaudinov U.I. Revisiting the preventive activities for the prevention of neglect and juvenile delinquency, protection of their rights and legitimate interests. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;3:35-39. (In Russ.).

Преступность среди несовершеннолетних является одной из самых серьезных проблем во всем человеческом сообществе. Такое положение связано с социально-экономическими и культурными факторами. По статистическим данным, опубликованным на сайте Генеральной прокуратуры России, за 2020 год учащимися и студентами в Российской Федерации было совершено 34 771 преступление, по Краснодарскому краю указанной категорией было совершено 936 преступлений. Статистика свидетельствует, что уже в первом полугодии 2021 г. было расследовано 14,8 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними. Основной их массив посягает на чужую собственность. Что касается преступлений в отношении несовершеннолетних, то таких деяний только в 2020 г. было совершено свыше 57,2 тыс., из которых 217 убийств, 270 случаев доведения до самоубийства, 314 фактов истязания, 1,1 тыс. изнасилований и почти 3,7 тыс. насильственных действий сексуального характера [1]. Особенности подросткового возраста являются повышенной внушаемостью и практически полный нигилизм к запретам и правилам, стремление к самовыражению и самоутверждению и вместе с тем неуверенность, неустойчивость самооценки. Большинство преступлений совершается несовершеннолетними в группе. Согласно статистическим данным, в Краснодарском крае при общей тенденции к снижению уровня преступности несовершеннолетних наблюдается рост количества совершенных несовершеннолетними особо тяжких преступлений. Если обратиться к данным Федеральной службы государственной статистики, доля выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, в процентах от численности населения в возрасте от 14-17 лет неуклонно падает: если в 2008 г. она составляла 1,53%, то в 2020 г. – 0,57% [2]. Таким образом, снижение уровня преступности несовершеннолетних характеризуется только демографическими данными.

Факторами, повышающими степень общественной опасности совершения несовершеннолетними правонарушений, помимо непосредственного их совершения, также являются: вовлечение новых несовершеннолетних лиц в противоправную деятельность, в т.ч. потребление наркотиков; увеличение риска заболеваний ВИЧ-инфекциями, гепатитом, туберкулезом и иными заболеваниями; высокая вероятность совершения тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья. Методика выявления, раскрытия и расследования правонарушений, связанных с правонарушениями, совершенными как несовершеннолетними, так и в отношении несовершеннолетних, требует изменений в связи с меняющейся фактической обстановкой.

Вместе с тем, если обратиться к историческим фактам в исследуемой сфере, то следует отметить,

что в России проблема беспризорности несовершеннолетних существовала всегда. В Русском государстве до XVII в. не был определен статус малолетнего, и дети не были выделены в отдельную группу преступников. Системный подход к решению проблемы детской безнадзорности появился лишь после Второй мировой войны.

В настоящее время в России существует трехуровневая система комиссий. Первый (высший) уровень – Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, положение и состав которой утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 [3]. В регионах учреждены региональные и муниципальные (территориальные) комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (соответственно второй и третий уровни), которые создаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Созданные впервые в 1918 г. и функционирующие по сей день комиссии по делам несовершеннолетних осуществляют и координируют работу всех органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и играют ключевую роль не только в борьбе с подростковой преступностью, но и в защите их прав и законных интересов.

Внутригосударственными нормативными правовыми актами и международными правовыми стандартами, в большей части разработанными в рамках ООН, регламентирована деятельность субъектов по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Основной идеей всех международных стандартов является ценность личности; незыблемость ее прав и свобод; исключение пыток и уважительное обращение с правонарушителями.

Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные основы профилактики безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, а также предупреждения совершения такими лицами правонарушений. Конкретизацию такие положения находят в Семейном кодексе РФ (утвержденном федеральным законом от 29.12.1995 № 223-ФЗ), который определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в т.ч. в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; Федеральном законе от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», который определяет общие принципы, содержание и меры социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц,

потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя [4]; Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», который устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка [5]; Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который устанавливает использование превентивных мер воздействия к несовершеннолетним, имеющим девиантное поведение [6]; Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [7], который устанавливает ряд запретов, связанных с применением специальных средств (палок специальных, служебных животных и т.д.), огнестрельного оружия.

Кроме того, рассматриваемую деятельность полиции также регламентируют и подзаконные нормативные правовые акты федерального уровня, а также законы субъектов Российской Федерации. Так, 21.07.2008 был принят Закон Краснодарского края № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае» [8], который одним из первых закрепил меры ответственности для родителей и должностных лиц, нарушающих требования данного закона. В последующие годы аналогичные законы были приняты и в других субъектах Российской Федерации. Главной мыслью указанных нормативных актов является идея недопущения появления в общественных местах несовершеннолетних в определенное (преимущественно ночное) время суток. Кроме того, устанавливается запрет посещать как места игорных заведений, так и кафе, рестораны, продающие алкогольную продукцию, предприятия, распространяющие порнографию, наркоманию, токсикоманию и др. Реализация норм подобных законов позволила существенно снизить количество несовершеннолетних, находящихся без присмотра родителей или иных законных представителей в указанных местах, а также на улицах и иных общественных местах. Все это способствует не только снижению уровня подростковой преступности и количества преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, но и обеспечивает духовно-нравственную защиту подростков, их социализацию, формирование устойчивых ценностных ориентиров.

Таким образом, вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних регламентирует большое количество нормативных правовых актов. Вместе с тем многие нормативные правовые акты не отвечают требованиям времени

и требуют систематизации и актуализации. Зачастую на различные субъекты профилактической деятельности возлагаются дублирующие функции, что приводит к противоположному от ожидаемого эффекту. Например, регламентация действий сотрудников МВД России по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними по месту проживания и в общественных местах, утвержденная Приказом МВД России от 15.10.2013 № 845 [9], не отражает организацию деятельности по предупреждению правонарушений в сети Интернет (хулиганство, оскорбление, мошеннические действия, нелегальная продажа запрещенных и ограниченных в обороте веществ (средств) и пр.). Вместе с тем непринятие должных мер к правонарушителям в обозначенной сфере закрепляет у подростка уверенность в своей безнаказанности.

Проводимая с несовершеннолетними и их семьями индивидуальная профилактическая работа должна быть построена на принципах: индивидуального подхода; законности; ответственности за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних; своевременности; взаимодействия всех субъектов профилактики, способных принять меры к ресоциализации состоящих на профилактическом учете лиц; конфиденциальности информации, полученной в ходе индивидуальной профилактической работы.

Понятие организации взаимодействия (как внутриведомственного, так и межведомственного) предполагает согласованность действий по целям, месту и времени в рамках своей компетенции.

Анализ нормативных актов в исследуемой сфере показал, что на различные субъекты профилактики возлагаются дублирующие функции, отсутствует реальное взаимодействие между субъектами системы профилактики. Система учреждений по возможному применению мер воспитательного воздействия выполняет свои функции не в полном объеме. Для более эффективной профилактики, а также защиты прав и интересов несовершеннолетних необходимо создание соответствующей международной системы уголовной опеки.

Подростковая преступность непосредственно коррелирует с состоянием преступности в будущем. Таким образом, ее профилактика напрямую влияет на состояние общественной безопасности страны. Статистические данные подростковой преступности свидетельствуют о том, что, несмотря на значительное количество мероприятий и программ, направленных на предупреждение совершения несовершеннолетними правонарушений, их количество остается на достаточно высоком уровне. Анализ данных статистики в Краснодарском крае по раскрытым преступлениям показывает, что количество тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличивается.

В качестве способа предотвращения участия несовершеннолетних в совершении правонарушений и группах деструктивной ориентации в региональных программах в первую очередь отдается предпочтение организации досуга подростков. С этой целью планируются и реализуются мероприятия физкультурно-оздоровительного и спортивно-массового характера с несовершеннолетними, организуются профессиональное обучение, рабочие места с целью формирования навыков правомерного поведения и самостоятельного добывания законных средств к существованию.

В ходе исследования результатов реализации региональных программ профилактики правонарушений среди несовершеннолетних можно выделить следующие проблемы:

1) отсутствие должного финансового и материально-технического обеспечения субъектов профилактики правонарушений;

2) отсутствие необходимого взаимодействия всех субъектов, участвующих в мероприятиях профилактики;

3) пробелы и коллизии в законодательстве.

Для повышения эффективности профилактической работы среди несовершеннолетних считаем необходимым при реализации профилактических программ привлекать средства не только федерального, регионального и местного бюджетов, но и коммерческих и некоммерческих организаций. Кроме того, считаем необходимым возродить институт лечебно-трудовых профилакториев в целях профилактического воздействия на лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией.

Особенности культурного и национального воспитания должны отражаться в региональном законодательстве в сфере профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних.

Также одним из проблемных вопросов остается отсутствие действующей системы учреждений, а именно: центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП), специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее – СУВУЗТ), на которые можно было бы возложить применение судом мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему.

Так, на территории Алтайского края в 2021 г. сотрудниками полиции подготовлено 196 административных исков о помещении в ЦВСНП ГУ. В результате рассмотрения направленных в суд материалов в центр помещены 112 подростков, процент удовлетворенных административных исков составил 75%. В результате среднесуточная наполняемость центра по итогам 2021 г. составила 9 человек в день при расчетной наполняемости 25 подростков. В рамках расследования уголовных дел о преступлениях, совер-

шенных несовершеннолетними, сотрудники по делам несовершеннолетних края 62 раза ходатайствовали о направлении подростков в данное учреждение, направлено 6 подростков (2020 г. – 10 человек).

По статистическим данным, опубликованным на сайте Министерства просвещения Российской Федерации, на 2022 г. на территории России имеется 26 специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, подведомственных органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации [10]. Соотношение числа несовершеннолетних, помещенных в СУВУЗТ, и общего количества подростков, совершивших тяжкие преступления и преступления средней тяжести, позволяет говорить о том, что территориальные органы внутренних дел не в должной мере работают в данном направлении. Анализ судебных решений об отказе районными судами в удовлетворении административных исков о помещении несовершеннолетних в СУВУЗТ позволяет сделать вывод, что осуждение подростка к условной мере наказания считается более жестким наказанием, чем направление его в специализированное учреждение Министерства просвещения Российской Федерации. К другим причинам относятся не в полном объеме проведенная профилактическая работа в отношении несовершеннолетнего, отсутствие сведений об утрате контроля за несовершеннолетним со стороны школы и семьи, отсутствие обоснования, что временная изоляция от общества предупредит совершение повторного общественно опасного деяния, сочетанная с подменой судьями понятий «профилактическая» и «репрессивная» мера, вызывающая ассоциации ЦВСНП и СУВУЗТ с учреждениями исполнения наказаний¹.

Государственная политика в рассматриваемой сфере должна состоять как в ответственности в отношении самих несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния, так и в комплексном обеспечении защиты их прав и свобод со стороны государства в целом.

Как мы уже отмечали, различные субъекты профилактики зачастую осуществляют дублирующие функции, а в силу недостаточной разработанности всех необходимых институциональных и функциональных элементов системы профилактики в России не в полной мере осуществляется единая согласованная, взаимосвязанная политика всех ее элементов. Такая политика должна быть направлена на решение проблем ребенка. Единая стратегия алгоритмов действий будет являться регулятором вторичной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

¹ Обзор о состоянии работы по использованию возможностей ЦВСНП ГУ и СУВУЗТ в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними по итогам 2021 г.

Список источников

1. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vcSNRyvo/5-5.xls> (дата обращения: 23.04.2022).
2. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdaemost/> (дата обращения: 23.04.2022).
3. О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений в Краснодарском крае [Электронный ресурс]: закон Краснодарского края от 21.07.2008 № 1539-КЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. URL: <https://fcprc.ru/navigator/> (дата обращения: 23.04.2022).

Информация об авторах

Д.В. Вечерникова – кандидат юридических наук;
Е.Е. Власенко – кандидат юридических наук.

Information about the authors

D.V. Vechernikova – Candidate of Science (Law);
E.Ye. Vlasenko – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 351.745.5

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

Ильнур Асгатович Гумаров¹, Виктор Владимирович Тырышкин²

¹ Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, ilnur_gumar@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, witsan333@yandex.ru

Аннотация. Вопросы, касающиеся повышения эффективности деятельности отделов, отделений участковых уполномоченных полиции районного уровня, всегда будут пользоваться особой актуальностью ввиду того, что данные подразделения являются ключевыми звеньями в системе органов внутренних дел и от их работы во многом зависит реализация правоохранительных функций, осуществляемых полицией, а от деятельности непосредственных руководителей – эффективность деятельности подчиненных сотрудников. В статье анализируются проблемные вопросы, возникающие в процессе подготовки указанных руководителей к реализации управленческих функций, а также применяемые в рамках их управленческой деятельности методы. Рассматриваются пути совершенствования их деятельности по осуществлению управления подразделениями участковых уполномоченных полиции в рамках реализации управленческой деятельности.

Ключевые слова: функции управления, планирование работы, организация деятельности, регулирование, контроль, начальник подразделения участковых уполномоченных полиции, эффективность функционирования

Для цитирования: Гумаров И.А., Тырышкин В.В. Отдельные аспекты совершенствования управленческой деятельности руководителей подразделений участковых уполномоченных полиции // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 40-43.

Original article

SOME ASPECTS OF IMPROVING THE MANAGEMENT ACTIVITIES OF THE HEADS OF DIVISIONS OF LOCAL POLICE OFFICERS

Ilnur A. Gumarov¹, Viktor V. Tyryshkin²

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, ilnur_gumar@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, witsan333@yandex.ru

Abstract. Issues related to improving the efficiency of the activities of departments, offices of district police commissioners at the district level will always be of particular relevance due to the fact that these units are key links in the system of internal affairs bodies and the implementation of law enforcement functions performed by the police largely depends on their work, and the effectiveness of subordinate employees depends on the activities of their direct supervisors. The authors of the article consider certain aspects related to improving the efficiency of the managerial activities of the heads of divisions of district police commissioners. The problematic issues arising in the process of preparing these managers for the implementation of managerial functions, as well as the methods used in their management activities, are analyzed. The ways of improving their activities in the implementation of the management of the units of the district police commissioners in the framework of the implementation of management activities are considered. The role of the personal example of the head as one of the most effective means of increasing the efficiency of the work of the district police commissioners is revealed, among other things.

Keywords: management functions, work planning, organization of activities, regulation, control, head of the division of district police commissioners, efficiency of functioning

For citation: Gumarov I.A., Tyryshkin V.V. Some aspects of improving the management activities of the heads of divisions of local police officers. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:40-43. (In Russ.).

Каждый руководитель, стремящийся организовать работу подчиненного подразделения максимально эффективно, должен задаваться вопросом, каким образом возможно достичь наибольшей результативности в исполнении служебных обязанностей каждым подчиненным сотрудником, с помощью каких методов этот процесс может быть осуществлен максимально организованно. В рамках данной статьи будет предпринята попытка раскрыть указанный выше вопрос на примере деятельности руководителей подразделений участковых уполномоченных полиции районного уровня по реализации управленческих функций.

Эффективная организация деятельности участкового уполномоченного полиции (далее – УУП, участковый уполномоченный, участковый) складывается из многих факторов. Одним из основных факторов является работа руководителя подразделения УУП, т.к. он играет достаточно важную роль в координации деятельности, осуществляемой участковыми уполномоченными, и в повышении эффективности выполнения ими служебных обязанностей [1].

Направления управленческой деятельности руководителя подразделения УУП районного уровня детально регламентированы пунктом 8 Наставления по организации службы участковых уполномоченных полиции, утвержденного приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 [2]. Исходя из анализа положений вышеуказанного приказа, следует, что данные направления мы можем объединить в четыре основные функции: планирование деятельности вверенного подразделения, организация деятельности подчиненных сотрудников, регулирование организации исполнения служебных обязанностей и контроль исполнения подчиненными сотрудниками поручений и указаний. От того, насколько эффективно ими будут осуществляться данные функции, напрямую будет зависеть эффективность работы подчиненных сотрудников, а также полнота выполнения поставленных перед подразделением задач.

К руководящему составу в системе МВД России предъявляются специальные требования, существенно отличающиеся прежде всего по критериям комплексной оценки эффективности организации оперативно-служебной деятельности от выполнения служебных обязанностей подчиненного ему персонала [3]. В рамках подготовки данной статьи были проанкетированы 17 руководителей подразделений участковых уполномоченных полиции. Данные должностные лица проходили обучение на факультете переподготовки и повышения квалификации Барнаульского юридического института МВД России в дистанционном формате с 3 февраля по 16 мая 2022 г. Вопросы анкеты касались в том числе реализации руководителем управленческих функций,

указанных выше. В результате анкетирования было установлено, что одним из основных недостатков, на который указали данные сотрудники, является недостаточный уровень их теоретической подготовки по осуществлению управленческой деятельности.

В связи с полученными эмпирическими данными был подвергнут анализу процесс подготовки руководителей подразделений УУП. В ходе анализа были выделены 3 основных формы обучения, в рамках которых они могут проходить подготовку в сфере осуществления управленческой деятельности.

Первая форма – обучение сотрудника при постановке его в кадровый резерв на должность руководителя подразделения УУП. В ходе анкетирования было установлено, что 15 из 17 опрошенных руководителей были назначены на руководящую должность, находясь в кадровом резерве, однако предполагаемое обучение данных лиц проходило формально. Весь процесс обучения сводился только к составлению плана обучения и отчету о прохождении обучения. Реального обучения ни один из сотрудников не проходил, поэтому какого-либо положительного эффекта для формирования навыков управленческой работы в должности начальника подразделения УУП данная форма обучения не несет.

Вторая форма – специализированное обучение в образовательных организациях МВД России. На сегодняшний день специализированное управленческое образование возможно получить только в Академии управления МВД России. Из опрошенных руководителей ни один не проходил обучение в данной образовательной организации. Обучение в Академии управления МВД России проходят не все руководители, т.к. оно не является обязательным условием для назначения на должность руководителя, и в последующем, после назначения на должность руководителя подразделения УУП, также необходимость в прохождении указанного выше обучения отсутствует. Хотя с точки зрения получения управленческих навыков данная форма обучения является наиболее эффективной. Реализуется оно в очной и заочной формах. Что касается очного обучения, безусловно, в его рамках возможно достижение максимально положительного эффекта в получении теоретических знаний и управленческих навыков. Но и в рамках заочного обучения слушателям предоставляется время для сдачи экзаменационных сессий, в течение которого они совершенствуют свои теоретические познания в сфере управленческой деятельности.

Третья форма – обучение в рамках повышения квалификации указанных руководителей, которое осуществляется в настоящее время полностью в дистанционном формате. Анкетирование показало, что все 17 руководителей отметили, что при дистанционном формате дополнительного времени на обучение

не предоставляется, поэтому возникают сложности с выполнением заданий. Также время отсутствует для изучения теоретического материала, представленного в программе обучения. Кроме этого, в качестве предложений все анкетированные высказали мнение о том, что необходимо хотя бы часть обучения по повышению квалификации проводить в очном формате, что будет способствовать обмену положительным опытом между слушателями и увеличивать эффективность обучения.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо существенно изменить систему подготовки руководителей структурных подразделений УУП, принципиально корректировать обучение данных сотрудников на всех этапах: и в случае его включения в кадровый резерв на руководящую должность, и в случае повышения ими квалификации. Также учитывая, что в перспективе кандидатура руководителя подразделения УУП может рассматриваться для назначения на должность начальника территориального органа МВД России, возможно рассмотреть вопрос о прохождении им обучения в Академии управления МВД России. Это положительно отразится на качестве исполнения управленческих функций руководителями подразделений УУП и создаст дополнительный резерв для назначения на должность начальника территориального органа МВД России.

Вторым существенным фактором, влияющим на эффективность работы руководителей подразделений УУП, который мы охарактеризуем в данной статье, является совершенствование применяемых ими управленческих методов, т.к. эффективность управления указанными подразделениями во многом зависит от их правильного выбора и умелого сочетания.

В частности, необходимо остановиться на социально-психологических методах, используемых начальниками подразделений участковых районного уровня, ввиду того, что данные методы достаточно эффективны в управленческой деятельности, ориентированы на непосредственное воздействие на подчиненных сотрудников и не требуют дополнительных материальных затрат.

Отчасти данный вопрос также касается обучения, т.к. прежде чем применять управленческие методы, в т.ч. и социально-психологические, руководителю необходимо изучить теоретические положения в сфере осуществления управленческой деятельности. Но в большей степени здесь необходимо вести речь о самообразовании, о самостоятельном изучении теоретических положений, а также о анализе практики личного применения методов управления в своей деятельности по реализации управленческих функций.

Социально-психологические методы управления призваны улучшать взаимоотношения людей, содей-

ствовать созданию в коллективе здорового психологического климата. Способность коллектива эффективно трудиться в немалой степени зависит от соотношения его формальной и неформальной структур. Объектом приложения социально-психологических методов являются прежде всего неформальные отношения. Воздействием на них в должном направлении обеспечивается сплоченность коллектива и его малых групп для выполнения служебных задач [4, с. 160]. Это особенно важно в специфических условиях деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции. Деловые и личностные качества руководителей подразделений УУП, умение правильно наладить отношения с подчиненными значительно упрощают процесс формирования коллектива.

Среди социально-психологических методов, которые могут использовать в управленческой деятельности руководители подразделений УУП, возможно выделить методы управления группами людей (коллективом подчиненных сотрудников), к которым относятся: авторитарный, авторитарно-демократический, демократический методы; а также методы управления индивидуально-личностным поведением (личный пример руководителя как наиболее эффективный метод воздействия на каждого подчиненного сотрудника и метод ориентирующих воздействий), т.е. создание обстановки, условий, ориентирующих поведение личности в направлении проявления ее лучших созидательных качеств.

Начальник подразделения УУП в своей управленческой деятельности должен умело использовать все указанные выше группы методов, но особое внимание необходимо уделять личному примеру руководителя. Среди психологических методов ему уделяется особое внимание ввиду того, что мотивация подчиненных сотрудников личным примером позволяет в корне изменить отношение каждого участкового уполномоченного к выполняемым им обязанностям.

Отношение руководителя к своей работе, стиль общения с подчиненными создают определенную атмосферу в коллективе, которая оказывает влияние на эффективность работы. Правильное построение отношений с каждым членом коллектива и личный пример руководителя способны вовлекать сотрудников в общее дело, что, в свою очередь, сказывается на производительности труда участковых уполномоченных. Так как каждый сотрудник, желает он этого или нет, берет пример со своего руководителя, поэтому начальники подразделений УУП должны постоянно работать над своим поведением в служебное время.

Требования руководителя к подчиненным сотрудникам должны подкрепляться его действиями. В качестве примера возможно указать на необходимость личного планирования рабочего времени каждым

участковым уполномоченным полиции. При грамотном планировании рабочего времени эффективность работы сотрудника полиции значительно увеличивается, поэтому начальники подразделений УУП при проведении занятий по служебной подготовке, на совещаниях, инструктажах и других мероприятиях должны акцентировать внимание участковых на необходимости осуществления индивидуального планирования рабочего времени.

Для того чтобы участковые уполномоченные более активно использовали рекомендуемые руководителем формы индивидуального планирования рабочего времени, нужно, чтобы начальник подразделения УУП сам эффективно использовал данные средства планирования. Необходимо, чтобы подчиненные сотрудники видели, что у руководителя подразделения имеются средства планирования, которые он использует для планирования своего рабочего времени, соответственно, своими действиями руководитель покажет положительный пример, который будет воспринят подчиненными сотрудниками, требования руководителя будут соответствовать его действиям, что положительно скажется на эффективности работы как самого руководителя, качественно осуществляющего индивидуальное планирование своего рабочего времени, так и на эффективности работы подчиненных сотрудников.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что в рамках совершенствования управленческой деятельности руководителей подразделений УУП необходимо: во-первых, существенно модернизировать процесс обучения, т.к. на сегодняшний момент на должность руководителей назначаются сотрудники в большинстве случаев неготовые к осуществлению управленческой деятельности.

А требовать с руководителя эффективной управленческой работы возможно только в том случае, когда они прошли качественное обучение. Анализируя данную проблему, по нашему мнению, стоит рассмотреть возможность обязательного дополнительного обучения лиц, назначаемых на руководящие должности, в современных реалиях начать необходимо с процесса повышения квалификации руководителей подразделений УУП. По нашему мнению, процесс повышения квалификации данных сотрудников должен быть реализован только в очном формате либо в комбинированном формате – и с использованием дистанционных технологий, и очно. Так как обучение в дистанционном формате идет без отрыва от работы и на выполнение заданий не остается времени, кроме того, невозможно поделиться опытом работы, как это возможно при очном обучении.

Во-вторых, руководителям подразделений УУП необходимо обращать внимание на те методы, которые они используют при осуществлении управленческой деятельности. Особое внимание руководители подразделений УУП районного уровня должны уделять социально-психологическим методам управления, т.к. данные методы достаточно эффективно воздействуют на подчиненных сотрудников и не требуют дополнительного материального обеспечения. В частности, начать необходимо с личного примера. Руководители должны своим поведением и отношением к службе показывать, как необходимо осуществлять те либо иные полномочия, и требовать такого же эффективного осуществления служебных обязанностей от подчиненных сотрудников.

Список источников

1. Гришаков А.Г. Особенности организации службы и внутриведомственного контроля по основным направлениям деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 38-42.
2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Ульянов А.Д., Власов Б.Е. Организация управленческого труда (практической деятельности) руководителя в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 47-57.
4. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности: учебник / В.З. Веселый, Г.М. Воскресенский, В.Е. Караханов и др.; под ред. В.Д. Малкова. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1990. 324 с.

Информация об авторах

И.А. Гумаров – кандидат юридических наук, доцент;
В.В. Тырышкин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I.A. Gumarov – Candidate of Science (Law), Associate Professor;
V.V. Tyryshkin – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 351.75:340.6

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ГИБДД С МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ

Анна Михайловна Кубиясова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, amk_87@mail.ru

Аннотация. В настоящее время отмечается негативная тенденция к увеличению количества дел, по которым судьями приняты решения о прекращении производства по делам об административных правонарушениях. В статье рассмотрены существующие проблемы, возникающие в процессе реализации такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Автором проведен анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики привлечения к административной ответственности лиц, совершивших административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ. Рассматривается практика принятия решений судьями данной категории правонарушений на территории Алтайского края. Предлагается внести дополнения в действующие нормативные правовые акты МВД и Минздрава России.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, прекращение производства по делу об административном правонарушении, безопасность дорожного движения, обеспечение безопасности дорожного движения, управление транспортным средством в состоянии опьянения, меры государственного принуждения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения

Для цитирования: Кубиясова А.М. Взаимодействие сотрудников ГИБДД с медицинскими работниками при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 44-49.

Original article

INTERACTION BETWEEN ROAD POLICE STAFF AND MEDICAL WORKERS DURING ALCOHOL TESTING

Anna M. Kubyasova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, amk_87@mail.ru

Abstract. Currently, there is a negative trend in the increase in the number of cases in which judges have made decisions to terminate proceedings in cases of administrative offenses. The article deals with the existing problems that arise in the process of implementing such a measure to ensure the proceedings on an administrative offense as a medical examination for intoxication. The author of the article analyzed the legal acts and law enforcement practice of bringing to administrative responsibility persons who have committed administrative offenses, the responsibility for which is provided for by part 1 of article 12.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The practice of decision-making by judges of this category of offenses in the Altai Territory is considered. It is proposed to make additions to the current regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Health of Russia.

Keywords: administrative offenses, administrative liability, termination of proceedings on an administrative offense, traffic safety, driving while intoxicated, measures of state coercion, medical examination for intoxication

For citation: Kubyasova A.M. Interaction between road police staff and medical workers during alcohol testing. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:44-49. (In Russ.).

Обеспечение безопасности дорожного движения является неотъемлемой частью деятельности государства. Правительством Российской Федерации разработана «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы». Исходя из положений названного документа, в основу безопасности дорожного движения входят решения органов государственной власти, т.к. речь идет о сохранении жизни и здоровья граждан страны [1]. Безопасность дорожного движения по-прежнему является одной из наиболее важных проблем, существующих в обществе, и требует действенного решения.

Одним из эффективных способов обеспечения безопасности дорожного движения является административно-юрисдикционная деятельность сотрудников органов внутренних дел. Производство по делу об административном правонарушении представляет собой определенный порядок, начинающийся с возбуждения дела об административном правонарушении и заканчивающийся принятием решения по делу. Задачей производства по делу об административном правонарушении, как известно, является необходимость всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела и разрешения его в соответствии с законом [2, ст. 24.1]. Для выполнения указанной задачи правоприменителю предоставлена возможность использования мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. «Обладая явными признаками мер государственного принуждения, меры обеспечения являются постоянным объектом обсуждения как в научном мире, так и среди правоприменителей» [3, с. 258]. При этом стоит отметить, что у правоприменителя в процессе производства возникает ряд сложностей, препятствующих полному и правильному рассмотрению дела об административном правонарушении. На наш взгляд, одной из причин возникновения таких сложностей является несогласованность нормативных правовых актов различных ведомств.

Административные правонарушения в области дорожного движения достаточно разнообразны и для их выявления необходимо наличие определенных признаков, образующих объективную сторону нарушения. В рамках нашего исследования внимания заслуживают противоправные деяния лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения, которое может быть установлено сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации (далее – ГИБДД) как на месте, так и путем направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Данная мера представляет собой комплекс действий, направленных на подтверждение наличия

либо отсутствия состояния опьянения у лица, подозреваемого в употреблении алкоголя, наркотических средств или иных токсических веществ. Ответственность за такие правонарушения установлена частью 1 статьи 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

В настоящее время решение проблем обеспечения безопасности дорожного движения осуществляется должностными лицами различных ведомств. Сотрудникам ГИБДД в случае выявления водителя с признаками опьянения предоставлено право направления его на медицинское освидетельствование на состояние опьянения [4, п. 14 ч. 1 ст. 13; 5, п. 234].

Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения определен Приказом Минздрава Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (далее – Порядок). В соответствии с положениями названного нормативного правового акта медицинское освидетельствование на состояние опьянения проводится в лицензированных организациях здравоохранения врачом-специалистом, прошедшим специальную подготовку по вопросам проведения медицинского освидетельствования [6, п. 3]. Результаты медицинского освидетельствования на состояние опьянения оформляются актом, который в соответствии с КоАП РФ признается доказательством по делу об административном правонарушении [2, ч. 2 ст. 26.2].

Вся процедура организации медицинского освидетельствования должна проводиться в точном соответствии с законодательством. Обусловлено это тем, что установленное состояние опьянения по результатам такого освидетельствования представляет собой обязательный признак объективной стороны административного правонарушения, ответственность за которое установлена статьей 12.8 КоАП РФ. Стоит отметить, что соблюдение установленного порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения требуется не только от сотрудников ГИБДД, но и от врачей-специалистов, в компетенцию которых входит проведение указанной процедуры.

Казалось бы, нормативными правовыми актами Российской Федерации урегулирован порядок документирования деяний водителя, управляющего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. При этом анализ правоприменительной практики говорит об обратном. Возникающие противоречия и несогласованность действий должностных лиц приводят к снижению эффективности их деятельности, как результат, прекращению производства по делу об административном правонарушении.

Согласно данным федеральной информационной системы Госавтоинспекции (далее – ФИС ГИБДД-М), за 2021 год на территории Алтайского края выявлено и направлено для принятия решения в судебные органы 2976 дел об административном правонарушении в отношении лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения. В результате рассмотрения указанной категории дел судьями вынесено 21 постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием состава.

Факт управления транспортным средством водителем в состоянии опьянения считается установленным и служит доказательством только в том случае, если медицинское освидетельствование проводилось в соответствии с требованиями, предъявляемыми к данной процедуре. Проведенный подробный анализ судебной практики позволил нам выделить некоторые проблемы. В подтверждение данного тезиса рассмотрим более подробно несколько примеров постановлений о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Мировым судьей судебного участка Угловского района Алтайского края установлено, что по результатам проведенного медицинского освидетельствования в отношении водителя П.А.Н. было сделано заключение о нахождении последнего в состоянии опьянения. Вместе с тем медицинское освидетельствование на состояние опьянения проведено медицинским работником с нарушением требований Порядка. Согласно пункту 12 раздела 3 Порядка при медицинском освидетельствовании отбор биологического объекта (моча, кровь) для направления на химико-токсикологические исследования осуществляется вне зависимости от результатов исследований выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя. Однако отбор биологического объекта у водителя П.А.Н. не производился. Кроме того, исследование выдыхаемого воздуха проведено медицинским работником с использованием одноразового мундштука после дезинфекции в нарушение пункта 3.2.3.4 Руководства по эксплуатации анализаторов паров этанола в выдыхаемом воздухе «Алкотектор» в исполнениях «Юпитер», «Юпитер-К», «Юпитер-П» [7]. Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, является недопустимым доказательством вины П.А.Н., поскольку получен с нарушением закона [8].

Приведем другой пример ненадлежащего исполнения своих обязанностей врачом-специалистом во время проведения медицинского освидетельствования водителя Г.И.И. Мировым судьей судебного участка № 1 Павловского района Алтайского края

установлено, что 2 апреля 2021 г. акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения составлен с нарушением требований Порядка. Из содержания акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения усматривается, что исследования проводились прибором АКПЭ-01, первичное исследование осуществлено в 10 часов 40 минут с результатом 0,200 мг/л, а второе исследование – в 11 часов 00 минут с результатом 0,150 мг/л. Как следует из пункта 14 акта медицинского освидетельствования, осуществлен отбор биологического материала, однако его результаты не указаны. В пунктах 16, 17 акта указано на установление у освидетельствуемого в 11 часов 10 минут состояния алкогольного опьянения. Кроме того, врачом-специалистом, допрошенным в судебном заседании в качестве свидетеля, также подтверждено, что заключение о состоянии алкогольного опьянения им было сделано на основании имеющихся у него сомнений и клинических признаков. По состоянию на день исследования врачу-специалисту не были известны результаты исследования отобранного у водителя Г.И.И. биологического объекта – крови, которая была отправлена на исследование в наркологический диспансер, результаты стали известны через 2-3 недели. Из копии справки о результатах химико-токсикологических исследований следует, что в крови у водителя Г.И.И. обнаружен этиловый спирт 0,3 г/л. Таким образом, у врача-специалиста отсутствовали законные основания для установления состояния алкогольного опьянения у водителя Г.И.И., поскольку результат второго исследования выдыхаемого воздуха не превышает допустимую норму, установленную примечанием к статье 12.8 КоАП РФ, а результаты химико-токсикологического исследования стали известны позднее. Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что процедура медицинского освидетельствования в отношении водителя Г.И.И. проведена с нарушением пункта 15 требований Порядка, соответственно, акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения является недопустимым доказательством [9].

Еще одним примером признания акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения недопустимым доказательством является результат рассмотрения дела об административном правонарушении в отношении водителя П.В.Н. Мировым судьей судебного участка № 1 Благовещенского района Алтайского края из содержания акта установлено, что первый результат выдыхаемого воздуха водителем П.В.Н. был положительным – 0,189 мг/л. Через 19 минут было проведено повторное исследование выдыхаемого воздуха водителем, результат составил 0,143 мг/л. По результатам химико-токсикологического исследования биологической среды (мочи)

наркотические и психотропные вещества не обнаружены.

Согласно пункту 14 Порядка на основании результатов проведенных в рамках медицинского освидетельствования осмотров, инструментальных и лабораторных исследований выносится одно из следующих медицинских заключений о состоянии освидетельствуемого: установлено состояние опьянения; состояние опьянения не установлено; от медицинского освидетельствования освидетельствуемый (законный представитель освидетельствуемого) отказался. Медицинское заключение «установлено состояние опьянения» выносится при положительном результате повторного исследования выдыхаемого воздуха, при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови [6, п. 15]. На основании пункта 16 Порядка медицинское заключение «состояние опьянения не установлено» выносится при отрицательном результате первого или повторного исследования выдыхаемого воздуха.

При повторном исследовании выдыхаемого воздуха водителем П.В.Н. результат составил 0,143 мг/л., данная величина менее 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха. Но из содержания акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения следует, что у освидетельствуемого П.В.Н. состояние опьянения установлено, что противоречит требованиям п. 15 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. На основании вышеизложенного мировой судья приходит к выводу о том, что акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения в отношении водителя П.В.Н. не может являться допустимым доказательством [10].

Таким образом, в силу положений ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ акты медицинского освидетельствования на состояние опьянения в рассматриваемых постановлениях не представляется возможным использовать в качестве доказательства по делу об административном правонарушении, поскольку данное доказательство получено с нарушением закона.

Следует отметить, что нарушение порядка проведения медицинского освидетельствования врачом-специалистом имеет место не только на территории Алтайского края. В качестве примера рассмотрим постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2018 г. № 18-АД18-54. Постановлением мирового судьи судебного участка № 209 Темрюкского района Краснодарского края от 15 декабря 2017 г., оставленным без изменения решением судьи Темрюкского районного суда Краснодарского края от 31 января 2018 г. и постановлением заместителя председателя Краснодарского краевого суда от 26 июня 2018 г., водитель М.М.П. признан виновным

в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 30 000 рублей с лишением права управления транспортными средствами сроком на 1 год 6 месяцев.

После изучения материалов дела об административном правонарушении и доводов жалобы заявителя, судьей Верховного Суда Российской Федерации принято решение об отмене указанных постановлений по следующим основаниям. По результатам проведенного медицинского освидетельствования в отношении М.М.П. было вынесено заключение о нахождении его в состоянии опьянения, что зафиксировано в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством. Вместе с тем при вынесении данного заключения врачом-специалистом не были соблюдены требования Порядка. Из содержания вышеуказанного акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, следует, что концентрация абсолютного этилового спирта в выдыхаемом воздухе у М.М.П. составила менее 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха. По итогам первого исследования выдыхаемого воздуха результат составил 0,13 мг/л, по итогам второго – 0,10 мг/л. В нарушение требований пункта 11 Порядка врачом-специалистом при отрицательном результате первого исследования выдыхаемого воздуха произведено повторное исследование выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя, результат которого также был отрицательным. Кроме того, заключение о нахождении М.М.П. в состоянии алкогольного опьянения было основано на предположении врачебной комиссии, что также противоречит требованиям Правил. Данные нарушения не были приняты во внимание судебными инстанциями при рассмотрении жалоб на постановление мирового судьи и также не получили должной правовой оценки [11].

Как известно, основной целью административного наказания в соответствии со статьей 3.1 КоАП РФ является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. В связи с этим реализация принципа неотвратимости наказания лица за совершенное им правонарушение является эффективным способом влияния на дисциплину участников дорожного движения. Вместе с тем, как показывает судебная практика, лица, совершившие грубые нарушения Правил дорожного движения, не всегда несут наказание, а иногда и вовсе его избегают. Главным управлением МВД России по Алтайскому краю 21 апреля 2014 г. было принято указание № 35/1693, в соответствии с которым необходимо обеспечить проведение про-

верок по каждому факту прекращения судьей производства по делу об административном правонарушении, возбужденному сотрудниками ГИБДД. В случае выявления факта нарушения со стороны сотрудников полиции, послужившего основанием для вынесения по делу такого решения, необходимо рассматривать вопрос о привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности в установленном порядке [12]. Действующими нормативными правовыми актами не урегулирован вопрос о присутствии сотрудников ГИБДД либо понятых (или применение видеозаписи) во время проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения врачом-специалистом в медицинской организации. Данное обстоятельство исключает возможность надлежащего контроля за проведением процедуры освидетельствования.

Исходя из проанализированных нами решений судебных органов, следует, что поводом к прекращению производства по делу об административном правонарушении послужило ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей врачом-специалистом. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ), а также иные федеральные законы не содержат каких-либо дополнительных дисциплинарных взысканий для медицинских работников, помимо предусмотренных статьей 192 ТК РФ – замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям [13].

Для решения существующих проблем применения такой меры обеспечения производства по делу об административных правонарушениях, как направление на медицинское освидетельствование, необходимы существенная модернизация нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в данной сфере, а также оптимизация форм и методов административно-правовой организации системы органов безопасности дорожного движения и медицинских организаций. Безопасность дорожного движения и ее обеспечение, на наш взгляд, требуют повышения роли правоохранительной деятельности. Следует согласиться с мнением, что «...предупреждение правонарушений, совершенных в состоянии опьянения, требует совершенствования правового регулирования такой меры принуждения, как направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, в котором необходимо предусмотреть устранение существующих противоречий и недостатков» [14, с. 91]. Обеспечение гарантий прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в производстве, является одной из основных задач правоприменителя.

Таким образом, решение приведенных выше проблем представляется нам следующим образом:

- дополнить пункт 239 Приказа МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» и изложить в следующей редакции:

«Лицо, направленное на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, препровождается к месту его проведения в организацию (или ее обособленное структурное подразделение), имеющую лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающую выполнение работ (оказание услуг) по медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), либо в специально оборудованный для этой цели передвижной пункт (автомобиль) для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения в соответствии с установленными требованиями. Медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения осуществляется в присутствии лица, составившего протокол о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, а также в присутствии понятых (либо с применением видеозаписи), которые удостоверяют ход проведения процедуры своей подписью в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения»;

- дополнить пунктом 28 Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» и изложить в следующей редакции:

«За неисполнение или ненадлежащее исполнение требований настоящего приказа врач-специалист несет дисциплинарную ответственность в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации».

Полагаем, что предложенные нами дополнения действующих нормативных правовых актов позволят в полной мере гарантировать соблюдение принципа неотвратимости наказания, а также будут способствовать исключению возможности свободного толкования норм права по своему усмотрению должностными лицами, обеспечивающими производство по делу об административном правонарушении.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Исаев В.М., Пашкова Е.Н. Отдельные правовые проблемы медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 257-261.
4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Анализаторы паров этанола в выдыхаемом воздухе «АЛКОТЕКТОР» в исполнениях «Юпитер», «Юпитер-К», «Юпитер-П» по ТУ 26.60.12-001-82139963-2011: Руководство по эксплуатации. URL: https://alcomera.ru/upload/iblock/f87/jupiterusermanual_2017.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
8. Постановление мирового судьи судебного участка Угловского района Алтайского края от 21 апреля 2021 г. № 5-92/2021. URL: http://uglrn.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=97303365&case_number=95825280&delo_id=1500001 (дата обращения: 10.03.2022).
9. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Павловского района Алтайского края от 12 июня 2021 г. № 5-326/2021. URL: http://pav1.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=100879304&case_number=97995094&delo_id=1500001 (дата обращения: 10.03.2022).
10. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Благовещенского района Алтайского края от 31 августа 2021 г. № 5-150/2021. URL: http://blag2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=100933542&case_number=100429813&delo_id=1500001 (дата обращения: 10.03.2022).
11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2018 г. № 18-АД18-54 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Указание о принятии мер по реализации принципа неотвратимости наказания лиц за совершенные правонарушения в области дорожного движения: указание Главного управления МВД России по Алтайскому краю от 21 апреля 2014 г. № 35/1693 (документ опубликован не был).
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 371-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Дугенец А.С. Проблемы направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 89-92.

Научная статья
УДК 347.412.1:343.2/7

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСТАВЛЕНИЯ МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Виктория Валерьевна Мальченкова¹, Данил Михайлович Туманов²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ malchenkovavv@mail.ru

² fischer8797@mail.ru

Аннотация. В статье на основе статистических и практических данных авторами анализируются изменения законодательства в части оставления места дорожно-транспортного происшествия. Кроме уголовно-правовых аспектов, затрагиваются административно-правовые особенности юридической оценки оставления места дорожно-транспортного происшествия, а также исследуются предпосылки к внесению соответствующих изменений в российское законодательство. Авторы предлагают внести изменение в действующее законодательство с введением административной преюдиции в уголовное законодательство за оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия в целях повышения эффективности предупреждения данных преступлений и административных правонарушений при обеспечении охраны общественных отношений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта. Обосновывается целесообразность данных нововведений на основе изучения новых проблемных вопросов, связанных с указанными изменениями. Также авторы приводят возможные решения устранения соответствующих пробелов в российском законодательстве.

Ключевые слова: оставление места дорожно-транспортного происшествия, преступление, автомобиль, дорожно-транспортное происшествие, оставление в опасности, внесение изменений в законодательство, уголовное право, административное право

Для цитирования: Мальченкова В.В., Туманов Д.М. Административно-правовые и уголовно-правовые аспекты оставления места дорожно-транспортного происшествия // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 50-53.

Original article

ADMINISTRATIVE-LEGAL AND CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF LEAVING THE SCENE OF A TRAFFIC ACCIDENT

Viktorija V. Malchenkova¹, Danil M. Tumanov²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ malchenkovavv@mail.ru

² fischer8797@mail.ru

Abstract. The authors analyze changes in legislation regarding the abandonment of the scene of a traffic accident on the basis of statistical and practical data. In addition to the criminal legal aspects, the administrative and legal features of the legal assessment of the abandonment of the scene of a traffic accident are touched upon, and the prerequisites for making appropriate changes to Russian legislation are also investigated. The authors propose to amend the current legislation with the introduction of an administrative prejudice in criminal legislation for leaving the scene of a traffic accident by a driver in order to increase the effectiveness of preventing these crimes and administrative offenses while ensuring the protection of public relations in the field of road safety and transport operation. The expediency of these innovations is justified based on the study of new problematic issues related to these changes. The authors also cite possible solutions to eliminate the relevant gaps in Russian legislation.

Keywords: leaving the scene of a traffic accident, crime, car, traffic accident, leaving in danger, amendments to legislation, criminal law, administrative law

For citation: Malchenkova V.V., Tumanov D.M. Administrative-legal and criminal-legal aspects of leaving the scene of a traffic accident. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:50-53. (In Russ.).

Острой проблемой сегодняшнего дня является высокий уровень аварийности на дорогах. Кроме большого количества жертв зачастую с летальным исходом, отмечается немалый процент водителей, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП).

Согласно данным судебной статистики РФ, показатели по отдельным правонарушениям за 2021 год составили: по ст. 12.24 КоАП РФ к административной ответственности привлечено 26 747 правонарушителей, по ч. 2, 3 ст. 12.27 КоАП РФ – 52 130 правонарушителей [1]; по ст. 264 УК РФ: по ч. 2 осуждено 1452 человека, по ч. 4 – 997 человек, по ч. 6 – 120 человек [2].

До изменений, внесенных в УК РФ в 2003 г., действовала норма ст. 265 УК РФ, устанавливающая ответственность за оставление виновным места ДТП. Данная норма не была лишена недостатков, однако регулировала указанные правоотношения довольно успешно. После ее исключения случаи оставления водителем места ДТП, повлекшего тяжкие последствия, стала регулировать ст. 264 УК РФ. При этом действия виновного дополнительно квалифицировались по ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» в том случае, если пострадавший, находящийся в опасном для жизни или здоровья состоянии из-за виновника в ДТП, был оставлен последним, который мог оказать ему помощь [3].

Основополагающей предпосылкой к внесению изменений в ст. 264 УК РФ стало решение Конституционного Суда РФ [4], в котором суд поставил под сомнение соблюдение конституционных принципов равенства и справедливости (если виновный отсутствует на месте ДТП, невозможно проверить наличие или отсутствие признаков какого-либо опьянения в связи с невозможностью провести его медицинское освидетельствование). Такая редакция нормы практически подталкивала пьяного водителя скрыться с места происшествия.

Законодатель внес соответствующие изменения в рассматриваемую статью УК РФ: ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ были дополнены признаком «сопряжено с оставлением места его совершения...» [5], которые вступили в действие через два дня после подписания федерального закона. Таким образом, действия лица, виновного в нарушении Правил дорожного движения (далее – ПДД) и оставившего место ДТП, стали квалифицироваться по одной уголовно-правовой норме, установившей к тому же наказание за оставление места ДТП в виде лишения свободы сроком до 9 лет.

Примером успешного применения нормы ст. 264 УК РФ в новой редакции может служить дело Аджиева. В период времени с 18 часов 30 минут до 19 часов 45 минут Аджиев А.Р., управляя технически исправным мотоциклом марки ИМЗ 8.103.30 без

государственного регистрационного знака, двигался со скоростью около 30–40 км/ч. В качестве пассажира с ним двигался И. В пути следования Аджиев проявил преступную небрежность: не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, продолжил движение в том же направлении и с той же скоростью, в результате чего утратил контроль за движением своего мотоцикла и, как следствие (в период времени с 18 часов 30 минут до 19 часов 45 минут), не справился с управлением, выехал за пределы проезжей части, на правую обочину, тем самым нарушил требования пункта 9.9 ПДД РФ. Вследствие нарушения водителем Аджиевым ПДД РФ произошло ДТП, что повлекло наступление тяжкого вреда здоровью И. Вышеуказанные нарушения ПДД РФ водителем Аджиевым состоят в прямой причинной связи с наступившими последствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью И. Аджиев оставил место ДТП, откатив мотоцикл к гаражу.

В последующем в связи с примирением сторон Аджиев А.Р. был освобожден от уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ, а производство по делу было прекращено [6].

Как видим, практика применения новых норм уже успешно существует, что, на наш взгляд, должно положительно сказаться на устранении ошибок при квалификации по ст. 264 УК РФ.

Обратим внимание на то, что новая редакция ст. 264 УК РФ содержит такие понятия: «лица, находящиеся в состоянии опьянения» и «лица, деяния которых сопряжены с оставлением места ДТП», что указывает на необходимость привлечения к уголовной ответственности и водителя, не находящегося в состоянии опьянения. Водитель, покидая место дорожно-транспортного происшествия, чаще всего пытается избежать более строгого наказания за совершение преступления в состоянии опьянения. Законодатель указывает на посткриминальное поведение виновника ДТП, ведь достаточно часто правоуправляющее поведение позволяет оказать своевременную помощь пострадавшим.

Это приобрело особую актуальность также в связи с усилением ответственности за причинение смерти или вреда здоровью другим лицам водителем, находившимся в этот момент за рулем в состоянии опьянения. В принятом 17 июня 2019 г. Федеральном законе № 146-ФЗ [7] законодатель намеренно уравнил умышленное пребывание за рулем в состоянии опьянения с умышленным причинением указанных в данном составе преступления последствий. Напомним, что на сегодняшний день срок лишения свободы по ч. 2 ст. 264 УК РФ составляет от 3 до 7 лет, по ч. 4 – от

5 до 12 лет, по ч. 6 – от 8 до 15 лет. В декабре 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении разъяснил судьям, что состояние опьянения не должно автоматически отягчать ответственность [8]. Каждый раз суды должны отдельно устанавливать, стоит ли усилить наказание за то, что подсудимый находился в состоянии опьянения (если нахождение в состоянии опьянения уже объективно установлено). Следует определить, каким образом повлияло употребление алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ, а также токсическое опьянение на то, что человек совершил преступление.

Также необходимо остановиться на особенности привлечения к административной ответственности за оставление места ДТП и возникающие проблемы применения ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ после внесения изменений в норму уголовного закона.

Теперь данная норма регулирует только ту область общественных отношений, которая не связана с уголовно наказуемым деянием, т.е. законодатель прямо указывает на возможность привлечения к административной ответственности по этой статье лицо, если его деяние носит исключительно административно-правовой характер и не подпадает под квалификацию по ст. 264 УК РФ. Это логично и понятно: если лицо нарушило законодательство только тем, что оставило место ДТП без каких-либо тяжких последствий (которые обязательно должны присутствовать в деяниях, квалифицирующихся по ст. 264 УК РФ), то и наказание к нему должно применяться соответствующее, менее строгое (т.е. если оставление места происшествия не связано с наличием пострадавших лиц).

Сейчас должностное лицо правоохранительного органа должно провести полное административное расследование, прежде чем привлекать правонарушителя к административной ответственности. В такое расследование входит и проведение судебно-медицинской экспертизы с целью определения степени нанесенного вреда здоровью потерпевшего.

Пока должностное лицо ожидает результатов указанной экспертизы, проходят сроки, установленные для принятия решения о привлечении лица к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Дело в том, что даже если экспертиза подтвердит наличие легкого или средней тяжести вреда здоровью, не исключено, что должностное лицо не уложится в срок давности, указанный в ст. 4.5 КоАП РФ, который составляет 3 месяца после оставления места дорожно-транспортного происшествия. Отметим, что на практике зачастую встречаются ситуации, когда соответствующая судебно-медицинская экспертиза проводится более 3 месяцев, в связи с чем правонарушитель избегает административной ответственности. Установленные законодателем условия

позволяют правонарушителю избежать привлечения к административной ответственности, используя пробелы административного законодательства. Также проблема привлечения лица, скрывшегося с места ДТП, к административной ответственности заключается в том, что лицо скрылось и может быть не установлено, а срок давности привлечения к административной ответственности идет с момента, когда информация поступила в полицию.

В качестве примера приведем постановление суда Алтайского края, в котором указано, что в 8 часов 40 минут Атанов В.Ф., управляя транспортным средством ГАЗ-31029, г/н №, следуя в <адрес> края по <адрес> от <адрес> в направлении <адрес>, нарушил требования п. 14.1 ПДД, совершил наезд на пешехода (Потерпевший № 1). Заключение эксперта было составлено за день до истечения срока давности рассмотрения дела по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ [9]. Однако, если бы это произошло на день позже, дело об административном правонарушении было бы прекращено, а виновный в совершении ДТП не подвергся наказанию [10].

Считаем целесообразным и правильным предложение Г.Ш. Аюповой и С.Ю. Любушкиной, согласно которому по аналогии со ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, в которых также указывается на необходимость проведения экспертизы, изменить и ст. 12.27 КоАП РФ в части увеличения срока давности, поскольку необходимо учитывать значительные временные затраты с целью производства по делу об административном правонарушении [11].

Аргументируя внесение изменений в действующий КоАП РФ, необходимо указать, что это позволит правильно толковать административное законодательство, разграничивая оставление места ДТП с пострадавшими и оставление места ДТП без пострадавших.

Считаем целесообразным внести изменения и изложить в следующей редакции ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ: «Оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при отсутствии признаков деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 12.24 КоАП РФ, или уголовно наказуемого деяния».

Кроме этого, считаем целесообразным внести изменения в ст. 12.24 КоАП РФ, добавив ч. 3 ст. 12.24 КоАП РФ, изложив ее в следующей редакции: «Оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при совершении деяния, предусмотренного ч. 1, 2 настоящей статьи».

Также, по нашему мнению, в целях повышения эффективности противодействия оставлению водителем места ДТП необходимо внести изменения

в уголовное законодательство, введя норму, предусматривающую ответственность за оставление места ДТП лицом, подвергнутым административному наказанию за оставление места ДТП. Введение административной преюдиции доказало свою эффективность в противодействии совершению преступлений и административных правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения. Водитель, находящийся в состоянии опьянения, скрывается с места совершения ДТП, чтобы не быть привлеченным к ответственности по ст. 12.8 КоАП. Введение уголовной ответственности направлено на усиление ответственности водителей, совершивших оставление места ДТП, которые ранее были привлечены к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.24 КоАП РФ. Данные изменения действующего законодательства позволяют привлечь к уголовной ответственности лиц, ранее

оставивших место ДТП и подвергнутых административному наказанию и вновь совершивших указанное деяние, а также избежать необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности, т.к. данные изменения исключают неточности толкования действующего законодательства.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что необходимо не только уделять внимание своевременному предупреждению и недопущению совершения преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, связанных с оставлением места ДТП, но и активизировать работу по эффективному противодействию им путем внесения соответствующих изменений в действующее административное законодательство, направленных на более качественную юридическую оценку содеянного.

Список источников

1. Судебная статистика РФ / Административные правонарушения. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Судебная статистика РФ / Уголовное судопроизводство. URL: stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/admt/31/s/1 (дата обращения: 10.02.2022).
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ (введен с 25.04.2019) // Российская газета. 2019 25 апреля. № 92.
6. Постановление Центрального районного суда г. Барнаула от 12 сентября 2019 г. № 1-538/2019 по делу № 1-538/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ (введен с 19.06.2019) // Российская газета. 2019. 19 июня. № 130.
8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление № 5-46/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 5-46/2020 Волчихинский районный суд (Алтайский край). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
10. Что ждёт водителя за оставление места ДТП? // Электронное периодическое издание «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
11. Аюпова Г.Ш., Любушкин С.Ю. Особенности юридической ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-ostavlenie-mesta-dorozhno-transportnogo-proisshestiya> (дата обращения: 05.10.2021).

Информация об авторе

В.В. Мальченкова – кандидат педагогических наук.

Information about the author

V.V. Malchenkova – Candidate of Science (Pedagogy).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК 343.4:316.624

ТРАВЛЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (КИБЕРБУЛЛИНГ) И ВИКТИМНОСТЬ МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

Василий Васильевич Бабурин¹, Наталья Александровна Черемнова²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vvbaburin@mail.ru

² Омская академия МВД России, Омск, Россия, zerennowa@list.ru

Аннотация. Цифровые технологии стали важной частью повседневной реальности. Расширив возможности, они впустили в нашу жизнь и новые риски. В статье указаны причины, виды и участники кибербуллинга. Проанализированы факторы, провоцирующие одних детей и подростков на проявление агрессии по отношению к сверстникам в виртуальном мире, а других – на проявление виктимного поведения. Исследованы психологические последствия кибербуллинга для всех участников подобной коммуникации.

Ключевые слова: виктимность, малолетние, несовершеннолетние, интернет, кибербуллинг, психологическое насилие, психологическое здоровье

Для цитирования: Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Травля в информационном пространстве (кибербуллинг) и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 54-59.

Original article

HARASSMENT IN THE INFORMATION SPACE (CYBERBULLYING) AND VICTIMIZATION OF JUVENILES AND MINORS

Vladimir V. Baburin¹, Natalja A. Cheremnova²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vvbaburin@mail.ru

² Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, zerennowa@list.ru

Abstract. Digital technologies have become an important part of everyday reality. By expanding the possibilities, they let new risks into our lives. The article indicates the causes, types and participants of cyberbullying. The factors provoking some children and teens to display aggression towards their peers in the virtual world, and others to display victim behavior are analyzed. The psychological consequences of cyberbullying for all participants of such communication are investigated.

Keywords: victimization, juveniles, minors, Internet, cyberbullying, psychological violence, psychological health

For citation: Baburin V.V., Cheremnova N.A. Harassment in the information space (cyberbullying) and victimization of juveniles and minors. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:54-59. (In Russ.).

© Бабурин В.В., Черемнова Н.А., 2022

Общая численность населения России на январь 2022 г. составляет 145,9 млн человек, из них 129,8 млн являются интернет-пользователями, это 89% от общей численности населения. Среднестатистический житель России проводит в интернете примерно 7 часов 50 минут в сутки и 46,7% этого времени – на мобильных устройствах [1].

Больше всего интернет-пользователей наблюдается в возрастной группе от 12 до 24 лет. Интересно, что еще в 2020 г. доля пользователей интернета в возрасте от 12 до 24 лет в России приблизилась к абсолютному и составила 97,1%. В остальных категориях число тех, кто проводит время онлайн, снижается с увеличением возраста [2].

В целом наметились две основные тенденции: усиление вовлеченности в цифровую среду все большего количества россиян, а также существенное снижение возраста пользователей сети. По данным Росстата, за 2020 г. в интернет выходили практически все подростки в возрасте 12-14 лет (95% в 2020 г.); хотя бы раз в день пользовались интернетом более 80% детей в возрасте от 3 до 14 лет. Выросла вовлеченность в цифровую среду детей от 3 до 6 лет и от 7 до 11 лет [3]¹.

Несомненно, с развитием сети Интернет облегчается решение многих вопросов: получение новых знаний и необходимой информации, расширение круга общения, повышение самооценки. Отрицательными же сторонами повсеместной информатизации являются следующие: сужение круга интересов людей, уход от реальности в виртуальный мир, развитие киберзависимости. Однако наиболее печальным является то, что в условиях тотального потребления сетевой информации и технологий под удар злоумышленников попадают дети. Одной из уязвимых сторон такого воздействия являются личная жизнь и спокойствие подростков, которые в новом информационном мире подвергаются воздействию от различного рода атак в интернет-пространстве: скулшутингу, флеймингу, троллингу, хейтингу, киберсталкингу, кибербуллизиду и кибербуллингу.

Остановимся на наиболее опасном проявлении агрессии в отношении детей в сети – кибербуллинге. В 1993 году норвежский психолог Д. Ольвеус дал определение понятия «буллинг (травля)» как умышленное систематически повторяющееся агрессивное поведение в отношении жертвы, которая не может себя защитить [4, с. 209-228]. С появлением этого

термина начались научные исследования тематики и в последующем кибербуллинга [5]².

Впервые раскрыл содержание понятия «кибербуллинг» канадский педагог Билл Бэлси (Bill Belsey), который определил его как преднамеренное, повторяющееся агрессивное поведение лиц или групп в отношении других с использованием информационных технологий [6].

Также ученый А.И. Черкасенко определил кибербуллинг как самостоятельное направление травли, которое заключается в преднамеренных враждебных действиях, проводимых систематически, осуществляемых с использованием электронных технологий и направленных против жертвы, которая не в состоянии себя защитить [7, с. 52-54]. Важно, что агрессоры имеют намерение вызвать негативное психологическое состояние жертвы и/или разрушить ее отношения в обществе. При этом могут применяться разнообразные методы: от игриво-шуточных до крайне агрессивных, в результате которых жертва идет на суицид.

Итак, если ранее проблемы психологического и физического насилия проявлялись только в социальной среде и были более явными и управляемыми, то в настоящее время они все больше переходят в виртуальное пространство. В чем опасность данного вида воздействия?

Особенности кибербуллинга заключаются в анонимности и дистантности агрессора, который чувствует себя в безопасности; возможности регулярной травли в любое время суток и из любого места; наличию одного источника (фото, пост и т.д.), который может использоваться множество раз; неравенстве сил; групповом процессе – вовлечении все большего числа людей в процесс травли и наблюдении за ней; возможности любого человека стать жертвой кибербуллинга; легкости фальсификации информации и сложности воздействия на источник опасности; незаметности для близких людей, т.к. жертва чаще всего скрывает факт атаки; невозможности противостоять кибербуллингу в одиночку, нежелании агрессора прекращать воздействие по своей воле; отрицательных последствиях эмоционального характера для всех участников травли [8].

Более того, по словам психотерапевта А. Черниговой, воздействию посредством интернет-пространства сложнее противостоять, поскольку не всегда ясно, кто именно является источником агрессии и сколько человек. Так, если буллинг исходит от конкретного человека, с которым у ребенка есть

¹ Примечательно, что в 2022 г. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в партнерстве с Минцифры России и Росстатом выпустил очередной краткий статистический сборник серии «Цифровая экономика», в который впервые включен раздел о вовлеченности в цифровую среду детей и подростков.

² На сегодняшний день существует подробная классификация видов кибербуллинга: флейминг, троллинг, клевета, киберсталкинг, секстинг, гриферство, раскрытие секретов, выдавание себя за другого человека – кетфишинг, диссинг, фрейпинг.

какая-то история взаимодействия, можно объяснить причины ситуации и повлиять на нее. В том случае, когда источник нападения не персонифицированный, воздействовать на него гораздо труднее, поскольку у агрессора есть ощущение безнаказанности за совершаемые действия, и виновный может позволять себе больше агрессии в словах и угрозах, чем в реальности. В итоге ребенку не понятно, как взаимодействовать с агрессором и справиться с ситуацией [9].

Кибербуллинг признан ВОЗ одним из самых травматичных типов атак как для детей, так и для взрослых. Обычно он проявляется в отправке сообщений с угрозами или оскорблениями, выкладывании в сеть фотожаб, создании поддельных страниц, позорящих пострадавших [10].

Дети, которые пережили травлю в интернете, более уязвимы и склонны к развитию депрессии и тревожности вплоть до суицидальных мыслей по сравнению с детьми, которые столкнулись, например, со смертью близких, потерей здоровья, авариями, поскольку кибербуллинг производится в течение продолжительного времени, не давая жертве возможности адаптироваться и пережить агрессивное воздействие.

Примером может служить следующий случай. В одной из школ у девятиклассницы Дарьи произошел конфликт со старшеклассниками. Ради смеха группа ребят создала ее фейковую страницу в ВК. Далее, скопировав и отредактировав при помощи Photoshop несколько фотографий из её аккаунта, ребята выставили на всеобщее обозрение несколько фото девочки в полуобнаженном виде, написали пикантные посты, указали её мобильный телефон с пометкой, что она не против интимных встреч. Девочке стали поступать звонки и СМС-сообщения с недвусмысленными намеками от разных мужчин. Узнав о наличии фейковой страницы, девочка не смогла самостоятельно найти конкретного ее создателя. Она выбросила сим-карту, отказалась от посещения школы и изолировалась дома. Боясь реакции родителей, девочка рассказала о произошедшем уже после отравления от передозировки снотворными. После того как родители сообщили в полицию, виновные были найдены, страница удалена администраторами. В результате произошедшего девочка находится на учете у психиатра [11].

Проблема агрессии посредством сети Интернет получает все большее распространение и все большую актуальность, поскольку под угрозу попадает психическое здоровье детей и подростков. По словам руководителя мониторингового центра «Безопасность 2.0» Российского фонда мира Е. Суторминой, в России идет постоянный рост онлайн-травли детей

и подростков. Так, в третьем квартале 2021 г. показатель вырос на 30% [12].

Согласно статистическим данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), на 2021 год 42% российских интернет-пользователей считают, что за последние пять лет в отечественном сегменте интернета стало больше оскорбительных постов и сообщений. Россияне назвали следующие проявления травли, с которыми они сталкивались в интернете: 10% получали грубые комментарии (49% видели подобное по отношению к другим людям), 7% переживали из-за злых насмешек в свой адрес (39% известно о таких случаях), 6% получали оскорбления из-за пола, возраста (34% видели подобное в отношении других людей), в отношении 5% распространялись неприятные слухи (31% являлись свидетелями подобных ситуаций), 3% получали угрозы в свой адрес (21% видели подобное по отношению к другим людям), 2% были жертвой размещения личной информации, интимных фотографий, видео (21% знают такие случаи), об 1% публиковались оскорбительные фотографии или видео (26% были свидетелями подобного поведения) [13].

В чем же причины, которые побуждают одних подростков к агрессивному, а других – к виктимному поведению? «Дети – это всегда индикатор состояния семьи», – заявляет психотерапевт А. Чернигова. Поведение детей связано с социальной обстановкой в стране, мире, поскольку эмоциональное напряжение родителей очень сильно сказывается на их самочувствии. Из-за различного рода ограничений и экономических проблем взрослые живут в состоянии постоянного стресса и неопределенности. Напряжение возрастает, соответственно, увеличивается количество нервных срывов и депрессивных проявлений. И как симптом системы, проявляется неадекватное поведение у детей в социальных стратегиях.

В целом виктимное поведение формируется у детей со слабыми эмоциональными границами, когда ребенок не может выстроить коммуникации со здоровой агрессией в случае необходимости. Чаще всего такие дети растут в семьях, где родители проявляют агрессивное поведение или, наоборот, не способны защитить свои границы [9].

По мнению главы Ассоциации детских психиатров и психологов А. Северного, чаще всего буллингу подвергаются те дети, которые отличаются от других своим видом, интересами, высказываниями и которые не могут адекватно при этом встроиться в систему коммуникации. Дети же, которые буллит сверстников, руководит желание ощутить свое превосходство над другим [14]. В связи с этим актуализируется, как никогда раньше, потребность в толерантных и доверительных отношениях в семье.

Характеризуя основные факторы, провоцирующие детей на совершение кибербуллинга, отметим следующие:

- стремление к превосходству – важная потребность человека. Посредством агрессии в интернете подростки намереваются самоутвердиться за счет более слабых сверстников;
- субъективное чувство неполноценности – переживание собственной слабости, ущербности;
- зависть – раздражение, вызванное благополучием других людей;
- месть – расплата за обиду;
- развлечение – получение удовольствий с помощью осуществляемых действий;
- конформизм – изменение позиции человека под влиянием группы;
- проблема в семейных отношениях;
- низкий уровень развития эмпатии – концентрация на себе и своих интересах [15].

Большое значение имеет характеристика ситуаций, которые могут сформировать агрессивное поведение одних детей и виктимное поведение других. Выделим как минимум четыре ситуации:

1. Ребенок копирует поведение окружающих. В нашем обществе очень распространены вертикальные отношения, в семье нечасто бывает демократия. Школа при этом – абсолютно иерархический институт. Ребенок привыкает, что взрослых просто надо слушаться. Если он не видит других форм общения, то сам начнет выстраивать отношения через власть, неравенство и подавление.

2. У ребенка нет адекватных инструментов, чтобы утвердиться в коллективе. Если взрослые не выделяют сильные стороны детей и не демонстрируют это публично, то в дальнейшем дети могут фокусироваться на внутренних переживаниях по поводу своей внешности, статуса и других особенностях, тем более что до наступления возраста совершеннолетия психика ребенка еще формируется, и чаще всего в его сознании доминируют негативные представления о себе, своей внешности, способностях либо, наоборот, завышенное восприятие собственной значимости.

3. Ребенок испытывает стресс в связи с появлением другого классного руководителя или переходом в другой класс. Самые тревожные периоды с точки зрения травли – это обучение в пятом и девятом классах, потому что меняется коллектив, педагоги, учебный план. Это все является поводом для буллинга.

4. Учитель инициирует травлю осознанно или бессознательно. В том случае, когда педагог часто показывает в неблагоприятном образе одного или нескольких ребят в классе, он тем самым формирует оппозицию данным ребятам из числа всех других учеников. Дети всегда испытывают тревогу, если

в коллективе травят одноклассника, даже если сами они не находятся в роли жертвы. Это разрушает и мотивацию на обучение и на построение отношений.

Как результат подобных ситуаций, у жертвы проявляются отрицательные последствия: понижается самоуважение, возникает подавленность, мнительность, частая смена настроения, неадекватные поступки, беспокойство, суицидальные наклонности [16].

Одним из опасных последствий кибербуллинга, который получает все большее распространение, является буллизм. Данное явление понимается как попытка суицида из-за осуществляемой травли человека. В настоящее время подобные случаи получили достаточно широкое распространение.

Наиболее резонансным случаем самоубийств подростков в результате кибербуллинга может служить следующий, произошедший в 2012 г., когда весь мир потрясла смерть 15-летней Аманды Мишель Тодд, совершившей суицид после травли в интернете.

Аманда мечтала стать известной певицей и выставляла на YouTube-канале видеозаписи исполненных ею кавер-версий различных песен. Несмотря на то что девочка пела достаточно хорошо, она не находила поддержки и одобрения ни со стороны родителей, которые находились в разводе, ни со стороны сверстников. Более того, ее творчество и она сама подвергались постоянной критике и насмешкам со стороны пользователей соцсетей, как ее знакомых, так и неизвестных ей людей.

Закономерно, что в этой ситуации она с доверием и надеждой на признание отнеслась к комментариям о ее творчестве от одного из появившихся подписчиков, именуемого себя Тайлером Бу.

Однако постепенно общение с темы о творчестве перешло на непристойные предложения мужчины – раздеться перед камерой. После того как девочка все-таки выполнила просьбу ее «поклонника», в интернете появилось ее обнаженное фото, сделанное веб-камеру, которое увидели все знакомые Аманды.

Девочку стали буквально преследовать негативные насмешки и жестокие издевательства, в результате чего семье Тодд пришлось переехать на новое место жительства. Однако спустя год Тайлер Бу вновь написал сообщение в Facebook. Он разместил на аватарку обнаженное фото Аманды и стал знакомиться с ее новыми одноклассниками. Девочку вновь начали преследовать в школе, в результате чего ее перевели в другое учебное заведение.

Через какое-то время один из ее бывших одноклассников нашел девочку, признался, что всегда был тайно влюблен в нее, и склонил к сексу. В результате этой истории Аманда подверглась избиению 15 подростками и новой травле. Не выдержав очередного удара, Аманда выпила отбеливатель. Ее спасли, по-

сле чего она опять перешла в другую школу, но онлайн-травля продолжилась. Подростки, жестоко издеваясь в комментариях в соцсетях, предлагали ей выпить более действенный отбеливатель.

Примерно через год Аманда опубликовала на YouTube девятиминутный видеоролик под названием «Моя история: борьба, запугивание, самоубийство, самоповреждение». На записи девочка молча показывала серию карточек, на которых короткими фразами описывалось все, что с ней случилось. Однако девочка подверглась еще большей критике и гонениям. Спустя месяц после публикации своего видео девочка повесилась. По состоянию на февраль 2022 г. данное видео набрало более 14 млн просмотров.

После смерти Аманды Тодд шантажиста из сети, который представлялся Тайлером Бу, удалось найти. Им оказался житель Нидерландов Айдын Кобан, которого арестовали только в 2017 г., экстрадировали в Канаду и предъявили 72 обвинения в сексуальном насилии и вымогательстве с участием 39 жертв, как женщин, так и мужчин. Он занимался травлей и других подростков, чьи фото получал подобным образом. Более того, мужчина состоял на сайте, где пользователи обменивались друг с другом таким фотографиями. Также он пользовался несколькими десятками аккаунтов в различных соцсетях, а также обширным электронным архивом детского порно.

Имя Аманды Тодд стало символом борьбы с запугиванием детей в интернете. Мать девочки организовала фонд, который помогает подросткам бороться с психическими расстройствами, вызванными шантажом и травлей в сети [17].

В результате этого и других трагических случаев начались разработки различных программ-блокировщиков кибербуллинга, а также активное использование иных программ-шпионов.

Как ранее отмечалось, жертвы кибербуллинга являются наиболее уязвимыми группами, нуждающимися в психологической поддержке. Вместе с тем негативные последствия данного вида травли проявляются и у преследователей, и у наблюдателей, что выражается в потере способности адекватно воспринимать реальность, свои роль и возможности, а также умения строить коммуникации и других неблагоприятных последствиях.

Для понимания последовательности развития виктимологических ситуаций и использования в профилактике начальных моментов кибербуллинга большое значение имеет классификация ситуаций с наи-

более распространенными угрозами по степени их возрастания:

1. Нарушение конфиденциальности. Любое интернет-соединение может позволить человеку на другом конце получить доступ к личной информации, такой как имя, возраст, адрес и т.д. Ребенок может невольно раскрыть эту информацию людям, которых совершенно не знает. Кроме того, большинство сайтов с бесплатными играми запрашивают именно эти данные.

2. Неконтролируемая трата денег через различные бесплатные онлайн-игры, которые предлагают дополнительные жизни, бонусы или новые уровни. Это уводит ребенка от реальности и формирует ложное ощущение всеисильности и бессмертности.

3. Онлайн-репутация. Формально большинство социальных сетей позволяют зарегистрироваться только тем новым пользователям, которые достигли возраста 12 лет. Стремление приобщиться к интернет-сообществу, быть в тренде, казаться старше может подвигнуть малолетнего на публикацию фотографий или записей, подрывающих его репутацию, влияющих на его настоящее и будущее доброе имя.

4. Онлайн-ухаживания и домогательства. Злоумышленник может создать эмоциональную связь с ребенком для завоевания его доверия в целях сексуального насилия. В настоящее время это довольно частое явление в сети. Распространенность социальных сетей, онлайн-игр и мессенджеров дает малолетним возможность легко заводить онлайн-друзей и общаться с незнакомыми людьми, которые могут причинить им вред.

5. Травля в сети (кибербуллинг). Злоумышленники в настоящее время имеют неограниченные возможности для публичного унижения жертвы комментариями, фотожабами, видеороликами и пр.

Учитывая, что самое важное для нас – это безопасность и психологическое здоровье подрастающего поколения, необходимо вести активную борьбу с самыми различными проявлениями угроз в сети, в т.ч. необходимо обращать первоочередное внимание на борьбу с кибербуллингом. При этом главная задача – это разработка комплексных мер противодействия рассматриваемому явлению. Правоохранительные органы, криминологи должны вплотную работать с социологами и маркетологами, а также использовать методики микротаргетинга и обращаться к зарубежному опыту работы с ключевыми угрозами в сети в целом.

Список источников

1. Чуранов Е. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика. URL: <https://www.webcanape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika/> (дата обращения: 28.04.2022).
2. Лисицына М. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100%. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb523046 (дата обращения: 29.04.2022).

3. Утятина К., Гутарук Е. В серии «Цифровая экономика» вышел новый статистический сборник. URL: <https://issek.hse.ru/news/551331807.html> (дата обращения: 29.04.2022).
4. Conell N.M., Schell-Busey N.M., Pearce A.N., Negro P. Exploring sex differences in Cyberbullying behavior // Youth violence and juvenile justice. 2014. № 12. P. 209-228.
5. Десять форм кибербуллинга от kids.kaspersky.ru. URL: <http://stop-ugroza.ru/life/10-formkiberbullinga-ot-kids-kaspersky-ru/> (дата обращения: 24.04.2022).
6. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 24.04.2022).
7. Черкасенко О.С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 6. С. 52-54.
8. Киберугрозы, киберагрессия, кибербуллинг: различия в восприятии, оценке и поведении у разных групп населения Российской Федерации. URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9880/> (дата обращения: 24.04.2022).
9. Костенко Я. Нужно подумать об ужесточении ответственности за кибербуллинг. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/11/14192821.shtml> (дата обращения: 29.04.2022).
10. Кибербуллинг (виртуальные формы оскорбления / унижения / издевательства). URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hbsc_32-cyber-bullying (дата обращения: 30.04.2022).
11. Журавель Д., Шкуро А. Кибербуллинг: чума цифровой цивилизации. URL: <https://vegetarian.ru/articles/kiberbulling-chuma-tsifrovooy-tsivilizatsii.html> (дата обращения: 29.04.2022).
12. Черненко А. Рост интернет-травли детей был зафиксирован в период нерабочих дней. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4513712/> (дата обращения: 28.04.2022).
13. Кибербуллинг: масштаб проблемы в России. Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 29.04.2022).
14. Костенко Я. Случаев интернет-травли детей с прошлого года стало на 100% больше. Омбудсмен назвала кибербуллинг одной из главных детских проблем. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/07/28/13809794.shtml> (дата обращения: 30.04.2022).
15. Баранов А.А. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-analiz-prichin-podrostkovogo-kiberbullinga> (дата обращения: 25.04.2022).
16. Таранова Т.Н. Психолого-педагогическая характеристика буллинга в общеобразовательной школе // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сборник статей по мат-лам XXVI международной студенческой научно-практ. конф-ции. № 11. URL: [http://sibac.info/archive/guman/11\(26\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/11(26).pdf) (дата обращения: 25.04.2022).
17. Самоубийство Аманды Тодд. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Suicide_of_Amanda_Todd (дата обращения: 25.04.2022).

Информация об авторах

В.В. Бабурин – доктор юридических наук, профессор;

Н.А. Черемнова – кандидат юридических наук.

Information about the authors

V.V. Baburin – Doctor of Science (Law), Professor;

N.A. Cheremnova – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.9

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛИЧНОСТЬ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Анна Григорьевна Брагина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, agb.06@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется совокупность преступлений против личности, совершаемых в киберпространстве. Делается вывод о том, что действующее уголовное законодательство развивается по пути ужесточения ответственности за все более увеличивающееся число посягательств на личность, что обосновано с точки зрения общественной опасности и тенденций развития киберпреступности на современном этапе.

Ключевые слова: киберпространство, киберпреступления, преступления против личности, суицидальные преступления, цифровая травля, кибербуллинг, половая неприкосновенность, половая свобода, несовершеннолетние, клевета, оскорбление, развратные действия

Для цитирования: Брагина А.Г. Преступные посягательства на личность в киберпространстве // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 60-65.

Original article

CRIMINAL OFFENCES AGAINST PERSONALITY IN CYBERSPACE

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, agb.06@mail.ru

Abstract. The article analyzes a totality of crimes against the personality committed in cyberspace. It is concluded that the current criminal legislation develops on the path of tightening responsibility for an increasingly increasing number of encroachments on the identity, which is justified from the point of view of public danger and trends in the development of cybercrime at the present stage.

Keywords: cyberspace, cybercrime, crimes against personality, "suicidal" crimes, digital injury, cyberbullying, sexual integrity, sex freedom, minor, slander, insult, depraved action

For citation: Bragina A.G. Criminal offences against personality in cyberspace. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;3:60-65 (in Russ.).

Развитие информационных технологий и появление множества возможностей для непосредственного контакта с неограниченным числом людей в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – интернет) просто не могли не привлечь в данную сферу субъектов, склонных к совершению противоправных деяний, в т.ч. преступных посягательств на личность. Современная преступность активно приспосабливается к происходящим в социуме изменениям, избирает новые формы, методы и способы совершаемых посягательств в довольно слабо контролируемом моральными и при этом явно недостаточными, на наш взгляд, правовыми нормами киберпространстве.

Особую тревогу вызывает распространение влияния виновных на сверхвиртуализированную социальную жизнь детей и подростков – самую уязвимую категорию потерпевших [1, с. 4, 31]. Как справедливо замечает Л.Н. Степанова, дети, рожденные после 2001-2003 гг., – совершенно особое поколение людей, которые не видели и не представляют мир без интернета и гаджетов. И как следствие, они более зависимы от цифровых технологий [2, с. 406]. Специфичность взаимодействия с окружающей действительностью детей и подростков диктует не только необходимость поиска новых подходов к их воспитанию (некоторые эксперты даже предлагают преподавать «цифровую гигиену» в школах [3]), но и адекватную уголовно-правовую охрану этой категории потенциальных потерпевших от преступных посягательств в киберпространстве.

Не меньшее значение имеет жесткая реакция правоохранителей на киберпреступления, совершаемые в отношении остальных категорий граждан, в особенности пожилых людей, слабо ориентирующихся в современных технологиях и в силу возраста не способных объективно оценить опасность, исходящую от виртуального общения, а также инвалидов с ментальными нарушениями, потенциально обладающих повышенной виктимностью.

Киберпространство представляет собой совокупность информационных ресурсов, доступ к которым возможен при использовании информационно-телекоммуникационных технологий. Применяемое оборудование и программное обеспечение – его уникальные свойства. И поскольку технологии постоянно и динамично совершенствуются, киберпространство также крайне изменчиво [4, с. 182]. В отличие от физического пространства, где преступное воздействие на личность имеет достаточно конкретное материальное выражение (вербальное, невербальное, но всегда исходящее от физического лица), общественно опасное деяние в киберпространстве такими четкими признаками не обладает. Более того, подчас выяснить личность виновного, а также установить цели

воздействия при соблюдении им мер по собственной анонимизации не представляется возможным. Указанное обстоятельство позволяет точно разделить физическое и киберпространство, а также исключить при описании субъекта противоправного деяния некоего определенного оператора или человека. Взаимодействие пространств происходит через заданный интерфейс, при этом не существует полного и однозначного соотнесения между объектами киберпространства и социумом [5, с. 47]. Например, это может быть как вредоносная программа, приведенная в действие конкретным лицом («клавиатурный шпион», программное обеспечение для создания ботнетов), так и общение в мессенджерах, создающее иллюзию непосредственной коммуникации с реальным человеком.

Специалисты отмечают, что всемирный локдаун и самоизоляция интенсифицировали развитие технологий, создающих эффект присутствия и новых вариантов взаимодействия между людьми, будь то удаленная работа, потребности в коллаборациях в разнообразных сферах жизни или посещение виртуальных концертов, конференций [6]. Рынок VR-платформ (от англ. Virtual Reality – виртуальная реальность [7]) дал инструменты, которые могут если не заменить полностью, то качественно и эффективно удовлетворить потребность человека в контакте и интерактивной коммуникации [8].

Совершенствование и развитие социального сегмента киберпространства приводит к тому, что уже озвучиваются такие пока еще непривычные и даже экзотические способы недопустимого воздействия на личность, как сексуальные домогательства и демонстрация агрессивного сексуального поведения пользователям VR-платформ. Так, в декабре 2021 г. компания М. Цукерберга Meta открыла широкой общественности доступ к своей VR-платформе Horizon Worlds, в которой одновременно могут собираться до 20 аватаров, чтобы исследовать, общаться и строить разнообразные объекты в виртуальном пространстве. Из среды для создания игр, похожей на компьютерную игру Minecraft, Horizon Worlds быстро превратилась в социальную платформу. Несмотря на положительную оценку платформы, некоторые моменты, связанные с личной безопасностью, были отмечены в посвященных ей аналитических публикациях. Одна из тестируемых платформ сообщила, что подверглась сексуальным домогательствам при общении с пользователями, выразившимися в хватании за интимные части тела аватара против воли пользователя [9]. В Horizon Worlds имеются специальные средства для блокировки неподобающего поведения, которыми может воспользоваться любой желающий, однако это не помешало разработчикам закрыть доступ к платформе несовершеннолетним пользовате-

лям, что может быть объяснено как заботой о безопасности указанной категории пользователей, так и способом избежать судебных исков [10]. Аналогичные проблемы возникли и у других пользователей, в частности, в Великобритании. Там в январе 2022 г. виртуальному домогательству подверглась 43-летняя женщина. Ее аватар был агрессивно атакован тремя реалистичными персонажами мужского пола, управляемыми другими пользователями¹. Все это вызвало беспокойство и справедливые опасения за безопасность женщин в интернете [11].

Взрывной характер киберпреступлений в последние несколько лет демонстрируется их объемной долей в общей структуре преступности, равной 26,7%. Более чем в 60 тыс. случаев от таких преступлений пострадали пенсионеры, в 6 тыс. – несовершеннолетние, в 2,5 тыс. – инвалиды [12, с. 6]. Эти показатели не случайны, ведь дистанционный способ посягательства на личность в киберпространстве психологически комфортен, эффективен и оптимален [13]. Виновое лицо причиняет значительный вред минимумом средств и усилий. Кроме того, в обстоятельствах условной анонимности риск быть реально привлеченным к юридической ответственности минимален. В связи с этим важным аспектом видится увеличение скорости реакции правоохранительных органов на возникающие в киберпространстве уголовно наказуемые угрозы личности, в особенности в конкретном его сегменте, представленном социальными сетями, где люди чаще всего взаимодействуют между собой. Поэтому полагаем, что, помимо совершенствования норм УК, жизненно необходима деанонимизация взаимодействующих в киберпространстве субъектов, а следовательно, совершенствование законодательства РФ в этой части.

К числу киберпреступлений, посягающих на личность, следует отнести доведение до самоубийства (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.2 УК РФ), угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека (ст. 119 УК РФ), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), клевету (ст. 128.1 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушение тай-

ны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ).

Нужно заметить, что часть из них обладает повышенной степенью общественной опасности из-за особой категории потерпевших (в частности, развратные действия, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего), из-за масштабов причиняемого вреда вследствие широкого охвата аудитории (например, клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни) и т.п.

Практически все перечисленные деяния связаны с кибербуллинг (цифровой травлей). Особую тревогу вызывает то, что потерпевших от цифровой травли иногда выслеживают и подстерегают в реальной жизни [14]. Важно уточнить, что кибербуллинг не всегда имеет признаки уголовно наказуемого деяния. Например, повсеместно и колоссально распространенные оскорбления личности декриминализованы и переведены в разряд административных правонарушений, которые сегодня практически не влекут ответственности. Однако при переходе от унижительных оценок личности к порочащим и не соответствующим действительности сведениям о конкретной личности субъект подлежит уголовной ответственности (как, в частности, гражданин Н., оскорбивший и оклеветавший ветерана Великой Отечественной войны в Twitter [15]).

Клевету вообще можно назвать достаточно распространенным киберпреступлением против личности. Киберпространство идеально для широкого распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. При общении в социальных сетях в чатах и мессенджерах пишущий зачастую обращается к лицу, которое находится в сети (онлайн), и рассчитывает на моментальный ответ. Этот фактор делает общение в данном формате непосредственным [16, с. 19], преступление фактически совершается так же быстро, как если бы клеветнические сведения произносились устно перед кем-либо.

Сам по себе возврат нормы о клевете практически сразу же после исключения в 2011 г. был закономерным этапом, последовавшим за необоснованной гуманизацией уголовного закона, отказавшей любой личности в защите чести и достоинства, а также деловой репутации самыми строгими по карательному потенциалу нормами. И сегодня ее наличие жизненно необходимо. Было бы правильным, по нашему мнению, вернуть также и норму об оскорблении,

¹ Потерпевшая заявила, что «они касались моего аватара, как верхней, так и нижней части моего тела. Делая это, они говорили что-то вроде: "Не притворяйся, что тебе это не нравится"».

особенно на фоне гигантского потока унижительных и грубых оценок личности в киберпространстве.

Криминализации в 2017 г. «суицидальных» преступлений (ст. 110.1 и 110.2 УК РФ) предшествовало возникновение новых форм преступных действий, которые, как признал законодатель, не были своевременно оценены криминологами и по факту приобрели широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших [17].

Одновременно с ними к числу преступных законодатель отнес и вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ). И если на 2017 г. актуальным было предотвращение втягивания в трейнсерфинг, иные виды зацепинга, ружинг, занятия по типу игры «Беги или умри», другую разрушительную деятельность, направленную против интересов несовершеннолетних, особенно осуществляемую в социальных сетях [17], то к 2021 г. возникли новые способы и цели воздействия на потерпевших. В частности, СК России было возбуждено уголовное дело по факту вовлечения через Facebook, Twitter, Instagram несовершеннолетних в участие в несанкционированных митингах на территории Москвы и других городов России 23 января 2021 г. в условиях, не обеспечивающих безопасность для жизни и здоровья участников [18].

Вместе с тем уже сейчас совершенно ясно, что карательный потенциал норм, защищающих несовершеннолетних от вовлечения в преступную и иную опасную деятельность в киберпространстве, недостаточен и требует ужесточения, и в этом мы полностью согласны с мнением А.И. Бастрыкина [19]. По крайней мере, это обосновано в случаях вовлечения несовершеннолетних в несогласованные публичные мероприятия, в ходе которых осуществляются призывы к совершению актов терроризма и преступлений экстремистской направленности, затрагивающие, помимо личности, также общественную безопасность и общественный порядок, государственную власть, иные охраняемые уголовным законом общественные отношения (с учетом негативного опыта других государств, в частности Республики Казахстан, приобретенного в январе 2022 г.).

К числу распространенных преступлений против личности в киберпространстве относятся угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека, в т.ч. применяемых для влияния на лиц, доступ к которым в реальности может быть затруднен, а в социальных сетях имеется круглосуточно. Так, некий И. организовал в социальных сетях трав-

лю мужчины, давшего в отношении него показания, и лично угрожал ему убийством. Это позволило вменить виновному квалифицирующий признак «в связи с выполнением лицом общественного долга» [20].

С момента появления широкого доступа в интернет у населения через социальные сети стали массово совершаться преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в особенности против несовершеннолетних. По оценке И.В. Краснова, несмотря на, казалось бы, общее снижение числа преступлений против половой неприкосновенности (в 2020 г. на 12%), темпы спада отстают от общей динамики сокращения преступности, и далеко не в лучшую сторону меняется структура регистрируемых преступлений, совершаемых против несовершеннолетних. За последнее десятилетие количество этих потерпевших выросло на тревожные 63% [21].

Сегодня деяния, предусмотренные частями 1-2 ст. 133 УК РФ, относятся к категории небольшой и средней тяжести, что, на наш взгляд, не соответствует современным реалиям и задачам борьбы с указанной группой преступлений. В январе 2022 г. российские парламентарии наконец инициировали признание их тяжкими и особо тяжкими в том случае, если использовался интернет, учитывая, что такой способ склонения несовершеннолетних ведет к раннему началу половых отношений – предшественникам «педофилии и насильственных преступлений для тех, кто еще не совершил акт насилия, но стоит на пороге совершения более тяжкого насильственного преступления» [22].

Повышенного внимания со стороны правоохранительных органов требуют и развратные действия в киберпространстве, охватывающиеся п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и ст. 135 УК РФ. Виновные действуют расчетливо, учитывая возрастные особенности потерпевших, эксплуатируя познавательный интерес к сексуальной жизни взрослых у лиц до 12 лет или выстраивая дружеские, романтические отношения с потерпевшими в 13-15-летнем возрасте [23, с. 288-289].

Нередко субъекты не раскрывают свою истинную личность, как, например, Л., который знакомился в социальных сетях с девочками в возрасте от 7 до 16 лет, представляясь 15-летним подростком. Путем угроз, шантажа и злоупотребления доверием он получал от них фотографии порнографического содержания. Всего было установлено 48 лиц, проживающих в 30 регионах России, пострадавших от подобных действий Л. [24]. Причем угрозы разгласить сведения об «аморальном» поведении несовершеннолетних пользователей интернета нередко ведут к реальным действиям, квалифицирующимся по ст. 137 УК РФ [25].

Киберпространство дает широкий круг средств фиксации подобных сведений о частной жизни, при этом деяние совершается мгновенно, и впоследствии удалить их практически невозможно, поскольку информация копируется и сохраняется в кэше навсегда.

Помимо нарушения неприкосновенности частной жизни, интернет позволяет довольно легко нарушить тайну так называемых иных сообщений – сообщений, передаваемых посредством интернета, электронных писем, видеозвонков и т.п. [26, п. 5], квалифицирующихся по ст. 138 УК РФ. Примером данного деяния может служить содеянное А., который, получив доступ к странице потерпевшей (ранее знакомой ему А.Д.) в социальной сети «ВКонтакте», разместил на ней фотографию А.Д. в обнаженном виде, затем неоднократно знакомился с личной перепиской девушки с другими пользователями социаль-

ной сети, лично направлял электронные сообщения от ее имени другим пользователям [27].

Таким образом, наличие уголовно-правовых норм, охраняющих личность от посягательств в киберпространстве, является своевременной и необходимой мерой, особенно в момент перехода всего мира в эпоху постчеловеческих по своей направленности технологий или даже фактического нахождения его на грани перехода к новой техногенной цивилизации [28]. Полагаем, что не последнюю роль в повышении эффективности должно сыграть их дальнейшее совершенствование, необходимость которого сегодня озвучивается на самом высоком уровне, в т.ч. путем ужесточения санкций. Выделение киберпреступлений против личности в отдельную исследовательскую группу позволит изучить ее комплексно с учетом вызовов современной преступности.

Список источников

1. Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.
2. Степанова Л.Н. Предикторы специфики познавательного и личностного развития представителей цифрового поколения // Вопросы педагогики. 2021. № 11-1. С. 406-409.
3. Бурнов В. Эксперт предлагает обучать россиян цифровой гигиене со школьной скамьи // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: http://www.rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20210804/307267687.html (дата обращения: 31.01.2022).
4. Осипенко А.Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 181-188.
5. Гриняев С.Н., Правиков Д.И. Основы общей теории киберпространства. Теория боя в киберпространстве: монография. М.: АНО ЦСО и П, 2018. 124 с.
6. VR-платформы: финальный обзор и итоги 2020 года. vc.ru. URL: <https://vc.ru/marketing/192736-vr-platformy-finalnyu-obzor-i-itogi-2020-goda> (дата обращения: 17.12.2021).
7. В чем разница между VR и AR? РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5db179279a79472d7aa9e58a> (дата обращения: 17.12.2021).
8. VR-платформы: апдейт рынка на август 2020. Medium.com. URL: <https://medium.com/phygitalism/vr-platforms-part2-c566ef76dd94> (дата обращения: 17.12.2021).
9. Basu Tanya The metaverse has a groping problem already. Technologyreview.com. URL: www.technologyreview.com/2021/12/16/1042516/the-metaverse-has-a-groping-problem (дата обращения: 17.12.2021).
10. Heath Alex Meta opens up access to its VR social platform Horizon Worlds. Theverge.com. URL: <https://www.theverge.com/2021/12/9/22825139/meta-horizon-worlds-access-open-metaverse> (дата обращения: 17.12.2021).
11. Mother says she was virtually groped by three male characters within seconds of entering Face-book's online world Metaverse. Dailymail.co.uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10455417/Mother-43-avatar-groped-three-male-characters-online-Metaverse.html> (дата обращения: 02.02.2022).
12. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2021 года. М., 2021. 64 с.
13. Аргюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. 2019. № 9. С. 77-84 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Фалалеев М. В мировой юридической практике появился новый термин // Российская газета. 2022. 26 янв.
15. Егоров И. Извиняться не стал // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/02/20/sud-priznal-navalno-govinovnum-po-delu-o-klevete-na-vete-rana.html> (дата обращения: 10.01.2022).
16. Жданова Е. Теоретические основы диагностических методик судебного автороведения (на материале письменной межличностной электронной коммуникации) // Юрислингвистика. 2019. № 13. С. 18-24.
17. Законопроект № 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнитель-

ных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/118634-7> (дата обращения: 27.01.2022).

18. Возбуждено уголовное дело в отношении Леонида Волкова, склонявшего подростков к противоправным действиям // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1534471> (дата обращения: 01.02.2022).

19. Бастрыкин: Число дел о преступлениях экстремистской направленности выросло. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1646758> (дата обращения: 01.02.2022).

20. Прокуратура утвердила обвинительное заключение по делу Иосилевича // Рамблер Ньюс. URL: <https://news.rambler.ru/crime/47723182> (дата обращения: 10.01.2022).

21. Доклад Генерального прокурора РФ И.В. Краснова на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 23.04.2021 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868> (дата обращения: 28.01.2022).

22. В ГД обсудили подготовку поправок о дополнительной защите детей от сексуального насилия. Государственная Дума РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/53311/> (дата обращения: 31.01.2022).

23. Жаркая А.С. Механизмы воздействия на несовершеннолетних со стороны лиц, совершающих развратные действия при опосредованной коммуникации // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник мат-лов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием. Рязань, 2020. С. 286-292.

24. В Самарской области местный житель признан виновным в нескольких десятках преступлений сексуального характера в отношении детей // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1284822/> (дата обращения: 01.02.2022).

25. Мужчина разослал пользователям интимные фотографии школьницы, которая отказалась общаться с ним // Новости Мегатюмени. Тюменский городской портал. URL: <https://news.megatyumen.ru/posts/muzhchina-razoslal-polzovatelyam-intimnye-fotografii-shkolnitsy-kotoraya-otkazalas-obschatsya-s-nim> (дата обращения: 28.01.2022).

26. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Архив Вологодского городского суда за 2016 г. Дело № 1-914/2016.

28. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents.pdf>.

Информация об авторе

А.Г. Брагина – кандидат юридических наук.

Information about the author

A.G. Bragina – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК

РЕДАКТИРОВАНИЕ ГЕНОМА: НРАВСТВЕННЫЕ ДИЛЕММЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОГРАНКЕ

Иван Яковлевич Козаченко

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия, uglaw@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме редактирования генома человека с позиции нравственной уголовно-правовой вариативности. Сама по себе значимость темы кратко возвышает ее теоретическую и прикладную потребность, т.к. на ее основе базируются иные сопутствующие положения, в частности, касающиеся нравственной и правовой (уголовно-правовой) сферы этого научного и творческого процесса. В статье проанализированы понятия и сущность генотипа человека, рассмотрены современное состояние и основные направления совершенствования правовой регламентации редактирования генома с целью терапии наследственных заболеваний. Кроме этого, сделана попытка раскрыть сущность проблемы биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека в Российской Федерации, разработаны, насколько позволяет статейный формат, предложения по совершенствованию прав человека по распоряжению своим генетическим материалом.

Ключевые слова: ген, геном человека, редактирование генома, нравственные дилеммы, административная ответственность, уголовная ответственность, золотое время генетики

Статья подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного грантом РФФИ № 18-29-14028.

Для цитирования: Козаченко И.Я. Редактирование генома: нравственные дилеммы в уголовно-правовой оградке // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 66-71.

Original article

GENOME EDITING: MORAL DILEMMAS IN CRIMINAL LAW

Ivan Ya. Kozachenko

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, uglaw@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of human genome's editing from the position of moral criminal law variation. In itself the significance of the theme multiplies its theoretical and practical need with related provisions, in particular, concerning the moral and legal (criminal-legal) sphere of this scientific and creative process. The article analyses the concept and essence of human genotype, reviews the current state and main directions of improvement of legal regulation of genome editing for the purpose of inherited diseases therapy. In addition to that an attempt was made to reveal the essence of the problem of biomedical experimental research with human participation in the Russian Federation and, as far as the article format allows, proposals on improvement of human rights in disposal of genetic material.

Keywords: human genome, genome editing, moral dilemmas, administrative responsibility, criminal responsibility, «golden age» of genetics, genetic encyclopedia

The article was prepared within the framework of scientific project supported by RFBR grant № 18-29-14028.

For citation: Kozachenko I.Ya. Genome editing: moral dilemmas in criminal law. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:66-71. (In Russ.).

Проблема редактирования генома человека в последнее время все больше и больше становится привлекательной для специалистов самых различных научных направлений. Это обстоятельство обусловлено в определенной степени тем, что человек, его геном и его биологические составляющие представляют собой замкнутый треугольник, в рамках которого взаимодействуют самые глубинные и не менее потаенные функциональные генетические системы. Именно в этом треугольнике зарождаются, набирают силы, развиваются и в конечном счете прекращают свое существование содержательные процессы и явления, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность человека.

Проникнуть в данный условный треугольник, даже мысленно (абстрактно), достаточно сложно, а порой невозможно. Сложно еще и потому, что геном человека являет собой чувствительный, бдительный и способный на мгновенную защитную реакцию механизм. Когда происходит нестандартное событие (или, как говорят, что-то в природе пошло не так), соответствующая генетическая ячейка (цепочка), функционально отвечающая за работу определенного участка человеческого организма, мгновенно реагирует биологически обусловленным способом. Получив «сигнал тревоги» о проникновении или попытке проникновения к ним чужеродного пришельца, генетически обусловленные структуры вступают с ним в смертельную схватку, в которой победителем всегда оказывается сильнейший. И даже сегодня, когда в процессы самосохранения активно стал вмешиваться человек, живая природа неумолимо развивается по начертанному ею сценарию.

Человек и его геном неразделимы, как неразделимы явление и свойства этого явления. Однако данное утверждение не означает, что геном человека и сам человек лишены автономных состояний. Человек и его геном, не утрачивая своего многообразия, сохраняют свои, только им присущие идентифицирующие признаки. Каждый человек и его геном имеют индивидуальную, строго им прописанную парной родительской линией «генетическую энциклопедию». И пишется эта энциклопедия ими совместно: геном человека создает биопсихологическую матрицу человека, а человек заполняет конкретным содержанием данную генетическую матрицу.

Длительное время человек рука об руку совместно со своим генотипом совершенствовался и развивался. Возможно, это было золотое время генетики, т.к. человек в силу своего развития, вернее, недоразвития на тот исторический период по объективным причинам не вмешивался (не мог вмешиваться) в его генетическую сферу. И она (эта сфера), вольная от всяческих притеснений и насильственных оков со стороны человека, развивалась по законам природы.

Важно отметить, что от этого генотип как таковой и познания о нем не становились хуже, т.к. каждая сфера познания человека на данном этапе генетического вектора занималась разрешением задач, которые стояли перед отдельным человеком и человечеством в целом в данный конкретный период времени и на соответствующей территории.

Правда, было бы все слишком упрощенно, если бы генетические процессы и познание их особенностей шли гладко, без резких скачков и по накатанному пути. Наша планета, как, очевидно, и другие подобные планеты (если они были), бурлила, кипела, выстраивала (насколько это было возможно) на свой лад генетические ряды и различные иные генетические конфигурации.

Необъятный даже фантастическим воображением временной и пространственный период в развитии Вселенной был всегда перенасыщен (свойство, которым наделен и нынешний вселенский период) множеством хаотично блуждающих в космическом пространстве клеточных (и не только) образований, которые можно рассматривать в качестве природных материальных парных (и не только) заготовок, прообразов будущих генетически образующих существ.

Все это хотя и происходило на первый взгляд бессистемно, спонтанно, однако, следует заметить, не без помощи воздействия на них базовых признаков своих носителей с присущими им свойствами и формами. Воздействуя друг на друга присущей им генетической информацией, они способствовали (и способствуют) созданию новой физической (и не только) генетической площадки для новых генетических образований, о возможности существования которых человечество в тот период времени не знало, не догадывалось.

Эти и другие подобные им образования в подавляющем своем большинстве, как бильярдные шары, ударяясь о борта бильярдного стола, разлетались в разные стороны, не создав, а скорее всего разрушив (либо видоизменив) первоосновы случайно столкнувшихся в определенном пространстве и времени образований. Естественно, что не все было так до примитива упрощенно, но без подобной механики движения и химических преобразований живых существ природа обходиться не могла. Поскольку это было так или почти так, постольку природная картина мира испытывала на себе как масштабные эволюционные преобразования мира, так и межгенетические революционные локальные потрясения.

При образовании критической массы в природе происходит генетический взрыв, результатом которого служит появление нового генетического образования (новых генетических образований), содержащего (содержащих), удерживающего (удерживающих) часть бывшего своего генотипа и приобретшего (при-

обретших) часть нового, чужого типа генетического образования. Не об этом ли свидетельствуют дошедшие до нас, в частности, отголоски «Метаморфоз» Овидия, которые донесли до наших времен мифы о кентаврах (получеловек-полулошадь), минотаврах (получеловек-полубык) [1, с. 627]. Мифам известны также различные химеры, например чудовища с головой льва, туловищем козла и хвостом дракона, Медуза-Горгона – в греческом мифе крылатая женщина – чудовище со змеями на голове вместо волос и т.п.

Что это – игра воображения древних писателей или мифы о рациональных существах, которые в своей физической, химической, психической и функциональной первооснове заключали в себе наиболее устойчивые свойства, способствующие в тех первородных состояниях выдерживать внешние и внутренние негативные (и не только) воздействия не только чужеродных, но и «родственных» генетических систем (например, выносливость и красота лошади (кентавр) или необузданная сила быка (минотавр), интеллектуальный потенциал человека (кентавр, минотавр) и т.д.).

На пути своего исторического развития человек как бы по крупичкам собирал то нужное для его развития и совершенствования, без чего он не смог бы стать человеком. Менялись формы, появлялись его многочисленные виды, обретались новые черты, но стабильным оставался конструктивно прочный созидательный каркас человека, в роли которого выступал его генотип, трудно поддающийся расшифровке, а тем более его редактированию.

Генетическое многообразие человека не знает границ и не поддается счету, хотя при этом многообразии явно пробивает себе дорогу нечто неизменное, что-то из раза в раз повторяющееся. Более того, каждый человек представляет собой генетическую модель, позволяющую при очевидной несхожести вычленять что-то совпадающее. Изменчивость и постоянство – сфера генетического развития всего живущего на Земле, в т.ч. и человека. В основе этого генетического процесса прежде всего находятся жизнь, здоровье и смерть. Скрепляет эти состояния генетическое достоинство, которое, с одной стороны, еще до рождения человека создает условия его безопасного развития, с другой – даже после смерти человека продолжает охранять его доброе имя. В рамках этих состояний (свойств) закладывается, развивается и видоизменяется генотип человека, многие составляющие которого передаются по наследству. Сплетение проблем генного характера, касающихся важных сфер человека и его организма, обуславливает нравственную актуальность любого фрагмента генетического характера.

Наиболее важным поэтому следует обозначить тезис, согласно которому научное исследование гене-

тических проблем следует проводить не только и не столько как системное изучение содержания и основных генетических характеристик человека, но и как проблему современной защиты генетического фонда каждого в отдельности человека и российского общества в целом. Масштабность генетических исследований неизбежно ставит перед обществом и государством глобальные задачи, решение которых неминуемо сопряжено с этическими и правовыми нормами. Этическая пролонгация генетических проблем немыслима без правовой огранки. Именно поэтому она должна иметь мощную, качественную и продуманную, поэтапно решаемую программу социальной безопасности и генетической защиты человека, общества и государства. Последнее означает, что любое редактирование (или попытка редактирования) генома человека должно проводиться прежде всего при наличии постоянного и жесткого профессионального, медико-санитарного, общественного и государственного надзора и контроля.

В этой связи надзорные и контролирующие подразделения всех уровней должны оценивать:

а) содержательные, функциональные и векторные направления динамических особенностей генотипа человека;

б) степень интенсивности нарушения (соблюдения) этических норм при совершении современных манипуляций с генетическим материалом: трансплантация, клонирование, пересадка органов и тканей;

в) степень интенсивности нарушения (соблюдения) правовых (в т.ч. и уголовно-правовых) норм при проведении биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека.

Решение поставленных задач позволит обозначить основные формы, структуру и направления генетического благополучия человека, под которым следует, на наш взгляд, понимать *совокупность генетических состояний организма, обеспечивающих нормальное и достаточное функционирование генотипа и генофонда человека*. В этой связи генетическое благополучие человека в любой из форм его проявления так или иначе сводится (должно сводиться) к социальной защите жизни, здоровья, генетического достоинства человека. В основу анализа данных состояний человека и их социальной защиты нами положены научные материалы всемирно известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР М.И. Ковалева [2, с. 25-128]. Приведенное не означает, что другие авторы не касались затронутой проблемы, но именно названный, как нам представляется, обратил свое творческое внимание не только на жизнь, здоровье и достоинство человека в их содержательном и функциональном состоянии, но и создал прочную осно-

ву, на которую возвел генетическую, нравственную и правовую конструкцию своих суждений.

Жизнь человека – это такое его состояние, при котором ему, как живому существу, свойственны все атрибуты, присущие состоянию жизни и смерти. Вполне обоснованно Ч. Дарвин к числу закономерностей, определяющих признаки и структуру жизни, относил рост, воспроизводство и наследственность. Жизни постоянно грозят скрытые и явные опасности. Важнейшее свойство живых систем – их открытость и непрерывное взаимодействие с окружающей действительностью. Особенное воздействие на окружающую среду оказывает человек, активно вмешиваясь в ее естественное состояние. Нередко его деятельность губительно воздействует на гены живых существ, пагубно влияет на их здоровье и приближает их смерть.

Смерть, как и жизнь, можно рассматривать двояко: как процесс и как состояние. К сожалению, в законе о трансплантации органов и тканей человека не дано понятия смерти, а оно должно быть именно в нем. Нужно именно законодательное, а не ведомственное понятие смерти. Права человека, как равно и его гены, обычно не умирают одновременно с ним. Они трансформируются, например, при пересадке органов и тканей, переходя к другим людям. И этот переход зависит от времени наступления смерти, а иногда и от ее причин. Одна из концепций смерти заключается как необратимое прекращение деятельности клеток головного мозга.

Качество жизни людей, продолжительность их жизни во многом зависят от состояния здоровья людей. Здоровье в обыденном смысле означает совокупность качеств и свойств, позволяющих человеку жить нормальной биологической и психической жизнью. Забота о здоровом генотипе человека – одна из важнейших нравственных функций государства. К сожалению, в нашем государстве многие люди нуждаются в помощи, прежде всего в медицинской. Чаще всего в такой помощи нуждаются бедные, престарелые, дети, больные люди. Неотъемлемыми субъективными правами человека являются его права на здоровье (право существовать в условиях, генетически безвредных для физической и интеллектуальной жизни), на медицинское лечение в случае болезни и право распоряжаться своим здоровьем, в частности, при трансплантологии.

К универсальному свойству (кроме жизни, смерти, здоровья) относится генетическое достоинство человека. В рамках настоящей статьи мы обращаемся к идеям о генетике, высказанным на страницах юридической печати профессором И.С. Ноем из Саратова. Важным нравственным результатом воздействия на генетическое достоинство человека выступает наличие наследственных заболеваний. Сегодня на-

считывается три вида таких заболеваний (например, болезнь Дауна). В этом плане вполне допустимо использование генетических приемов для выработки лекарств, способствующих излечению тяжелых и хронических заболеваний (например, СПИД, онкологические заболевания). Однако недопустимым следует признать использование генетического материала для выращивания, например, уродов и кикимор в развлекательных целях.

Сегодня следует опасаться и более серьезных генетических явлений – с высоким уровнем развития генной инженерии стало реальностью злоупотребление генетическими знаниями и непредсказуемыми по своим последствиям экспериментами с человеческой породой.

Так, Всемирная организация здравоохранения самым серьезным образом расследует версию об искусственном происхождении вируса COVID-19 [3].

Гены человека, словно невидимый, но мощный и непрерывно действующий магнит, притягивают к себе человеческую органику, его нравственную и правовую основу, словно пчелы, вместе и отдельно создают сложнейшее и уникальнейшее природное творение. Человеку трудно познавать свой генотип, еще трудней изучить, дать правильную обыденную, нравственную и правовую оценку свойств, признаков и функций изучаемого им объекта. Нравственные и правовые нормы, сохраняя свою форму, находятся в постоянном движении, меняя свое содержание и объем своего содержания. В этом переплетении нормативных регуляторов человеческого состояния и человеческого движения особое (приоритетное) положение занимают гены во всем своем богатстве и разнообразии.

Доминантное положение среди них естественно и безоговорочно занимают гены, отвечающие за наследственные функции организма человека на всех этапах своей жизнедеятельности: зарождения, развития и умирания. Попробуем проследить их таинственный путь.

Первичным звеном в цепи развития человека выступает плод. Прочно соединив свои связующие клетки, плод набирает силу, которая, чтобы выжить, необходима ему для решения задач как минимум двоякого характера. Во-первых, она (сила) нужна для завоевания плодом необходимого и постоянно увеличивающегося пространства (векторы внутреннего развития плода). Во-вторых, накопление силы плоду необходимо для отстаивания им собственного пространства от враждебных внешних факторов (векторы внешнего развития плода). Очень важно заметить, что для успешного (либо безуспешного) дальнейшего развития плода не имеет значения, появился ли он в результате жгучей и безмерно глубокой любви его биологических родителей либо он есть результат ро-

ковой необратимой ошибки кого-либо из них, а возможно, он есть слагаемое появившихся в условиях насильственного соединения двух разнополюх человеческих генетических единиц (особей).

Прежде чем появиться на свет, плод зарождается, развивается (вынашивается) в генетической колыбели. Родившись, человек вынужден воспринимать мир, его окружавший, как данность, с его возможностями и потребностями, даже если он, конечно, слеп, как Гомер, и глух, как Л. Бетховен [4, с. 446]. Именно при наличии указанных обстоятельств у родителей возникает вполне объяснимое желание избавить своего ребенка от генетического заболевания путем редактирования нередко жизненно опасного для ребенка генома. Возникает резонный вопрос, допустимо ли в таком случае человеческое вмешательство? Скорее да, чем нет. В пользу «да» свидетельствуют следующие факторы: речь идет о сугубо гуманном акте – избавлении человека от неизлечимой болезни, например от болезни онкологического наследственного заболевания; адресные манипуляции в отношении конкретного человека служат высокой степенью нейтрализации опасного для носителя гена; наличие высокопрофессионального контроля за безопасностью генетических манипуляций; благие цели генетических манипуляций; высокая степень нравственной природы генетических манипуляций.

Факты «против». Общая предосторожность возможного вреда; отсутствие надлежащего правового регулирования; общество вообще заинтересовано в невмешательстве в законы эволюции и естественного отбора.

В редактировании гена или нескольких генов могут быть заинтересованы люди для приобретения их ребенком каких-либо новых качеств. Правда, при всех перечисленных ранее обстоятельствах назвать мотивацию проведения редактирования генома человека, чтобы бездарному (либо посредственному) ребенку привить ген таланта, нравственно чистой вряд ли можно. А если можно, то как же тогда быть с аксиоматичным утверждением, что рожденные ползать летать не могут? Или Богу богово, а Цезарю цезарево?

Приведенная дилемма стала основной причиной критики деятельности Хэ Цзянькуя (КНР), отредактировавшего геном человека с целью исключения возможных заражений ВИЧ-инфекций. Гневные отклики и окрики в адрес китайского ученого вылились в его уголовное преследование и наказание [5, с. 5-13].

Однако такая суровая реакция на эксперимент Хэ не уменьшила интереса к этому вопросу со стороны других ученых. Так, Денис Ребриков из знаменитой «Пироговки» ведет аналогичные исследования. Без-

условно, он учел легальный итог деятельности китайского коллеги [6].

Как известно, зародыш появляется с определенным генетическим комплексом. На соответствующем этапе своего развития генотип со всеми его сильными и слабыми задатками остается в первозданном виде. Кстати, стоит заметить, что генотип в его основной и природной кодировке остается неуничтожимым всю жизнь его обладателя, независимо от силы воздействия на него внутренних и внешних, стремящихся к его видоизменению факторов. Исключение – возможность применения методов генной терапии, позволяющих редактировать соматические клетки уже родившегося человека [7].

На научном семинаре «Генетические исследования. Редактирование генома. Грани уголовно-правового регулирования», проведенном 26-27 марта 2019 г. Уральским государственным юридическим университетом и УрО РАН, прозвучала идея из уст биолога о том, что достижение человеком такого уровня развития, при котором он может вмешиваться в процесс эволюции, есть не что иное как этап этой самой эволюции. Если природа дала такую способность человеку как части природы, значит, природа и дала человеку ключ к новому этапу эволюции [8, с. 254].

Отчасти мы разделяем озвученное мнение. Во всяком случае, запретительное вмешательство уголовного регулятора в научную деятельность должно быть дозированным и осторожным. Вместе с тем нельзя и недооценивать интерес общества в невмешательстве в закон эволюции.

Однако такое невмешательство и кажется уместным. Так, спасая жизнь ребенка, страдающего тяжелым наследственным заболеванием, например СМА (спинальная мышечная атрофия), мы так или иначе вмешиваемся в эволюционный процесс. Лечение любой болезни – также вмешательство в этот процесс. По этой причине «невмешательство» не соответствует самой природе человека, его современному уровню развития, существующей нравственной системе.

Некоторые деяния между тем требуют уголовно-правового «окрика» уже сегодня. Речь пойдет о тех возможных манипуляциях, которые могут привести к очевидным неблагоприятным последствиям в настоящее время. Такие деяния создают реальную, а не умозрительную опасность. Их перечень, безусловно, неоспоримый, но заслуживает внимания со стороны специалистов.

1. Создание без согласования с уполномоченным органом новых видов растений, животных и других организмов с целью введения их в естественную среду влечет уголовную ответственность.

2. Редактирование генома растений, животных и других организмов без согласования с уполномо-

ченным органом с целью введения их в естественную среду влечет уголовную ответственность.

3. Редактирование генома человека в терапевтических целях без согласования с уполномоченным органом, не повлекшее наступления тяжких последствий для потерпевшего или иных лиц, влечет административную ответственность.

4. Редактирование генома человека без согласования с уполномоченным органом в целях, не связанных с лечением заболеваний, не повлекшее наступления тяжких последствий для потерпевшего или иных лиц, влечет уголовную ответственность.

5. Редактирование генома человека без согласования с уполномоченным органом с любой целью, повлекшее наступление тяжких последствий для потерпевшего или иных лиц, влечет уголовную ответственность.

Думаем, что предложенные формулировки о согласовании с уполномоченным органом будут критиковаться коллегами в связи с тем, что они не снимают вопрос, что разрешено, а что нет. Однако определять степень опасности той или иной деятельности – это не задача юриста, это должны делать профессионалы.

Список источников

1. А.С. Пушкин – критик. М.: Изд-во «Советская Россия», 1978. 672 с.
2. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / под ред. И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2019. 200 с.
3. Tenn Ch. WHO restarts investigation of COVID-19 emergence with new panel // The scientist. 2021. 28 Sept.
4. Толстой А.К. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Изд-во «Правда», 1980. Т. 1. 645 с.
5. Сергеев Д.Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 5. С. 5-13.
6. Syranoski D. Russian biologist plans more CRISPR-edited babies // Nature. 2019. 10 June.
7. Ali H.G., Ibrahim Kh. et all. Gene therapy for spinal muscular atrophy: the Qatari experience // Gene Therapy. 2021. № 28. P. 676-680.
8. Сергеев Д.Н., Козырин А.А. Генетические исследования. Редактирование генома. Грани уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2019. № 5. С. 253-256.

Информация об авторе

И.Я. Козаченко – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I.Ya. Kozachenko – Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В УГОЛОВНОЙ СФЕРЕ

Валентина Ивановна Плохова^{1, 2}

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, VPlohova@yandex.ru

² Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Целью исследования является выявление проблем прямого применения Конституции РФ в уголовной сфере, путей их решения. Основными методами исследования являются наблюдение, юридическая герменевтика, сравнительно-правовой. Для решения обнаруженных в результате исследования проблем необходимо: совершенствовать, конкретизировать механизм ответственности за неисполнение решений КС, за принятие необоснованного уголовного закона; разработать четкий механизм проведения мониторинга законодательства и его применения на предмет выявления законов, не соответствующих решениям Конституционного Суда РФ, и их толкования; проведение Конституционным Судом экспертизы проектов статей Уголовного кодекса на соответствие Конституции РФ (п. 5.1 ст. 125 Конституции РФ) должно быть обязательным; продолжить исследования этих направлений в новых условиях.

Ключевые слова: прямое применение, конституция, экспертиза проектов, уголовный закон, суд, нормоконтроль

Для цитирования: Плохова В.И. Проблемы применения конституционных норм в уголовной сфере // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 72-79.

Original article

APPLICATION PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL RULES IN THE CRIMINAL SPHERE

Valentina I. Plokhova^{1, 2}

¹ Altay State University, Barnaul, Russia

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The purpose of the study is to identify the problems of direct application of the Constitution of the Russian Federation in the criminal sphere, ways to solve them. The main research methods are observation, legal hermeneutics, comparative legal. To solve the problems discovered as a result of the study, it is necessary to: improve, specify the mechanism of responsibility for non-execution of decisions of the Constitutional Court, for the adoption of an unreasonable criminal law; develop a clear mechanism for monitoring the legislation and its application in order to identify laws that do not comply with the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and their interpretation; the examination by the Constitutional Court of draft articles of the Criminal Code for compliance with the Constitution of the Russian Federation (clause 5.1 of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation) should be mandatory; continue research in these areas in new conditions.

Keywords: direct application, constitution, project review, criminal law, court, normative control

For citation: Kozachenko I.Ya. Application problems of constitutional rules in the criminal sphere. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:72-79. (In Russ.).

В эпоху динамизма общественных отношений в мире и отдельных государствах: процессы глобализации, цифровизации, пандемии и др., появляются новые формы девиантной деятельности, которые требуют оперативного изменения механизма охраны общественных отношений, в т.ч. нормами уголовного закона, его толкованием, применением. Это стало происходить, но часто спонтанно, недостаточно обоснованно, не в соответствии с конституционными нормами, решениями Конституционного Суда РФ по аналогичным по конструкции и общественной опасности уголовно-правовым нормам. Так, введенный 01.04.2020 состав преступления, предусмотренный ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» [1], не учитывает правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные в восьми решениях Конституционного Суда [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9], в которых обосновывается положение о крайнем месте уголовного права в системе права.

Законодатель недостаточно оперативно вносит изменения и в признанную Конституционным Судом России не соответствующей Конституции норму УК, правоприменитель иногда игнорирует решения КС РФ. Так, в отношении ст. 212¹ УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» еще в феврале 2017 г. Конституционный Суд РФ выявил в ее редакции и толковании правоприменителем нарушение многих конституционных норм и придал ей другой конституционно-правовой смысл [7]. Но потребовалось еще два решения по аналогичным правонарушениям [9, 10] с таким же обоснованием, что и в постановлении 2017 г. А в 2020 году Конституционному Суду еще в одном решении пришлось напомнить правоприменителю о конституционном истолковании этой же ст. 212¹ УК РФ [11]. Норма до сих пор не изменена, другие тоже меняются не сразу. Например, все 5 лет (с 03.07.2016), прошедшие с момента изменения норм, регламентирующих уголовное преследование и ответственность за побои (ст. 116¹ УК РФ), идет их доработка Конституционным Судом РФ. В четырех постановлениях Конституционный Суд пытался привести ее толкование и применение в соответствие с Конституцией РФ [8, 12, 13, 14]. В апреле 2021 г. ст. 116¹ УК РФ и вовсе признана не соответствующей Конституции РФ «... в той мере, в какой она не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия в случае, когда побои нанесены или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное

в этой статье или аналогичное по объективным признакам преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию» [14]. Статья действует до сих пор в редакции, не соответствующей Конституции. Приведенные нами данные в совокупности с информацией Конституционного Суда за 2019 г. и предыдущие годы, представленной в отчетах Конституционного Суда, в которых отмечается, что «весомая часть законопроектов, разработанных во исполнение решений Конституционного Суда, принятых свыше пяти лет назад и подлежащих исполнению в порядке статьи 80 ФКЗ о КС, находятся в Государственной Думе фактически без движения. И даже во внесенных изменениях в закон имеются отступления от Конституции РФ» [15, 16, 17], заставляют задуматься о причинах и мерах по недопущению возникшей ситуации. Практически нет никакой реакции со стороны государственных органов на неисполнение решений Конституционного Суда РФ, кроме констатации самого факта. Обозначенная в ст. 81 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» возможность наступления ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда, в т.ч. по ст. 315 УК РФ, не может быть применена, например, из-за множественности субъектов, участвующих в законотворчестве. Процедура проведения мониторинга правоприменения в Российской Федерации не позволяет оперативно реагировать на имеющее место неисполнение решений Конституционного Суда РФ при применении норм уголовного права.

О недостаточной конституализации норм уголовного права в России отмечалось и на ранних стадиях исследования этого вопроса [18, 19, 1, 20], и в современных исследованиях [21].

Высшие судебные органы предпринимают меры для сглаживания обстановки в постановлениях Пленума Верховного Суда, обзорах судебной практики Президиумом ВС. Но и здесь много нерешенных спорных вопросов.

Известно, что еще в 1995 г. Пленум Верховного Суда РФ предложил варианты возможного применения судами общей юрисдикции Конституции РФ. В 2013 году они были скорректированы в связи с уточнением в распределении полномочий между Конституционным Судом и судами общей юрисдикции [22]. В постановлении Пленума приводятся две ситуации (формы), когда суды, разрешая дело, применяют непосредственно Конституцию РФ: 1) «когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального

закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения»; 2) «когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны. В случаях, когда статья Конституции Российской Федерации является отсылочной, суды при рассмотрении дел должны применять закон, регулирующий возникшие правоотношения» (абз. 2 п. 2) [22]. Разъяснения важны, но они не так очевидны, их толкование сверхсложное, требует дальнейшего исследования, детализации. Так, первая форма прямого применения Конституции РФ судами общей юрисдикции вызывает много вопросов, тем более применительно к уголовной сфере: что это за нормы, не требующие дополнительной регламентации и не содержащие указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина, и, самое главное, как их толковать? В современной юридической литературе называются их особенности и приводятся разные примеры. Так, Н.Е. Таева, опираясь на современные и ранние исследования, определяет их как нормы, имеющие непосредственное действие, которые «...не требуют их конкретизации в законах (нормы непосредственной реализации) и названы в качестве примера ст. 1, 2, 3 Конституции РФ. Эти нормы имеют особый механизм реализации. Для их реализации не обязательно возникновение, изменение или прекращение конкретного правоотношения. Они реализуются в так называемых правоотношениях общего характера напрямую непосредственно» [23, с. 151]. Н.И. Пикуров в качестве примера называет ч. 3 ст. 15, ст. 55 Конституции РФ и др. [24, с. 85]. Но проведенные нами в период 2014-2021 гг. исследования показали, насколько сложны такие нормы в толковании, тем более применительно к уголовной сфере (что такое правовое государство, критерии правомерного ограничения прав человека и др.) [25, 26, 27, 28]. В конституциях содержится слишком мало определенных предписаний (это особенность документа). Но даже понятные на первый взгляд конституционные нормы (например, об опубликовании законов (ч. 3 ст. 15), о критерии законности (ч. 3 ст. 55), о прямом действии конституции и др.), как показано нами [29] и утверждают другие исследователи [21, с. 42], в конституционном истолковании имеют много нюансов, тем более применительно к уголовному праву.

В юридической литературе, несмотря на полемику между учеными, предлагаются довольно обо-

снованные определения понятия и формы прямого действия Конституции [30; 23, с. 153; 31; 32] в отношении с ее применением [33, 31, 32]. Свои выводы авторы часто подтверждают практикой конституционного контроля России. Однако предложенные в юридической литературе определения прямого действия, применения Конституции желательно бы конкретизировать, чтобы у законодателя и правоприменителя, а также у лиц, проводящих экспертизу законов и мониторинг правоприменения, были конкретные ориентиры.

В таких условиях правоприменитель пытается выполнить рекомендации Пленума ВС, но чаще всего ссылаясь на процедурные нормы. Что касается общих базовых содержательных конституционных норм, принципов права, то в практике как районных (городских), так и вышестоящих судов это единичные случаи. Суды нечасто ссылаются и на решения КС РФ.

Так, из 173 приговоров, выставленных на интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт. Ру) [34], вынесенных районными (городскими) судами РФ за 2 полугодие 2020 и 2021 гг., в 155 приговорах имеется ссылка на ст. 51 Конституции РФ: «1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания». Ссылка на ст. 25 Конституции РФ имеется в 6 приговорах, ч. 2 ст. 38 – в 9, ч. 2 ст. 50 – в 1; в 1 приговоре суд ссылается на ст. 2, 18, 21, 22 Конституции РФ и ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Что касается использования решений Конституционного Суда РФ, то, например, из 47 судебных актов, выставленных на интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» за 1 полугодие 2020 г., только в одном приговоре приводится правовая позиция, высказанная в определении Конституционного Суда РФ при вменении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ.

По данным В.И. Червонюка, «лишь в отдельных из судебных актов, помещенных в Сборнике определений Судебной коллегии по уголовным делам и Военной коллегии Верховного Суда РФ, постановлениях Президиума Верховного Суда РФ и постановлениях президиумов высших судов субъектов РФ содержатся указания на конституционные установления» [35].

Кроме того, выявлены случаи добавления Президиумом Верховного Суда в обзор судебной практики, Конституционным Судом РФ в своих решениях новых условий привлечения к уголовной ответственности, не указанных в диспозиции статьи Уголовно-

го кодекса РФ, которые требуют обоснования. Так, Президиум Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г., через 20 дней после опубликования ст. 207¹ УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан», дал разъяснения по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В том числе Президиум Верховного Суда в своем обзоре, кроме названных в диспозиции уголовно-правовой нормы признаков, добавил новые, разъясняя, что преступлением должно признаваться «...такое распространение заведомо ложной информации с учетом условий, в которых оно осуществляется, цели и мотивов совершаемых действий (например, для того чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка), представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности» [36]. Это дополнение по смыслу отчасти схоже с дополнением диспозиции ст. 212¹ УК, произведенным Конституционным Судом РФ в постановлении от 10.02.2017 № 2-П.

В этом постановлении Конституционным Судом была апробирована практика изменения признаков состава преступления. Так, в действующей редакции диспозиции ст. 212¹ Уголовного кодекса РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» единственным условием наступления уголовной ответственности за это деяние является его совершение неоднократно. Однако еще в феврале 2017 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10.02.2017 № 2-П выявил в ее редакции и толковании правоприменителем нарушение многих конституционных норм и придал ей другой конституционно-правовой смысл. Статья 212¹ УК РФ признана «...не противоречащей Конституции, но в следующем конституционно-правовом смысле: «...привлечение лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей, возможно только в случае, если нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования *повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям*» (выделено авт. – В.П.). Тем самым Конституционный Суд РФ добавил в признаки конкретного состава преступле-

ния, закрепленного в ст. 212¹ УК РФ, указанные последствия или возможность их наступления. По нашему мнению, Конституционный Суд РФ, дополнив диспозицию ст. 212¹ УК последствиями или угрозой их наступления, напрямую применил конституционные нормы, показав преломление как общих, так и специальных конституционных норм, в которых закреплены в большей части содержательные критерии правомерного ограничения прав человека, в Уголовном кодексе РФ и правоприменительной деятельности в соответствии со своими полномочиями. Даже в этом случае в юридической литературе ставится вопрос о пределах нормоконтроля.

Но Президиуму Верховного Суда Российской Федерации в обзоре ни ст. 125, 126 Конституции РФ, ни Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» [37], ни правовые позиции Верховного Суда, в т.ч. выраженные в постановлении Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (с последующими изменениями) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [22], не предоставляют такие полномочия. Причем это сделано до изменений ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде» (ноябрь 2020 г.). Поэтому в плане дальнейшего выявления форм прямого применения Конституции РФ судом небезынтересен вопрос о наличии полномочия у Президиума Верховного Суда РФ в обзорах напрямую применять конституционные нормы или решения Конституционного Суда РФ.

Поставленные вопросы актуализируются и в связи с тем, что в последние 7 лет произошли существенные неоднократные изменения в их нормативно-правовом регулировании, направленные на недопущение подобных ситуаций: в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» [38], а два года назад и в Конституцию РФ [39]. Конечно, они требуют осмысления, оценки, в т.ч. с позиций исполнения решений Конституционного Суда РФ на основании измененных ст. 79, 80, 100 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»; определения возможности их применения при рассмотрении уголовных дел.

Верховенство и прямое действие Конституции юрисдикционно гарантируют, что Конституционный Суд РФ в рамках абстрактного нормоконтроля разрешает по запросам уполномоченных органов публичной власти дела. Поэтому поправки в Конституцию РФ [39] об усилении роли Конституционного Суда РФ, в т.ч.: а) указание в Основном Законе на то, что «акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данным Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании» (изменена редакция ч. 6 ст. 125 Конституции РФ); б) внесение положения о проведении Конституционным Судом

РФ экспертизы законопроектов, принятых Федеральным Собранием РФ, до их подписания Главой государства на соответствие Конституции РФ (конституционная экспертиза законопроектов – п. 5.1 ст. 125 Конституции РФ), показали обнадеживающими. Однако в прошедшие полтора года не обнаруживаются положительных изменений в отношении экспертизы норм уголовного права. Возможно и потому, что в отношении федеральных законов, в т.ч. УК РФ, его изменений предусмотрена факультативная модель предварительного конституционного контроля [40]. Такое закрепление (необязательное проведение экспертизы) конституционно-правовой экспертизы федеральных законов может повторить сложившуюся до внесения изменений в Конституцию РФ практику о проверке проектов изменений в УК, проанализированную О.С. Гузеевой. «Изучение заключений профильных комитетов и Правового управления Аппарата Совета Федерации (было исследовано 80 документов) показывает, что они редко показывают углубленный анализ вопроса о соответствии текста, принятого Государственной Думой, уголовного закона положениям Конституции. В то же время положение о соответствии Конституции, в том числе положениям о правах и свободах человека и гражданина... содержатся даже в заключениях на законы, которые в дальнейшем были признаны Конституционным судом противоречащими конституционным нормам (ст. 212¹ УК, 159⁴ УК и др.)» [21, с. 30-31].

Развитие, конкретизация первой обозначенной поправки в Конституцию РФ в рассматриваемом нами аспекте (правовая природа и исполнение итоговых решений Конституционного Суда) нашли отражение в изменениях ст. 79 «Юридическая сила» и ст. 80 «Обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Конституционного Суда Российской Федерации». Кроме того, в п. 1-3 ч. 1 ст. 80 ФКЗ о КС установлено право органов и лиц, наделенных законодательной инициативой, вносить изменения в законы, в которых содержатся такие же положения, что и в норме, при-

знанной неконституционной или соответствующей Конституции РФ в данном конституционно-правовом истолковании, когда требуется принятие нового регулирования. Положение ожидаемо, ибо, как нами отмечено, ст. 207¹ УК РФ содержит те же не соответствующие Конституции положения, что и в ст. 212¹, названные КС РФ еще в 2017 г. Основания признания ст. 116¹ УК не соответствующей Конституции РФ содержатся и в ст. 158¹ УК РФ. Однако необходима разработка действенного механизма претворения этого положения в жизнь, особенно применительно к нормам УК РФ. Если даже применительно к конкретной норме некоторые решения Конституционного Суда не исполняются годами, то в данном случае сначала необходимо найти и проанализировать решения, посвященные не только статьям УК РФ, но и административного, гражданского и другим отраслям права, ибо большинство норм уголовного права бланкетные. В связи с этим специалист должен в совершенстве знать конституционные нормы, нормы уголовного права, чтобы определить и выявить, в какой из них содержится не соответствующее решениям Конституционного Суда положение. Мониторинг правоприменения, существующие экспертизы законов и их проектов вряд ли с этой задачей справятся. «Ведь и ранее Конституционный Суд неоднократно указывал на необходимость постоянного мониторинга решений Конституционного Суда в части анализа и своевременного исключения из системы законодательства нормативных положений, которые аналогичны признанным неконституционными» [15, 16, 17].

Изложенное еще раз доказывает необходимость дальнейшего исследования вопроса о прямом применении судами Конституции РФ, в т.ч. решений Конституционного Суда по не обжалованным в Конституционный Суд составам преступлений с позиций изменений ст. 80 ФКЗ о Конституционном Суде и запрета аналогии в уголовном праве; правовой природы таких обзоров.

Названные пути решения, дальнейших исследований выделенных проблем применения конституционных норм в уголовной сфере способствуют конституализации уголовного закона и его применения.

Список источников

1. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: монография. М., 2012. 240 с.
2. По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

4. По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 УК РФ в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

5. По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

6. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

7. По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

8. По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2018 г. № 36-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

9. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 33-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

10. По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

11. По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212-1 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 7-О. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

12. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Череды: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 23-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

13. По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

14. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

15. Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2018 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации). Информационно-аналитический отчет. 2018. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2018.aspx>.

16. Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2019 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации).

ской Федерации). Информационно-аналитический отчет. 2019. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2019.pdf.

17. Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2020 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации). Информационно-аналитический отчет. 2020. URL: http://ksrf.ru/Info/Documents/Report_2020.

18. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.

19. Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.

20. Маркунцов С.А. Базовые положения теории уголовно-правовых запретов. М.: Юриспруденция, 2013. 252 с.

21. Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 272 с.

22. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, 2018. 549 с.

24. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М.: Российская академия правосудия, 2009. 288 с.

25. Плохова В.И. Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 83-92.

26. Плохова В.И. Содержательные условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере (общие вопросы) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 10 (1). С. 105-116.

27. Плохова В.И. Вынужденная неопределенность норм уголовного права и (или) некорректное закрепление, толкование их признаков (на примере ст. 138.1 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 207-215.

28. Плохова В.И. Детализация критериев правомерного ограничения прав человека в уголовной сфере // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 239-243.

29. Plokhova V.I. (2022). Analyzing formal criteria of legitimate restrictions of human rights in the criminal sphere in Russia and the Republic of Kazakhstan. In S.G. Maximova, R.I. Raikin, A.A. Chibilev, & M.M. Silantyeva (Eds.), *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research (Vol.1)*. Cham, Switzerland: Springer.

30. Богомолов А.Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2011. 23 с.

31. Умнова И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М.: РГУП, 2016. 184 с. URL: http://op.raj.ru/pdf/umnova_aleshkova_2016_cut.pdf.

32. Червонюк В.И., Калининский И.В. Прямое действие Конституции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 95-100.

33. Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий // Правоприменение. 2018. № 2 (1). С. 31-39.

34. Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт. Ру) за 2020-2021 гг. URL: <https://sudact.ru/>.

35. Червонюк В.И. Прямое действие Конституции и применение Конституции судами // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 59-66.

36. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/.

37. О Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019 с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

38. О Конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

40. Клишас А.А. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 5 (83). С. 9-22.

41. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Информация об авторе

В.И. Плохова – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V.I. Plokhova – Doctor of Law, Professor.

Научная статья
УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА, СОВЕРШАЕМОГО РАБОТНИКАМИ ОБРАЗОВАНИЯ

Екатерина Закариевна Сидорова

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, ketrik6@mail.ru

Аннотация. Автор обращается к уголовно-правовой характеристике коммерческого подкупа, совершаемого работниками образования, отмечает, что это один из видов коррупционных преступлений, которые в настоящее время относятся к категории наиболее распространенных и часто совершаемых. В статье анализируются объективные и субъективные признаки данного состава преступления и приводятся примеры актуальной судебной практики по озвученной тематике.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, безопасность образования, уголовно-правовая характеристика, коррупция, предупреждение преступности, профилактика криминального поведения

Для цитирования: Сидорова Е.З. Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа, совершаемого работниками образования // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 80-84.

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF COMMERCIAL BRIBERY COMMITTED BY EDUCATION WORKERS

Ekaterina Z. Sidorova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ketrik6@mail.ru

Abstract. The author refers to the criminal-legal characteristics of commercial bribery committed by education workers, notes that this is one of the types of corruption crimes that currently belong to the category of the most common and frequently committed. The article analyzes the objective and subjective signs of this corpus delicti and provides examples of current judicial practice on the topic voiced.

Keywords: commercial bribery, education security, criminal law characteristics, corruption, crime prevention, prevention of criminal behavior

For citation: Sidorova E.Z. Criminal and legal characteristics of commercial bribery committed by education workers. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:80-84. (In Russ.).

© Сидорова Е.З., 2022

К сожалению, для современной системы образования, как и для многих иных сфер общественной жизни, характерно присутствие коррупционной составляющей. Зачастую коррупционные преступления совершают должностные лица, обладающие, как известно, специфическими признаками. Однако работники сферы образования не всегда обладают признаками должностного лица, в связи с чем не могут с правовой точки зрения совершать должностные преступления, которые чаще всего относятся к категории коррупционных. Если обратиться к указанию Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25 декабря 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», а именно к перечню № 23, содержащему наименование конкретных видов преступлений коррупционной направленности, можно заключить, что к коррупционным преступлениям следует относить не только некоторые должностные, но и иные преступления, направленные на извлечение прибыли из своего служебного положения и связанные с получением виновным лицом имущественных прав и выгод для себя или третьих лиц [1].

Общественная опасность коррупционных преступлений, совершаемых работниками сферы образования, кроется в том, что данные работники (в особенности те, которые выполняют педагогические функции) в силу специфики своей профессиональной деятельности обязаны подавать пример своим поведением, поскольку ученики и воспитанники часто неосознанно ориентируются на своих учителей. Педагог – это лицо, которое должно быть образцом нравственности, порядочности и законопослушности. Но, к сожалению, в настоящее время все чаще можно услышать о тех или иных коррупционных преступлениях, совершаемых работниками образования.

Например, гражданка Левина, работавшая преподавателем в одном из вузов г. Уфы, фактически поставила на поток незаконное получение вознаграждения от студентов за свою деятельность: органами следствия было доказано двенадцать эпизодов получения взятки. В результате Левина понесла наказание по ч. 1 ст. 290 УК РФ (получение взятки) за каждое совершенное преступление [2]. Несмотря на то что преступная деятельность гражданки Левиной негативным образом отразилась как на качестве получаемого студентами образования, так и на деловой репутации вуза, в котором выполняла свои педагогические функции осужденная, данное событие не нашло должного освещения в средствах массовой информации. Однако отсутствие общественного резонанса вокруг произошедшего несколько не умаляет значимости тех превентивных мер, которые должны быть

реализованы в целях эффективной борьбы с коррупционными преступлениями в образовательной среде. О распространенности в сфере образования уголовно наказуемых деяний именно коррупционной направленности свидетельствуют и другие примеры судебной практики. В 2020 году за ряд доказанных случаев получения взятки был осужден гражданин Коломиец, доцент одного из вузов г. Новочеркаска, регулярно получавший деньги от студентов за выставление положительных оценок в зачетных и экзаменационных ведомостях без фактической сдачи зачетов и экзамена [3]. За подобную коррупционную деятельность в 2019 г. был осужден гражданин Тер-Терян, доцент технического университета г. Твери, совершивший ряд коррупционных преступлений, в т.ч. получение взятки через посредника за положительное принятие у одного из студентов зачета без фактического его приема и оценки качества знаний учебной дисциплины [4].

Подобные примеры проявления коррупции в сфере образования не единичны. Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, насколько распространена коррупция в образовательной среде.

Педагог – это лицо, которое должно не только передавать знания своим подопечным, но и воспитывать их. Из этого следует, что работники образования должны обеспечивать соблюдение правопорядка и законности в обществе, однако некоторые из них сами преступают закон и используют оказываемое государством доверие во благо себе, а не социуму.

Вместе с тем следует понимать, что коррупционные преступления в сфере образования могут быть совершены не только педагогическими, но и административными работниками. Речь идет о заведующих дошкольных образовательных организаций, директорах школ, техникумов и училищ, руководителей высших образовательных организаций, заместителей указанных лиц, должностных лицах государственных и муниципальных органов управления в сфере образования и др. Следует еще раз обратить внимание на то, что, несомненно, не все работники сферы образования совершают преступления, в т.ч. коррупционные. Однако, к сожалению, жизненные реалии таковы, что иногда подобные уголовно наказуемые деяния совершаются именно данной категорией лиц.

Сотрудниками органов внутренних дел ведется официальная статистика коррупционных преступлений в сфере образования. К данной категории уголовно наказуемых деяний относится достаточно большое количество составов преступлений: мошенничество, присвоение или растрата, легализация (отмывание) денежных средств, коммерческий подкуп, получение взятки и многое другое.

В настоящей статье рассмотрим уголовно-правовые признаки такого коррупционного пре-

ступления, совершаемого работниками образования, как коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) [5]. Официальная статистика свидетельствует о том,

что в настоящее время в образовательной среде нередко совершается коммерческий подкуп (таблица 1) [6].

Таблица 1

Количественные показатели коммерческого подкупа в структуре коррупционных преступлений в сфере образования за период 2013-2020 гг.

	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Общее количество зарегистрированных коррупционных преступлений в сфере образования	5861	4667	3240	3474	3217
Темп прироста, %	-	-20,4	-30,6	+7,2	-7,4
Из них:					
Коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ)	471	282	298	155	206
Удельный вес в общем числе, %	8,0	6,0	9,2	4,5	6,4
Темп прироста, %	-	-40,1	+5,6	-48,0	+32,9

Как показывает статистика, за последние 5 лет количественные показатели коммерческого подкупа в сфере образования снизились в 2 раза. Однако следует понимать, что коррупционные преступления, в т.ч. раскрываемый нами состав преступления, характеризуются высоким уровнем латентности. О том, что большое количество преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере образования, скрывается в нашем обществе и не регистрируется (как по объективным, так и субъективным причинам), говорят современные исследователи [7, с. 28; 8, с. 54]. И это, несомненно, является большой проблемой, поскольку данные официальной статистики опираются только на показатели выявленных и зарегистрированных преступлений, а коррупция, к сожалению, характеризуется тем, что обе стороны, задействованные в коррупционном преступлении, заинтересованы в том, чтобы сохранить совершенное деяние в тайне. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что коммерческий подкуп совершается не только подкупополучателем, но и подкуподателем [9, с. 98], в роли которого нередко выступают обучающиеся.

Например, Курова Е.А., являющаяся студенткой одного из частных московских вузов, намереваясь пройти государственную итоговую аттестацию без реальной проверки знаний, предприняла попытку передать денежные средства в качестве коммерческого подкупа методисту Н. в размере 30 000 рублей. Вместе с тем в действительности методист Н. ввела в заблуждение Курову Е.А., говоря о том, что сможет организовать прохождение государственной итоговой аттестации без фактического участия в ней, поскольку методист Н. не обладала соответствующими организационно-распорядительными полномочиями.

В этой связи Курова Е.А. не смогла довести до конца свой преступный умысел на дачу коммерческого подкупа за заведомо незаконные действия по независимым от нее обстоятельствам, поскольку она не была осведомлена об истинных намерениях Н., не обладающей в действительности организационно-распорядительными полномочиями, поскольку решение в отношении каждого из студентов университета принималось государственной итоговой аттестацией комиссионно [10].

Несомненно, работник образования сам может выступить в роли подкуподателя (например, в случае, когда работник образования имеет ребенка и хочет помочь ему решить вопрос о сдаче экзамена), и такие случаи присутствуют в судебной практике. Однако в настоящей работе обратим внимание именно на тот состав коммерческого подкупа, где работник образования (а чаще всего это педагог) выступает в роли подкупополучателя (ч. 5 ст. 204 УК РФ).

Например, в Казани за коммерческий подкуп был задержан доцент кафедры одного из коммерческих вузов города. Из обстоятельств произошедшего следует, что 15 января в здании вуза педагогический работник получил от студента 5 тысяч рублей за зачет по математике. После того как молодой человек вышел из аудитории, туда сразу вошли сотрудники полиции. Меченые деньги (5 купюр достоинством в 1000 рублей каждая) были изъяты в присутствии понятых из стола недобросовестного педагога. По факту произошедшего возбуждено уголовное дело по соответствующей части статьи 204 УК РФ [11].

Преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 204 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести. При этом за его совершение законодатель предусмотрел альтернативные виды наказаний.

Раскроем элементы данного состава преступления.

1. Объект коммерческого подкупа.

Родовым объектом выступают экономические отношения между различными задействованными субъектами, что определяется названием раздела VIII УК РФ («Преступления в сфере экономики»), частью которого является ст. 204 уголовного закона. Видовым объектом выступают интересы службы в коммерческих и иных организациях. Непосредственным объектом освещаемого состава преступления выступают экономические и служебные интересы коммерческих и иных организаций. В нашем случае речь, как правило, идет об интересах негосударственных образовательных организаций (частных детских садах, школах, вузах и т.д.).

Важно обратить внимание на предмет данного преступления. Речь идет:

- о деньгах (наличных и безналичных, национальной и зарубежной валюте);
- ценных бумагах;
- ином имуществе;
- услугах имущественного характера;
- иных имущественных правах.

И если относительно наличных денежных средств вопросов, как правило, не возникает, то безналичные денежные средства часто вызывают дискуссии. Легального определения понятия «безналичные деньги» в настоящее время нет. Согласно одному из научных определений под безналичными денежными средствами можно понимать «денежные средства на банковских счетах, используемые для оплаты, взаимных расчетов посредством перечислений с одного счета на другой» [12, с. 22].

Кроме того, как мы уже отметили, предметом коммерческого подкупа могут выступать не только деньги, в т.ч. иностранные, но и валютные ценности, внешние и внутренние ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта, а также другие финансовые инструменты [13].

2. Объективная сторона коммерческого подкупа.

Раскрываемый нами состав преступления является формальным. Преступление окончено в момент выполнения общественно опасного деяния, которое заключается в следующих альтернативных действиях:

- 1) незаконное получение субъектом преступления денег, ценных бумаг, иного имущества;
- 2) незаконное пользование субъектом преступления услугами имущественного характера;
- 3) незаконное пользование субъектом преступления иными имущественными правами.

3. Субъект коммерческого подкупа.

Субъект рассматриваемого нами состава преступления специальный. Основываясь на примечании 1

к ст. 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями»), можно говорить о двух основных характеристиках субъекта коммерческого подкупа:

1) характеристика самого лица:

- либо лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа;

- либо лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в определенных организациях;

2) характеристика места работы указанного выше лица:

- либо коммерческая или иная организация, за исключением организаций, указанных в примечании к статье 285 УК РФ;

- либо некоммерческая организация, не являющаяся государственным органом, органом местного самоуправления либо государственным или муниципальным учреждением.

В нашем случае речь идет, как правило, о работниках частных (негосударственных) образовательных организаций. При этом данные работники, как мы уже указали, должны постоянно, временно либо по специальному полномочию выполнять организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции.

Пленум Верховного Суда России (постановление № 19) дает разъяснение, что следует понимать под организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями [14].

4. Субъективная сторона коммерческого подкупа.

Данное преступление совершается только с прямым умыслом, на что неоднократно обращали внимание правоведы [15].

В завершение настоящей статьи отметим, что в процессе проведения данного исследования мы постарались раскрыть объективные и субъективные признаки такого коррупционного преступления, совершаемого работниками образования, как коммерческий подкуп.

Подчеркнем, что к анализу уголовно-правовых признаков данного состава преступления обращались многие специалисты в области юриспруденции. При этом немалое количество дискуссионных моментов, касающихся вопросов квалификации преступлений по ст. 204 УК РФ, до сих пор не решено. И цель настоящего исследования заключалась не в том, чтобы разрешить их или предложить одно из возможных решений того или иного вопроса квалификации деяний по названному составу преступления, а в том, чтобы обратить внимание на существование коммерческого подкупа в такой области общественных отношений, как сфера образования. Хотелось бы еще раз обра-

таться к анализу тех уголовно-правовых признаков, которые непосредственно характеризуют данный состав преступления, что, по нашему мнению, позволит актуализировать поднятую проблематику.

Мы убеждены, что правопослушное поведение является залогом спокойного будущего и основой стабильного развития общественных отношений, в т.ч. в такой важнейшей социальной сфере, как сфера образования. И в этой связи нам представляется

целесообразным согласиться с мнением ученых, считающих, что очень важно в настоящее время заниматься проведением научных исследований, посвященных вопросам профилактики противоправного поведения участников образовательных отношений. Думается, что полученные в процессе таких исследований выводы расширят и дополнят систему знаний о мерах профилактики преступности в образовательной среде.

Список источников

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 44У-37/2015 4У-4664/2014 от 25 февраля 2015 г. по делу № 44У-37/2015 от 27 июня 2014 г. Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EIaTpDhvyDxj/> (дата обращения: 24.12.2021).
3. Приговор Новочеркасского городского суда (Ростовская область) по делу № 1-229/2020 от 14 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0E4aaHZ5bA11/> (дата обращения: 28.02.2022).
4. Решение Пролетарского районного суда г. Твери по делу № 2-626/2020 от 28 мая 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cuLja6lXYZdC/> (дата обращения: 28.02.2022).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2019 г. № 354-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 24.12.2021).
7. Поздняков В.М. Коррупционные преступления в сфере образования: нравственно-психологический и правовой аспекты // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 25-32.
8. Тронева В.Н. Коррупция в сфере образования: мифы и реальность // О состоянии и мерах по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в органах государственной власти и управления: мат-лы научно-практ. конф-ции / под общ. ред. И.И. Сыдорука. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 50-62.
9. Казанцев Д.А. Личность работника коммерческой или иной организации и его связь с другими участниками преступной схемы по делам о коммерческом подкупе // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 98-100.
10. Постановление Центрального районного суда г. Твери (Тверская область) от 22 июля 2019 г. по делу № 1-110/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C4FIvL5dC3Ug/> (дата обращения: 21.12.2021).
11. За коммерческий подкуп в Казани задержан доцент. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/zakommercheskiy-podkup-v-kazani-zaderzhan-dotsent/> (дата обращения: 03.02.2022).
12. Семенов С.К. Деньги: безналичные расчеты в экономике // Финансы и кредит. 2007. № 27 (267). С. 22-26.
13. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г. № 353-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
14. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. № 207.
15. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т.; т. 2: Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. 371 с.

Информация об авторе

Е.З. Сидорова – кандидат юридических наук.

Information about the author

E.Z. Sidorova – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.851.5

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Николай Сергеевич Сорокун¹, Ольга Владимировна Ермакова²

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. Криминологическое изучение преступности в подростково-молодежной среде позволило авторам выявить тенденцию переоценки значимости правового регулирования общественных процессов. Отмечается снижение внимания к определению истинных детерминантов преступности. Подчеркивается, что новые риски и угрозы, оказывающие влияние на девиантное поведение несовершеннолетних и молодежи, следует рассматривать в центре предупредительной деятельности.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение, противодействие, подростково-молодежная среда, несовершеннолетний, насилие

Для цитирования: Сорокун Н.С., Ермакова О.В. Предупреждение насильственной преступности в подростково-молодежной среде // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 85-90.

Original article

PREVENTION OF VIOLENT CRIME IN THE ADOLESCENT AND YOUTH ENVIRONMENT

Nikolay S. Sorokun¹, Olga V. Ermakova²

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. Criminological study of crime in the adolescent and youth environment allowed the authors to identify the overestimation of the importance of legal regulation of social processes. There is a decrease in attention to identifying the true determinants of crime. It is emphasized that new risks and threats affecting the deviant behavior of minors and young people should be considered in the center of preventive activities.

Keywords: prevention, counteraction, adolescent and youth environment, minor, violence.

For citation: Sorokun N.S., Ermakova O.V. Prevention of violent crime in the adolescent and youth environment. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:85-90. (In Russ.).

© Сорокун Н.С., Ермакова О.В., 2022

На территории России на сегодняшний день ситуация сложилась таким образом, что насильственная преступность выделяется как явление общенационального значения. По сравнению с прошлыми годами борьба с насильственной преступностью из ограниченной задачи, возлагаемой только на правоохранительные органы, переросла в одну из главных проблем, беспокоящих общество столь же сильно, как, например, экономический кризис. Объясняется это тем, что насилие является наиболее опасной формой преступной деятельности, и, начиная с ней борьбу, необходимо обладать достаточным уровнем подготовки.

Важно осуществлять профилактическое воздействие именно таким образом, чтобы все полученные знания в области криминологии направить на предупреждение конкретных насильственных преступлений и снижение уровня преступности в целом.

Определяющее влияние на формирование и становление всего российского государственного правового базиса в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних оказали международные организации, в первую очередь это Организация Объединенных Наций (далее – ООН). Современная Россия продолжает придерживаться и руководствуется основными международными принципами в области политических вопросов, касающихся несовершеннолетних.

Основным документом международного уровня, закрепляющим права ребенка, является Конвенция о правах ребенка (одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) [1]. Российская Федерация реализовала в своем законодательстве все заложенные в Конвенции стандарты, принципы и нормы по защите прав и интересов детей. Так, в Основном Законе страны [2] в качестве конституционного принципа провозглашена обязанность государства осуществлять защиту материнства, детства и семьи (ст. 38 Конституции РФ).

Законодательную основу системы профилактики составляют следующие нормативно-правовые акты: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [3]; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]; Семейный кодекс Российской Федерации [5], регулирующий вопросы прав и обязанностей родителей; вопросы лишения (ограничения) родительских прав в случаях установленного негативного влияния на детей; прав детей на защиту и другие вопросы; Уголовный кодекс Российской Федерации, содержащий, в частности, нормы, касающиеся возраста привлечения к уголовной ответственности (ст. 20

УК РФ), а также особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. В соответствии с ч. 2 ст. 89 УК РФ несовершеннолетний возраст учитывается в качестве смягчающего вину обстоятельства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации отражает особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и другие вопросы.

Традиционно профилактика подразделяется на общую и индивидуальную, каждая из которых хоть и самостоятельна, но все равно выступает элементом единой системы и имеет определенные особенности.

Субъективное мнение о существовании системы профилактики и единой концепции в работе с преступностью несовершеннолетних в Советском Союзе говорит о том, что были задействованы все ее субъекты, а именно: семья (осуществлялась поддержка семьи и материнства, условий труда и быта советских граждан, в т.ч. и со стороны государства), школа (повышение общеобразовательного и профессионального уровня подрастающего поколения), общество (воспитание социалистической сознательности), правоохранительные органы (были созданы комиссии по делам несовершеннолетних), средства массовой информации (отсутствие транслируемого насилия), совокупность которых привела к отрыву молодежи от криминальной среды.

К исследованию сферы насильственной преступности подростков и молодежи следует подходить с учетом доктринальных основ. Известно, что состояние преступности в этой группе признается базисом прогностических оценок всей преступности, а просчеты в профилактике деяний несовершеннолетних создают основу для роста рецидивной, профессиональной и групповой преступности. По этой причине вопрос предупреждения антиобщественного поведения подрастающего поколения стоит на повестке дня самых высоких трибун и ряда научных площадок [6].

Следует признать, что сегодня разработано достаточно много нормативных правовых актов, создающих фундамент для профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи. Так, на обеспечение стабильного демографического развития страны направлены указы Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и др., а также утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации

«Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [7, 8, 9].

Нормативные акты, направленные на реализацию вопросов предупреждения девиантного поведения подрастающего поколения, дают возможность

предположить тот факт, что рассмотренные в них механизмы будут реализованы. Однако, проанализировав практику их применения, можно отметить, что не все так идеально.

В представленных ниже диаграммах отражен возраст и количество совершенных каждой подгруппой преступлений.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Сегодня особую опасность представляет проблема вовлечения в преступную деятельность несовершеннолетних и лиц раннего молодежного возраста посредством сети Интернет. В силу возрастных характеристик у подростков легко формируются и укореняются радикальные взгляды, убеждения, складывается интерес к криминальным и деструктивным движениям и реализации негативного протестного потенциала.

Полагаем, что существует необходимость усиления информационной политики, направленной на запрет различных стримингов, где молодые люди онлайн рассказывают о себе, а именно об аморальном образе жизни, пропагандируют насилие. Так, известный в сети Интернет блогер Стас Решетников в конце 2020 г. убил свою девушку в прямом эфире. При этом он не прекратил видеозапись даже в тот момент, когда к нему приехали сотрудники полиции. И таких каналов немало, более того, они находят-

ся в открытом доступе [10]. Практика показывает, что лица, особенно с неустойчивой психикой, могут претворить увиденное в жизнь. Так, в Сыктывкаре 15-летний школьник в сентябре 2018 г. в связи с запретом компьютерных игр со стороны матери покушался на ее убийство. В августе 2019 г. в Ульяновской области 16-летний юноша зарубил топором свою семью, а затем покончил с собой. Во всех указанных случаях несовершеннолетние не только не состояли на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, но прежде не были замечены в совершении противоправных действий. Поэтому считаем, что если государство действительно стремится создать надежную защиту от деструктивной информации, исходящей из глобальной сети, то и меры профилактики должны быть значительно более существенными, конкретными и широкомасштабными, с внедрением современных цифровых технологий.

Особенности личности несовершеннолетнего преступника и преступника из молодежной среды имеют общие черты, что необходимо учитывать при разработке общих и индивидуальных предупредительных мероприятий. Во-первых, эти категории населения включены в процесс становления личности, поскольку подростковый, ранний юношеский, юношеский возрасты являются начальной стадией взросления; во-вторых, имеют общие психологические и физиологические черты (яркое проявление – возрастная группа от 16 до 20 лет), несовершеннолетние стремятся подражать лицам старшего возраста.

Меры индивидуальной профилактики должны воздействовать как на саму личность несовершеннолетнего преступника, так и на его окружение. Такое воздействие основывается на выявлении молодых людей и несовершеннолетних, способных совершить насильственные преступления; закреплении основных мер и мероприятий, осуществление которых поможет достичь желаемого результата; выработке таких методов, способов организации и контроля, при помощи которых будет достигнут наибольший эффект индивидуального профилактического воздействия. Предупредительная деятельность должна носить всесторонний характер взаимодействия органов внутренних дел, государства, общества и иных организаций и учреждений в рамках комплексных операций, рейдов, целевых проверок и других мероприятий.

Деятельность субъектов, осуществляющих профилактику насилия в подростково-молодежной среде, должна осуществляться с учетом принципов гуманизма, научной обоснованности и законности. Субъекты профилактики насилия в подростково-молодежной среде – это государственные и негосударственные органы, которые осуществляют меры по профилактическому воздействию на подростков в целях недопущения различных форм насильственных действий.

Среди основных направлений профилактики насильственных преступлений следует отметить такие факторы насилия в подростково-молодежной среде, как:

1) индивидуальные факторы – к ним можно отнести различные родовые травмы, гиперактивность, импульсивность, отсутствие настойчивости, слабое умственное развитие и низкую успеваемость в школе;

2) факторы отношений – межличностные отношения в семье, среди сверстников имеют достаточно большое влияние на формирование склонностей к насилию, но при этом они всегда индивидуальны. В детском возрасте особое влияние оказывает семья. Соответственно, в подростковом возрасте особое влияние на становление личности приобретают друзья, кото-

рые и могут вовлекать молодого человека в совершенные преступления;

3) факторы на уровне общины – влияние места проживания на подрастающее поколение, их семьи, характер групп сверстников (районы распространения наркотиков, асоциальных элементов, а также социальная интеграция в районе или населенном пункте, где падающая социальная сплоченность приводит к повышению уровня межличностного недоверия и увеличению криминогенной обстановки);

4) факторы на уровне общества, т.е. в регионах, которые переживают экономический кризис и в которых наблюдается отток населения, происходит рост преступности, в т.ч. и молодежной, соответственно, такое положение приводит к неравенству доходов, а данное явление также способствует росту преступности. Нельзя оставить без внимания политическую структуру в регионах, да и в стране в целом. Одно из самых важных направлений власти – это социальная защита граждан. Если власти не заботятся о своем населении, то «заботу» проявляет криминальный мир.

При проведении мер индивидуально-профилактического воздействия необходимо в большей степени работать над снижением детерминирующего воспроизводства указанных факторов. При реализации индивидуального предупреждения насильственных преступных деяний стоит комплексно подходить к изучению негативных качеств личности несовершеннолетнего.

Поэтому считаем, что для осуществления эффективного профилактического воздействия, прежде всего, сегодня нужно создавать большее количество образовательного контента, минимизировать сцены насилия и агрессии.

Кроме того, многими практическими сотрудниками признается действенной такая мера предупредительной работы, как оперативная профилактика. Несовершеннолетнего нарушителя или склонного к совершению противоправных деяний контролируют с целью недопущения правонарушений не только инспектор по делам несовершеннолетних, в чьи полномочия непосредственно входит данная обязанность, но и сотрудники других подразделений МВД России, которые вносят своим участием в жизненные установки молодого поколения понятия об их небезразличии к правоохранительным органам и обществу в целом.

Для решения такой глобальной проблемы, как предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи, следует обратиться к опыту зарубежных государств и международных организаций, на сайтах которых размещены данные о прошедших апробации программах и проектах. Многие из них следует рассматривать в качестве эффективного инструмента предупреждения домашнего насилия, насилия в мо-

лодежной среде и образовательных организациях [11]. Соответствующие документы разрабатывает и поддерживает Всемирная организация здравоохранения. На сайте ВОЗ «The Violence Prevention Information System (Violence Info)» размещены сведения о проекте «Медельин: изменения в построенной среде». Он направлен на минимизацию причин и условий, способствующих насилию, посредством улучшения инфраструктуры города, жизни общин (участвовали: Медельин (Колумбия), Кейптаун (Южная Африка), Каракас (Венесуэла)). Проект под названием «Отвращение к насилию» (cure violence) вводился для предупреждения насильственных проявлений в подростковой среде (Ирак, Пуэрто-Рико, Южная Африка, Великобритания, США) [12].

Зарубежные исследования предупреждения насильственной преступности изучены американским криминологом Э. Магуайром. Ученый дифференцировал их на несколько блоков:

1. Стратегии сдерживания конкретных лиц, основанные на неотвратимости и скорости грозящего наказания.

2. Стратегии воздействия на «горячие точки» насилия, т.е. максимальной работы с наиболее криминально пораженными районами города.

3. Информационно-пропагандистские стратегии, направленные на взаимодействие полиции и местного населения, получение информации о лицах, склонных к насилию.

4. Связанные стратегии, являющиеся совокупностью предупредительных мер в борьбе с насилием. Полагаем, что, опираясь на лучший международный опыт, возможно сокращение числа противоправных деяний несовершеннолетних [13].

Учитывая изложенное, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

- В правовом государстве забота о подрастающем поколении признается одной из высших общечеловеческих ценностей, поэтому его защита должна быть соответствующей и начинаться с восприятия, уважения и возвышения этой ценности.

- Преступность несовершеннолетних и молодежи представляет собой явление, особенно чувствительное к негативным социально-экономическим, культурным, политическим и иным трансформациям

общества. Как следствие, основа успешного предупреждения преступлений несовершеннолетних и молодежи – это эффективная профилактика, направленная на преодоление всех форм несправедливости, неравенства, бедности, воспитание интереса к искусству, спортивным мероприятиям, формирование идеологии единого человеческого пространства с принципами миролюбия и взаимопомощи.

- Новые риски и угрозы, оказывающие влияние на преступность несовершеннолетних и молодежи, не должны восприниматься с опозданием. Работа компетентных органов и учреждений должна реализовываться на основе оценок объективной криминологической ситуации с внедрением передового международного опыта (стратегий, программ).

- Изучение деятельности полиции зарубежных государств свидетельствует о ее ориентированности на постоянное взаимодействие с общественностью, что позволяет проводить более эффективную профилактическую работу с несовершеннолетними и молодежью. Собственно, о названной большой задаче говорится в «Дорожной карте» по реформированию органов внутренних дел Российской Федерации [14]. Полагаем, что дальнейшая реализация указанных в документе положений создаст необходимый запас прочности отношений с гражданским обществом для благоприятной социализации подрастающего поколения.

С учетом важности исследуемой темы считаем, что проблема профилактики насилия в среде молодежи – это общая проблема, которая касается всех субъектов профилактики, а не только правоохранительных органов (а также комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов управления социальной защитой населения, органов опеки и попечительства и т.д.).

В настоящее время семья является главной ценностью в жизни человека, именно эта группа людей, связанных кровным родством, воспитывает подрастающее поколение, немаловажную роль играет в воспитании детей именно для того, чтобы привить им добрые нравы. Родителям нужно с раннего возраста следить за ребенком, правильно развивать его потенциал, чтобы направить его в нужное русло и развить в ребенке положительные качества, начиная с раннего детства.

Список источников

1. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019.

7. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 // Российская газета. 2012. 9 мая.

8. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 // Российская газета. 2017. 30 мая.

9. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

10. О чем сожалеть: стример высказался о смерти подруги. URL: <https://www.vesti.ru/article/2493539> (дата обращения: 02.09.2021).

11. ООН Хабитат. Программа ООН по населенным пунктам. URL: http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Booklet_SmartCities_Normal.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

12. Cerdá M., Morenoff J.D, Hansen B.B., Tessari Hicks K.J., Duque L.F., Restrepo A. Reducing violence by transforming neighborhoods: a natural experiment in Medellín, Colombia // American Journal of Epidemiology. 2012. № 175 (10). P. 1045–1053. URL: <https://www.researchgate.net/publication/223984661> (дата обращения: 07.09.2021).

13. Maguire E.R., King W.R. Transferring criminal investigation methods from developed to developing nations // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. 2013.

14. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. М., 2013. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/roadmap.doc (дата обращения: 01.02.2022).

Информация об авторах

Н.С. Сорокун – кандидат юридических наук;

О.В. Ермакова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N.S. Sorokun – Candidate of Science (Law);

O.V. Ermakova – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ И УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ В РОССИИ

Пётр Дмитриевич Фризен

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, frizenpd@mail.ru

Аннотация. В представленной статье исследуются вопросы, связанные с основными особенностями детерминирования современных грабежей и разбоев. В частности, рассматриваются доминирующие причины, условия и факторы, к которым автор относит финансовое неравенство, алкоголизацию и наркотизацию населения, низкую эффективность деятельности органов внутренних дел. В ходе изучения проблемы делается вывод о том, что только на основе комплексного подхода к анализу детерминантов грабежей и разбоев необходимо строить программу предупреждения данного вида преступности.

Ключевые слова: грабеж, разбой, детерминанты, несовершеннолетний, профилактика преступности, алкоголизация

Для цитирования: Фризен П.Д. К вопросу об основных причинах и условиях совершения грабежей и разбоев в России // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 91-95.

Original article

REVISITING THE MAIN CAUSES AND CONDITIONS OF COMMITTING ROBBERY AND PLUNDERING IN RUSSIA

Petr D. Frizen

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, frizenpd@mail.ru

Abstract. The presented article examines the issues related to the main features of the determination of modern robberies and robberies. In particular, the dominant causes, conditions and factors are considered, to which the author refers financial inequality, alcoholism and drug addiction of the population, low efficiency of the internal affairs bodies. In the course of studying the problem, it is concluded that only on the basis of an integrated approach to the analysis of the determinants of robberies and robberies, it is necessary to build a program for the prevention of this type of crime.

Keywords: robbery, assault, determinants, minor, crime prevention, alcoholism

For citation: Frizen P.D. Revisiting the main causes and conditions of committing robbery and plundering in Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;3:91-95. (in Russ.).

© Фризен П.Д., 2022

Обеспечение должного уровня правовой защиты в отношении интересов граждан, предприятий и общественных организаций выступает главной целью, декларируемой положениями Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [1]. В число ее приоритетных задач входят препятствие распространению и укреплению преступных сообществ, внедрение и применение эффективных профилактически-правовых методик, рост уровня общественного порядка, обеспечение равноправия в имущественных и жилищных спорах, борьба с незаконным оборотом и отмыванием денежных средств, а также общие меры, направленные на противодействие преступным элементам и призванные обеспечить социально-экономический рост в ближайшем периоде.

Однако, несмотря на методическое проведение мероприятий, ориентированных на уменьшение влияния криминогенных факторов и улучшение общей ситуации, статистические результаты в разрезе динамики раскрываемости установленных преступных деяний оставляют желать лучшего.

Несмотря на то что в современных отечественных реалиях прослеживается тренд на понижение общего уровня преступности в количественном выражении, правонарушения, совершаемые насильственным путем в корыстных целях, по-прежнему являются значительной проблемой для общества [2, с. 73-76]. Они отрицательно сказываются на разных аспектах общественной жизни, ухудшая материальное благосостояние отдельных граждан и затрагивая экономические правоотношения между ними и государством, отвечающим за обеспечение безопасности.

Грабежи и разбои относятся к категории преступлений с повышенной общественной опасностью, поскольку чаще всего их совершение влечет за собой ухудшение не только финансового, но и физического состояния потерпевших, вплоть до наступления смерти. Наиболее распространены уголовные дела, в рамках которых виновными в правонарушении являются сразу несколько лиц, объединившихся в преступную группу с целью совершения незаконного деяния. На регулярной основе используется огнестрельное и холодное оружие, а также бытовые предметы и спортивный инвентарь, применяемые не по назначению.

Повышенный общественный и законодательный акцент на грабежах и разбоях вызван тем, что данная категория преступлений не только оставляет весомый след на криминогенной ситуации, но и создает некоторый криминальный облик как населения, так и государства в целом, что накладывает свой отпечаток на экономическую и социальную сферы деятельности. Данная специфика находит свое отражение как в статистических показателях общего уровня

преступности, так и в характеристиках совершаемых преступных деяний, в т.ч. в наборе сопутствующих криминогенных факторов, обуславливающих криминологическую специфику таких понятий, как преступность, преступное деяние и т.д.

Осознание ограниченности возможностей, которыми располагают правоохранительные структуры, ответственные за деятельность по предупреждению и пресечению преступлений, квалифицируемых как грабеж или разбой, ведет к снижению уровня общественной уверенности в возможности получения необходимой правовой защиты от преступных элементов. Подтверждением этого является рост количества прецедентов, в рамках которых граждане осуществляют попытки решения подобных конфликтных ситуаций собственными силами, используя при этом силовые методы борьбы с преступниками [3, с. 10].

Для успешной борьбы с грабежами и разбоями необходимо изучить их основные причины, условия и факторы, способствующие их совершению на современном этапе. Только устранив их (или сведя к минимуму), получится достичь существенных успехов в предупреждении рассматриваемых видов посягательств. Итак, предлагаем изучить основные детерминанты грабежей и разбоев в России.

1. Общая тенденция роста потребности в материальных благах, характерная для современного общества, хоть и является вполне объективным признаком развития социума, неизбежно ведет к росту недовольства представителей его менее обеспеченных слоев. Социальное неравенство фактически является детерминантом увеличения числа преступлений рассматриваемой категории, поскольку люди, не имеющие достаточного количества средств для нормального существования, ищут возможности удовлетворить собственные потребности, пусть и противоправными способами [4, с. 55].

Данные факторы являются определяющими в плане деструктивного влияния на молодежь, которая видит в преступных действиях возможность быстро и легко зарабатывать, не занимаясь законными видами деятельности. Это еще раз говорит о том, что события экономического характера, происходящие в государстве, вполне способны породить собой некоторые социальные факторы, способные выступать детерминантами преступлений.

Исследования, проводимые в рамках криминологической научной доктрины, демонстрируют, что подавляющее большинство преступных деяний осуществляется гражданами, не обладающими стабильным источником заработка. При этом более половины прецедентов являются случаями рецидивных правонарушений, т.е. совершаются гражданами, уже привлекавшимися к уголовной ответственности прежде.

2. Третья часть грабежей и разбоев, совершенных в местах общего пользования, совершается под влиянием алкоголя или наркотиков [5, с. 153].

В связи с этим отдельного внимания заслуживает проблема увеличения числа зависимых от алкоголя или наркотиков граждан, обострившаяся в последние годы. Сложившаяся ситуация достаточно подробно освещается в научных исследованиях и СМИ. Большая часть фундаментальных работ, на которые ссылаются современные специалисты, была написана еще во второй половине XX в., при этом выводы, приведенные в них, остаются актуальными и сегодня. Так, к примеру, были приведены доказательства того, что одним из ключевых факторов, способствующих росту преступности, в т.ч. грабежей и разбоев, является систематическое употребление алкоголя.

Не секрет, что алкоголь ослабляет самоконтроль и не позволяет адекватно оценивать собственные действия, снимая моральные барьеры и упрощая отношение к совершаемым преступлениям. Данная проблема, несмотря на то, что для борьбы с ней уже не первое десятилетие разрабатываются и проводятся различные комплексные мероприятия, только укрепляется в современном обществе, приобретая глобальный характер [6, с. 57-60].

Алкоголизм является универсальной детерминантой многих видов преступности. Особенно это касается грабежей и разбоев, ведь состояние алкогольного опьянения сильно мотивирует к совершению незаконных поступков агрессивного характера, основной целью которых является немедленное воплощение корыстных целей, в т.ч. и ради дальнейшего приобретения алкогольных напитков [5, с. 172].

Анализ судебной и следственной практики наглядно демонстрирует, что систематическое потребление алкоголя увеличивает вероятность риска совершения преступных деяний, продиктованных как злым умыслом, так и неосторожностью. Спиртное также ведет к росту виктимности граждан, которые становятся менее внимательными и перестают соблюдать элементарные меры для обеспечения собственной безопасности. В целом красноречивым фактом, подтверждающим важность данной проблемы, является официальная статистика, согласно которой преступная активность граждан, зависимых от алкоголя, более чем в сто раз выше, чем у тех, кто не страдает от подобной зависимости.

Е.Г. Телегина в своей статье «Криминологический и виктимологический анализ преступлений против собственности в современной России» подчеркивает, что уровень распространения алкоголизма в отдельно взятом муниципальном образовании напрямую коррелирует с уровнем преступности и степенью тяжести совершаемых правонарушений [7, с. 246-251].

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью говорить о том, что проблема алкоголизма должна рассматриваться не как общее явление, характерное для общества, а как конкретный фактор, выступающий основополагающей причиной большинства преступных деяний, в т.ч. грабежей и разбоев. Пьянство, как и алкоголизм, является резко отрицательным с точки зрения нормального общественного функционирования явлением, которое укрепляет преступность и обеспечивает постоянный приток новых асоциальных элементов.

Отдельного внимания заслуживает проблема увеличения числа наркозависимых, обострившаяся в последние годы XX в. и сохраняющая свою актуальность по сей день. Рассматривая официальную статистику, можно сделать вывод о том, что категория преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, постоянно увеличивается. Этот факт, безусловно, напрямую связан с ростом количества наркоманов, который не только укрепляет позиции наркобизнеса, но и способствует общему росту преступности.

3. Особенно проблемным и актуальным вопросом является распространенность данной категории преступлений среди молодежи подросткового возраста. Из-за специфики данной категории субъектов преступления считаем необходимым рассмотреть отдельно детерминанты подростковых грабежей и разбоев.

Совокупность причин, лежащих в основе роста количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, обладает особой спецификой, возникающей ввиду влияния на данную социальную группу различных негативных факторов, характерных для современного общества.

В научной доктрине одной из доминирующих является точка зрения, согласно которой рост числа преступных деяний, совершаемых лицами младше восемнадцати лет, обуславливается экономическими кризисами последних десятилетий, ведущими к общему росту социального напряжения. Ухудшение материального благосостояния населения напрямую отражается на условиях воспитания и развития подрастающего поколения, поскольку данная социальная группа является одной из наиболее уязвимых. Очень часто подростки решаются на совершение преступлений в силу острого желания удовлетворить собственные материальные потребности.

Особую остроту набирают и внутрисемейные проблемы, будь то проживание за чертой бедности или порожденная этим фактом социальная и духовная деградация, наследуемая младшими поколениями.

Также нередко случается, что занятость родителей приводит к невозможности проводить с детьми достаточно времени, из-за чего несовершеннолетние

оказываются предоставлены сами себе, а внутрисемейные отношения накаляются до предела. В подобных семьях нередко процветает насилие в отношении детей, что подталкивает их на совершение преступлений.

Достаточно массовый характер приобрело явление, когда семьи не в состоянии поддерживать уровень детей не то чтобы на хорошем, а хотя бы на нормальном уровне. При этом постоянный рост цен часто приводит к состоянию прохождения точки невозврата, когда семья теряет возможность улучшить материальное положение и в ней наблюдается устойчивый регресс в материальном плане.

Несомненно, очевидным фактором, влияющим на рост подростковой преступности, являются и многочисленные недостатки в работе органов внутренних дел. Нередки ситуации, при которых реакция органов внутренних дел не имеет превентивного характера, а несовершеннолетний попадает в поле зрения ОВД только после совершения нескольких преступлений [8, с. 23].

Проведя тщательный анализ подростковой преступности, мы пришли к очевидному заключению о том, что основным детерминирующим фактором подростковой преступности являются недостатки их социализации.

4. Существенные недостатки в деятельности органов внутренних дел по профилактике грабежей и разбоев. Здесь можно выделить несколько детерминируемых направлений:

- очевидные недостатки материально-технической базы ОВД, не позволяющие на постоянной основе и в полной мере заниматься профилактической работой по исключению основных криминогенных факторов грабежей и разбоев;

- чрезмерное количество обязанностей сотрудников полиции, зачастую связанное с недостатками в подготовке рядового личного состава и необходимостью осуществлять непрофильную работу, не связанную с предупреждением, предотвращением и противодействием преступности;

- неравномерное распределение штатных единиц ОВД по обслуживаемой территории, сопряженное с недостаточным кадровым резервом. Как следствие, сотрудники полиции игнорируют мелкие противоправные посяательства, которые часто ведут к более серьезным преступлениям;

- недостаточный уровень использования камер видеонаблюдения, низкое качество записей имеющегося оборудования.

Безусловно, важнейшей причиной низкого уровня правоохранительной деятельности являются в том числе и недостатки в подготовке личного состава ОВД, которые в первую очередь проявляются в слабом знании сотрудниками норм административного и уголовного законодательства.

Таким образом, государственная деятельность, направленная на предупреждение грабежей и разбоев, в первую очередь должна находить отражение в создании адекватных условий и широкого спектра возможностей материального обеспечения граждан. Целью государства должно являться формирование общественного неприятия противоправных действий, направленных на личностное материальное обогащение. Каждый человек должен иметь возможность реализовать себя в трудовой деятельности, получая за это достойную компенсацию, достаточную для удовлетворения не только базовых, но и личных потребностей, а также потребностей зависящих от него родственников и членов семьи, находящихся на его обеспечении.

Кроме того, государство должно обратить внимание на проблему алкоголизации и наркотизации населения страны, на проблему воспитания и досуга несовершеннолетних, а также обеспечить эффективную деятельность органов полиции по предупреждению рассматриваемых преступлений, устранив организационные проблемы в их деятельности. Только комплексный и научно проработанный подход к устранению (минимизации) детерминантов грабежей и разбоев позволит выработать эффективный путь по их предупреждению.

Список источников

1. Концепция общественной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>.
2. Ботвин И.В. Учет принципов уголовного права при оценке преступного деяния // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 73-76.
3. Особенности первоначальной квалификации и профилактики преступлений, рассматриваемых участковыми уполномоченными полиции: монография / И.В. Ботвин, О.В. Ермакова, Р.А. Семенюк, О.Н. Штаб и др. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 156 с.
4. Преступление и состав преступления как основополагающие категории уголовного права: учебное пособие / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, О.Н. Штаб и др. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 70 с.
5. Криминология: Общая и Особенная части: курс лекций / Р.М. Абызов, К.Р. Абызов, И.В. Ботвин и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста Российской Федерации Р.М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. 262 с.

6. Семенюк Р.А. Преступления, совершаемые в состоянии опьянения: постановка проблемы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двенадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. С. 57-60.

7. Телегина Е.Г. Криминологический и виктимологический анализ преступлений против собственности в современной России // Лучшая студенческая статья 2017: сборник статей XII Международного научно-практ. конкурса. Пенза, 2017. С. 246-251.

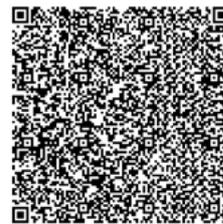
8. Репьева А.М., Ботвин И.В., Ермакова О.В. Формирование института принудительных мер воспитательного воздействия: закон, теория, практика: монография. Барнаул, 2019. 107 с.

Информация об авторе

П.Д. Фризен – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

P.D. Frizen – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК:343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Евгений Сергеевич Щербинин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, sherbinin_evgen@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам толкования признаков объективной стороны и определения момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. Отдельные коллизии в современном уголовно-процессуальном законодательстве и недостаточная четкость формулирования в уголовном законе признаков основного состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности приводят к различиям в интерпретации характеристики его объективной стороны в науке уголовного права и правоприменительной практике. Вследствие этого вопрос о моменте окончания преступления также не имеет однозначного решения. Автором предложено изменить диспозицию части 1 анализируемой статьи посредством указания на процессуальный статус привлекаемого к уголовной ответственности заведомо невиновного лица и на действие субъекта преступления.

Ключевые слова: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, привлечение в качестве обвиняемого, момент окончания преступления, обвиняемый

Для цитирования: Щербинин Е.С. Проблемы толкования некоторых признаков состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 96-101.

Original article

PROBLEMS OF INTERPRETING SOME SIGNS OF THE COMPOSITION OF KNOWINGLY BRINGING AN INNOCENT PERSON TO CRIMINAL LIABILITY

Evgeny S. Shcherbinin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, sherbinin_evgen@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of interpreting the signs of the objective side and determining the moment of the end of the crime under Part 1 of Art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation. Separate collisions in modern criminal procedural legislation and the lack of clarity in the formulation in the criminal law of the signs of the main composition of bringing a knowingly innocent person to criminal responsibility lead to differences in the interpretation of the characteristics of its objective side in the science of criminal law and law enforcement practice. As a result, the question of the moment of the end of the crime also does not have an unambiguous solution. The author proposes to change the disposition of part 1 of the analyzed article by indicating the procedural status of a knowingly innocent person brought to criminal responsibility and the action of the subject of the crime.

Keywords: bringing a knowingly innocent person to criminal liability, bringing him as an accused, the moment of the end of the crime, the accused

For citation: Shcherbinin E.S. Problems of interpreting some signs of the composition of knowingly bringing an innocent person to criminal liability. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:96-101. (In Russ.).

© Щербинин Е.С., 2022

Уголовно-правовая норма о привлечении заведомо невиновного лица к уголовной ответственности уходит своими корнями глубоко в историю, начиная со свода законов Московской Руси – Судебника 1497 г. В процессе становления уголовного законодательства данная норма претерпевает множество изменений, но многие ученые, анализируя исторические данные, отмечают, что, несмотря на развитие норм, по-прежнему остается сложность в их применении. Так, специалисты обращают внимание на то, что «розыскной процесс характеризовался противопоставлением судьи-следователя лицу, подозреваемому или обвиняемому. Следователь обладал практически неограниченным правом, им определялось начало и окончание следствия, а также полнота собранных доказательств. Обвиняемый осуществлял свои права только в рамках, предоставленных следователем. Что касается деятельности прокуратуры, то ее функции по контролю и проверке выполнялись формально» [1, с. 51]. Иначе говоря, не существовало определенных правил, принципов применения норм, что свидетельствует о несовершенстве законодательных формулировок и об отсутствии разъяснений к ним. Данная тенденция прослеживается и в другие исторические периоды, что говорит о необходимости четкого нормативного закрепления основных понятий и положений, трактовка которых исключает двусмысленное понимание.

Современная уголовно-правовая норма об ответственности за привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности содержится в ст. 299 УК РФ. Наиболее спорной является ее ч. 1, которая включает в себя основополагающие определения и термины преступного деяния.

Диспозиция ч. 1 ст. 299 УК РФ берет свое начало из УК РСФСР 1960 г. Данный кодекс после осознания советским обществом важности четко регулируемых общественных отношений в сфере защиты правосудия в результате сложных и непростых лет государственного режима, репрессий, арестов невиновных включил в себя главу 8 «Преступления против правосудия», содержащую ст. 176 «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности лицом, производящим дознание, следователем или прокурором». Главным отличием этой нормы от современной было наличие указания на субъект преступления, но параллельное развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства вынудило отойти от данного уточнения и использовать простую назывную диспозицию в ст. 299 УК РФ, что также приводит к ряду вопросов, споров и непониманий.

Обратимся к диспозиции ч. 1 ст. 299 УК РФ. Она является простой и включает в себя наименование преступного деяния без раскрытия каких-либо признаков, а также без ссылок на иные нормы права. Как

в научной литературе, так и в правоприменительной деятельности возникает множество споров по поводу определения и интерпретации признаков состава данного преступления. В частности, остается нерешенным вопрос о характеристике объективной стороны и моменте окончания преступного деяния. Одной из причин данных разногласий является отсутствие законодательного определения используемых в диспозиции понятий, вследствие чего их понимание носит субъективный характер.

Наличие в содеянном признаков состава преступления определяет, является ли то или иное деяние преступным. Объективная сторона состава преступления является внешним обликом общественно опасного преступного посягательства, поэтому ей уделяется особое внимание как в теории, так и на практике. «Это объясняется тем, что именно объективная сторона в совокупности признаков, ее составляющих, является объектом внешнего созерцания, доступна анализу и оценке» [2, с. 109].

Использование законодателем в диспозиции ст. 299 УК РФ понятия «уголовная ответственность» порождает ряд вопросов как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике. Это обусловлено тем, что законодательного определения указанного понятия не существует, вследствие чего невозможно установить и границы понятия «привлечение к уголовной ответственности», которое играет важную роль в определении объективной стороны. Ученые, рассматривая вопросы содержания объективной стороны, приходят к разногласиям во мнениях, в частности, о том, что такое привлечение к уголовной ответственности, каков процессуальный статус привлеченного к данной ответственности, а самое главное, с какого момента преступление необходимо считать оконченным.

Для начала считаем необходимым определить, на какой стадии уголовного судопроизводства возможно совершение указанного преступления: досудебной или судебной? Учитывая презумпцию невиновности, логично будет предположить, что указанное преступление относится к моменту вынесения обвинительного приговора по уголовному делу. Однако наличие отдельной нормы УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), где в качестве специального субъекта выступает судья, говорит о том, что в ст. 299 УК РФ подразумевается иной субъект преступления. Кроме того, в УПК РФ имеется одно из немногих упоминаний формулировки «привлечение к уголовной ответственности», созвучной со ст. 299 УК РФ. А именно в п. 2 ч. 1 ст. 154 УПК РФ предусмотрено, что «дознаватель, следователь вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство

другое уголовное дело в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности вместе с совершеннолетними обвиняемыми». Таким образом, учитывая, что в рассматриваемой статье речь идет о процессуальных действиях, совершаемых должностными лицами на досудебной стадии уголовного судопроизводства в отношении лиц, «привлеченных к уголовной ответственности», мы можем говорить о возможности привлечения к уголовной ответственности уже на стадии предварительного расследования уголовного дела.

По поводу момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, в научной литературе сложилось несколько позиций. Одна из них соотносит окончание преступного деяния с моментом возбуждения уголовного дела в отношении заведомо невиновного лица. Но эту позицию не разделяют подавляющее большинство ученых, а также судебная практика.

Мнение оппонентов основано на анализе общественной опасности рассматриваемого деяния и процессуального статуса привлекаемого лица. Учитывая существующую диспозицию ч. 1 ст. 299 УК РФ, ученые полагают, что деяние становится общественно опасным в момент наделения лица статусом обвиняемого согласно ст. 47 УПК РФ. При этом в решении вопроса о моменте окончания анализируемого преступления отчетливо просматриваются два подхода.

Первый подход [3, 4, 5] предполагает, что вынесение процессуального документа, содержащего в себе сформулированное обвинение (постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительное постановление, обвинительный акт), является моментом окончания преступного деяния. При этом важно отметить, что под вынесением следует понимать непосредственное составление такого документа и его подписание лицом, его составившим. Таким образом, учитывая уголовно-правовую доктрину, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности будет признаваться юридически окончанным с момента окончания действий субъекта, от него зависящего, чем и является вынесение (составление и подписание) процессуального документа.

Сторонники второго подхода [6, 7, 8] приравнивают момент окончания преступления к предъявлению обвинения, т.е. ознакомления лица с соответствующими процессуальными документами и их подписания. Данный подход опирается на позиции уголовно-процессуального законодательства, которое привлечение лица в качестве обвиняемого рассматривает как процесс, состоящий из нескольких действий: составление процессуального документа, его подписание, утверждение (в случае предварительного расследования в форме дознания) и предъ-

явление обвинения. Позиция первого подхода в виде вынесения процессуального акта рассматривается как неоконченный состав преступления.

Данные подходы авторов берут свое начало из уголовно-процессуального законодательства, закрепляющего положение о том, что обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесен один из правовых актов (постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого или обвинительный акт) либо составлено обвинительное постановление (ст. 47 УПК РФ). В свою очередь, обращение к ст. 171-172, 225, 226.7 УПК РФ показывает, что не исключается понимание процесса наделения лица статусом обвиняемого как действия, состоящего из двух этапов. Например, в рамках предварительного следствия это вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) и предъявление обвинения (ст. 172 УПК РФ). С учетом положений норм УПК ученые расходятся во мнениях по поводу наступления момента окончания преступления.

В целях разрешения указанного спора обратимся к уголовно-правовой характеристике объективной стороны рассматриваемого вида преступления, а также к анализу норм уголовно-процессуального законодательства на предмет момента приобретения лицом статуса обвиняемого.

А.Г. Лебедев определяет объективную сторону привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное и противоправное действие, непосредственно направленное на конкретное уголовно-процессуальное преследование конкретного человека, не совершившего деяния, послужившего основанием для преследования» [9, с. 74].

Одним из основных признаков в представленном определении выделена общественная опасность деяния. Во-первых, общественная опасность преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, будет заключаться в нарушении установленного порядка отправления правосудия, а во-вторых, в нарушении личных прав и свобод потерпевшего (заведомо невиновного, привлеченного к уголовной ответственности). В данном контексте важно отметить, что общественная опасность в полной мере уже будет присутствовать и до фактического предъявления лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления, т.к. нарушение установленного порядка отправления правосудия и личных прав, свобод потерпевшего будет иметь место уже с момента вынесения соответствующего процессуального документа. Ярким примером этого может служить так называемая «процедура заочного предъявления обвинения». Так, ч. 4 ст. 210 УПК РФ позволяет избрать

меру пресечения в отношении разыскиваемого обвиняемого. В свою очередь, ч. 5 ст. 108 УПК РФ гласит, что «принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск». Так, в отношении Ж., находящегося на территории Французской Республики, в 2001 г. выделено в отдельное производство уголовное дело. В рамках указанного дела вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. В том же году компетентными органами Французской Республики отказано в экстрадиции Ж. в Россию. В 2013 году производство по делу было приостановлено в связи с тем, что срок предварительного следствия истек и следственные действия, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого, выполнены. Органу дознания поручены розыск и задержание обвиняемого [10].

Таким образом, объявление в розыск и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу существенно нарушат права и свободы незаконно привлеченного к уголовной ответственности лица, в то время как фактически указанное лицо еще не было ознакомлено с процессуальным документом о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Анализируя нормы уголовно-процессуального законодательства в отношении момента приобретения лицом статуса обвиняемого, отметим, что в соответствии со ст. 47 УПК РФ обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесены постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительный акт или составлено обвинительное постановление. От формы производства предварительного расследования (предварительное следствие, дознание или сокращенная форма дознания) зависит разновидность процессуального документа. Как видим из текста рассматриваемой нормы уголовно-процессуального законодательства, речь идет о принятии конкретного процессуального решения и составлении соответствующего процессуального документа. Указание на предъявление данного документа лицу, привлекаемому к ответственности, отсутствует.

Кроме того, в ч. 2 ст. 172 УПК РФ указано, что «следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения...», т.е. еще до фактического предъявления обвинения законодатель использует уже наименование такого процессуального статуса, как «обвиняемый». Аналогичным образом лицо, которому надлежит предъявить обвинение, названо и в последующих частях анализируемой статьи.

Единый подход к разрешению рассматриваемого вопроса об окончании преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, также отсутствует в судебной

практике. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые могли бы поспособствовать формированию единообразной правоприменительной практики, отсутствуют, а решения Верховного Суда РФ по отдельным уголовным делам содержат противоречивые формулировки.

На наш взгляд, признание моментом окончания преступления предъявления обвинения вступает в противоречие с нормами УПК РФ, поскольку, как мы указывали выше, лицо наделяется статусом обвиняемого с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акта или составления обвинительного постановления. При этом общественная опасность деяния в таком случае может быть выражена как минимум в изменении статуса лица, незаконно привлеченного к уголовной ответственности, объема его прав и обязанностей.

Однако, говоря в том числе о добровольном отказе от совершения преступления, необходимо отметить, что при принятии указанных решений, относящихся к производству дознания, установлен особый порядок их утверждения, а именно – и обвинительный акт, и обвинительное постановление подлежат обязательному утверждению начальником органа дознания. Указанные процессуальные решения и соответствующая их форма в виде акта и постановления приобретают юридическую силу только с момента полного выполнения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их составления и утверждения. Таким образом, юридические последствия в виде воздействия на основной и дополнительный объекты преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, начинаются с момента принятия процессуального решения в виде составления процессуального документа в установленной форме: документ составлен и подписан уполномоченным лицом, а в случае предварительного расследования в форме дознания – утвержден начальником органа дознания. Анализируя изложенное, можем предположить, что именно в период с момента составления до утверждения процессуальных документов руководителем органа дознания возможен добровольный отказ от совершения преступления. А в случае если по каким-либо причинам обвинительный акт или постановление не будут утверждены, то действия должностного лица, составившего указанные процессуальные документы, должны будут квалифицироваться по ст. 299 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, т.е. как покушение на совершение преступления. Данного мнения придерживается, в частности, и А.А. Симоненко, который пишет: «...до момента, пока начальник органа дознания не утвердит составленный дознавателем обвинительный акт (обвинительное постановление), этот документ не имеет

юридического значения, не порождает никаких уголовно-процессуальных последствий, в связи с чем его нельзя считать процессуальным решением о признании лица в качестве обвиняемого» [11, с. 50].

Наиболее точной, по нашему мнению, является позиция В.Л. Кудрявцева, который, анализируя имеющиеся в теории уголовного права подходы к определению момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, справедливо отмечает, что упомянутые выше «коллизии в уголовно-процессуальном законодательстве приводят к двойственности в определении момента окончания преступления при предварительном расследовании в форме дознания, что противоречит не только правилам логики, но и уголовному закону: принятие процессуального решения о придании лицу статуса обвиняемого в порядке пп. 2-3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ, то есть вынесение обвинительного акта или составление обвинительного постановления, одновременно рассматривается и как оконченное преступление, и как неоконченное преступление (покушение на преступление)» [12, с. 60]. При этом подобная проблема не возникает применительно к вынесению постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в рамках предварительного следствия, т.к. утверждения данного процессуального документа не

требуется. Мы разделяем данную позицию ученого, т.к. все последующие действия после составления и подписания процессуального акта лицом, производящим предварительное расследование, далее от него не зависят, а носят лишь процессуальный характер.

В целях преодоления сложившейся неоднозначности в понимании признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, и определения момента окончания данного преступления считаем необходимым конкретизировать диспозицию рассматриваемой статьи указанием, во-первых, на процессуальный статус привлекаемого к уголовной ответственности заведомо невиновного лица как участника уголовного судопроизводства, во-вторых, на оконченное действие субъекта преступления. Предлагаем изложить диспозицию ч. 1 названной статьи в следующем виде: «Признание обвиняемым заведомо невиновного путем вынесения соответствующего процессуального решения». Полагаем, что именно такая формулировка связывает вместе позиции действующих уголовного и уголовно-процессуального законодательств, а также наиболее точно позволяет выразить объективную сторону исследуемого преступления и определить момент его окончания.

Список источников

1. Байсалуева Э.Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 148 с.
2. Будяков Н.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК): теоретические аспекты, проблемы законодательного описания их составов и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 201 с.
3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. постатейный / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Зателепин О.К. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации постатейный / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Маркунцов С.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации постатейный / под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Иногамова-Хегай Л.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации постатейный / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Коробейников Б.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации постатейный / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Малков В.П. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2000 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Лебедев А.Г. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3372-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20122018-n-3372-o/> (дата обращения: 29.03.2022).

11. Симоненко А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 Уголовного кодекса Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 46-51.

12. Кудрявцев В.Л. Некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности» // TheScientificHeritage. 2019. № 41-3 (41). С. 58-62.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

Научная статья
УДК 343.72

НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ МОШЕННИЧЕСТВА

Владислав Юрьевич Белицкий

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vlad_belitskiy@mail.ru

Аннотация. На страницах статьи раскрываются вопросы использования лицами, подозреваемыми, обвиняемыми в совершении различных видов мошенничеств, пробелов и коллизий в нормативном регулировании общественных отношений при совершении рассматриваемых преступлений.

По мнению автора статьи, отсутствие должной законодательной регламентации соответствующих сфер общественных отношений как создает обстановку, благоприятную для мошенничеств определенных видов, выступая в качестве обстоятельств, способствующих их совершению, так и учитывается виновными при выборе способа преступления. Принимая во внимание отмеченное, установление данных фактов необходимо как для доказывания умысла виновных на совершение мошенничества, так и для полной характеристики механизма их подготовки и реализации.

Ключевые слова: мошенничество, обстановка преступления, способ, механизм преступления, обстоятельства, способствующие совершению преступления

Для цитирования: Белицкий В.Ю. Недостатки правового регулирования в механизме мошенничества // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 102-106.

Original article

DISADVANTAGES OF LEGAL REGULATION IN THE MECHANISM OF FRAUD

Vladislav Yu. Belickij

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vlad_belitskiy@mail.ru

Abstract. The article is revealed the issues of the use by persons suspected, accused of committing various types of fraud, gaps and collisions in the regulatory regulation of public relations when committing the crimes under consideration.

According to the author of the article, the lack of proper legislative regulation of the relevant spheres of public relations creates both an environment favorable for fraud of certain types, acting as circumstances conducive to their commission, and is taken into account by the perpetrators when choosing a method of crime. Taking into account the above, the establishment of these facts is necessary both to prove the intent of the perpetrators to commit fraud, and to fully characterize the mechanism of their preparation and implementation.

Keywords: fraud, crime situation, method, mechanism of the crime, circumstances contributing to the commission of the crime

For citation: Belickij V.Yu. Disadvantages of legal regulation in the mechanism of fraud. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:102-106. (In Russ.).

Мошенничество является одним из распространенных преступлений и, согласно данным МВД России, на сегодняшний день занимает второе место в общей структуре преступности, уступая лишь кражам.

Анализ официальной статистики МВД России о количестве зарегистрированных преступлений, их видах и раскрываемости не позволяет формулировать оптимистические выводы. Напротив, за последние 20 лет количество зарегистрированных мошенничеств возросло более чем в 4 раза, а их доля в общей структуре преступности – в 6 раз. При этом раскрываемость рассматриваемых преступлений сократилась не менее чем в 3 раза. Только за последние 10 лет доля мошенничеств возросла с 7,03% в 2012 г. до 16,94% в 2021 г., а процент их раскрываемости упал с 46,85% до 19,63% [1].

На стремительный рост количества мошенничеств, увеличение их доли в общей структуре преступности и неудовлетворительную ситуацию по раскрытию и расследованию преступлений данного вида неоднократно обращали внимание как ученые и практики в лице руководителей различных ведомств [2], так и Президент Российской Федерации [3].

Причины складывающейся ситуации чрезвычайно многообразны и нуждаются в самостоятельном научном осмыслении. Вместе с тем, основываясь на результатах авторского исследования, а равно научного анализа других ученых (см., например: И.В. Ильин [4] и др.), полагаем, можно утверждать, что одним из факторов, обуславливающих совершение мошенничеств отдельных видов, является использование виновными недостатков правового регулирования.

Думается, не будет преувеличением сказать, что мошенники быстро адаптируются к стремительно меняющимся общественным отношениям и всегда используют сложившуюся ситуацию в механизме подготавливаемого и совершаемого ими хищения путем обмана или злоупотребления доверием.

В качестве примера приведем ситуацию конца 90-х – начала 2000-х гг. XX в., когда мошенники эксплуатировали пробелы и коллизии правового регулирования в механизме реализуемых ими деяний по хищению денежных средств, имущества, физических и юридических лиц путем обмана или злоупотребления доверием.

Исследователи того периода обращали внимание на то, что противоречивость и несовершенство правовых норм в предпринимательской сфере создали «...благоприятную среду для использования имеющихся законодательных пробелов в корыстных целях» [5, с. 15]. А равно отмечали, что «...существующие недостатки законодательства послужили благодатной почвой для "предприимчивых" сограждан, способных создавать и преумножать своё благосостояние за счет других граждан» [6, с. 277].

Аналогичная ситуация сложилась и в начале 20-х годов XXI в., когда общество буквально захлестнули мошенничества, совершенные с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Ученые отмечают, что существующая в настоящее время нормативная нерешенность вопросов выхода на рынок криптовалют привела к тому, что одно из мест на нем заняли мошенники, готовые научить неискушенных граждан тонкостям как майнинга виртуальных монет, так и их обналичивания [7].

На современном этапе развития общественных отношений ученые по-прежнему обращают внимание на то, что слабости законодательного регулирования в тех или иных сферах используются преступниками при совершении преступлений. Например, Ж.Ю. Кабанова [8] и А.В. Шаров [9] причины роста мошенничеств на рынке жилья связывали с недостатками законодательства, регулирующего оборот жилых помещений.

Следует согласиться с О.В. Гутниковым, по мнению которого существующие противоречия в гражданском законодательстве, регулирующем как организационно-правовые формы деятельности хозяйствующих субъектов, так и различные аспекты предпринимательской и иной экономической деятельности, приводят к нарушению имущественных прав участников хозяйственного оборота, подрыву инвестиционного климата, а равно создают предпосылки для совершения преступлений [10]. Ситуация усугубляется и недостатками гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, также нередко используемого преступниками в своих интересах [10], в т.ч. для оказания противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

На недостатки законодательства как обстоятельство, создающее определенные препятствия для расследования, обращал внимание и С.С.-Х. Исаев в рамках разрабатываемой им методики расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств [11].

На учет виновными законодательных коллизий и пробелов для уклонения от уголовной ответственности обращали внимание и другие авторы, в частности Е.С. Азарова [12].

Результаты авторского исследования позволяют в полной мере согласиться с приведенными мнениями ученых и сделать вывод о том, что несовершенство законодательного регулирования как выступает благодатной почвой для совершения мошенничеств различных видов, так и нередко создает препятствия для быстрого раскрытия и расследования преступлений.

В частности, положения ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», определяя перечень государственных

органов, уполномоченных на получение информации, содержащей банковскую тайну, не называют в числе данных субъектов дознавателя [13, с. 35-36]. При этом такая потребность у него имеется, например, для раскрытия и расследования мошенничеств в сфере кредитования (ч. 1 ст. 159.1 УК РФ), мошенничеств при получении (ч. 1 ст. 159.2 УК РФ), мошенничеств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 159.4 УК РФ) и других видов хищений чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием.

Каково же место законодательных недостатков, пробелов или коллизий в механизме мошенничества?

Прежде всего, полагаем, рассматриваемые изъяны могут выступать в качестве элемента обстановки мошенничества того или иного вида. Разделяя мнение Н.П. Яблокова о широком подходе к определению обстановки преступления и описывая обстановку мошенничеств, совершенных по принципу финансовой пирамиды, мы включали в неё как социальную и финансово-экономическую обстановку в стране в соответствующий исторический период; отсутствие надлежащего государственного контроля на финансовом и фондовом рынках, а равно за порядком регистрации юридических лиц; так и дефектность законодательства [14, с. 109-113; 15, с. 51].

Широкий подход к обстановке преступления как элементу криминалистической характеристики мошенничеств, а равно других преступлений в экономической сфере с включением в неё в качестве элемента недостатков правового регулирования можно встретить в трудах многих исследователей.

Так, К.А. Сергеев, формулируя теоретические основы и организационно-правовые механизмы правоохранительной деятельности по защите корпоративной собственности от криминального рейдерства, ненадлежащую правовую регламентацию межотраслевых корпоративных отношений рассматривает как организационно-правовые предпосылки возникновения криминального рейдерства [16]. Ученый обоснованно утверждает, что недостатки корпоративного законодательства как являются предпосылками незаконных действий, так и не обеспечивают восстановление его нарушенных прав [17, с. 107].

В рамках исследования криминалистической характеристики мошенничества в сфере оборота жилища А.В. Шаров обоснованно обращал внимание на то, что «...факт отсутствия обязательного лицензирования деятельности по обороту жилища создал предпосылки к увеличению числа лиц, занимающихся риэлтерской деятельностью, в том числе незаконной» [9]. Помимо этого, ученый отметил, что несовершенство законодательного регулирования обусловило возможность заключения сделок лишь на основе одной доверенности [9].

Таким образом, полагаем, очевидно, что пробелы и упущения, допущенные законодателем при регу-

лировании тех или иных общественных отношений, могут создавать благоприятную обстановку для финансовых злоупотреблений, выступая обстоятельством, способствующим совершению мошенничеств определенных видов.

Также законодательные упущения нередко используют мошенники при выборе способа преступления.

Например, при хищениях в экономической сфере виновные, учитывая законодательные коллизии и противоречия, реализуют систему многоплановых схем преступных действий с подлогами в документах бухгалтерского учета и отчетности. В результате под видом законных хозяйственно-финансовых операций совершаются хищения денежных и основных средств хозяйствующих субъектов, а равно сырья и готовой продукции, которые легализуются и снова используются для совершения преступлений [18].

На учет виновными законодательных коллизий при выборе способа совершения общественно опасного деяния обращает внимание и А.В. Шмонин, раскрывая криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий. Так, уважаемый нами ученый на страницах подготовленной им докторской диссертации отмечает, что «большинство способов преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий, обусловлены многочисленными проблемами, несовершенством и противоречиями как банковского, так и иного законодательства...» [19].

Можно привести немало примеров обусловленности способа мошенничества отсутствием должного законодательного регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

Так, одной из классических ситуаций мошенничества при получении выплат является незаконное получение пособия по безработице. Одним из способов совершения рассматриваемого преступления является предоставление заведомо ложных и (или) недостоверных данных, служащих основанием для назначения выплат, в центр занятости населения.

При этом положения правил, в соответствии с которыми органы службы занятости осуществляют социальные выплаты гражданам, признанным в установленном порядке безработными, утвержденные Приказом Минтруда России от 22.02.2019 № 116н, не устанавливают обязанность сотрудников центра занятости населения проверять достоверность предоставленных сведений, а также не регламентируют порядок такой проверки. Лица, осведомленные о данном пробеле, как правило, не заботятся об обеспечении актуальности и истинности представляемых данных [20].

Другой пример: существующий институт государственной регистрации юридических лиц, рассчитан исключительно на добросовестных участников

гражданского оборота и не способен противостоять реализации мошеннических схем захвата собственности. Так, исходя из положений Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», внесение изменений о директоре и участниках хозяйствующего субъекта осуществляется лишь на основании заявления о регистрации соответствующей формы¹.

Учитывая, что согласно норме пункта 4 ст. 9 названного федерального закона требование предоставления иных документов, подтверждающих указанные в заявлении сведения, является незаконным, любой гражданин может подать заявление о регистрации и, таким образом, стать руководителем юридического лица. Так, установление факта подачи названного заявления являет собой реализацию виновными преступного умысла по завладению имуществом субъекта экономической деятельности. При этом легальный руководитель нередко даже не способен противостоять данным противозаконным действиям в связи с неинформированностью о подаче названного заявления и внесении соответствующих документов [21, 22].

Нередко при завладении жилищем граждан используется законодательно предоставленная возможность дарения доли в жилище без согласия и даже без уведомления других собственников данного жилища. Напомним, что, исходя из норм Жилищного кодекса РФ, жилое помещение может принадлежать на праве собственности одному или нескольким собственникам, при этом владение и пользование им возможно как с выделением доли, приходящейся на каждого собственника, так и без такового. В случае распоряжения собственником выделенной им долей может возникнуть проблема защиты интересов других собственников жилища. Порой необходимость в этом возникает, когда один из собственников, владея незначительной долей в жилище, распоряжается ею по договору дарения. При этом иные собственники данного жилища нередко оказываются даже не уведомленными о факте дарения. Их осведомление происходит в момент, когда в их жилище приезжает новый собственник или собственники и предъявляют свои права на него. Возникает ситуация, когда новые собственники, приобретшие долю, выделение которой в натуре невозможно, вправе использовать все жилище для проживания. Последствием рассматриваемой ситуации является как снижение рыночной стоимости объекта недвижимости, существенное ограничение жилищных и личных неимущественных прав лиц, проживающих в данном жилом помещении, в т.ч. несовершеннолетних и малолетних,

¹ Форма № Р13014 определена Приложением № 4 к Приказу ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@.

так и фактический «захват» всего жилого помещения с последующим вынуждением оставшихся собственников к продаже принадлежащих им долей по минимальной цене.

Надеемся, приведенные примеры демонстрируют, что некоторые из существующих законодательных установлений не обеспечивают защиту прав и законных интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Видится, что заслуживает внимания и ситуация правоприменения, возникшая при расследовании уголовного дела № 200522086, возбужденного по факту причинения гражданам ущерба в результате деятельности ООО АПРСф «Содействие». В рамках данного уголовного дела перед следователем и экспертами возникла проблема учета расчетов названного общества в ситуациях, когда оно совмещает функции подрядчика, дольщика, участника простого товарищества и осуществляет переуступки имущественных прав. Основой возникшего затруднения послужила неурегулированность в нормативных документах операций, интересующих органы предварительного расследования².

Основываясь на результатах проведенного теоретического и эмпирического исследования, полагаем, можно сделать вывод о том, что доказывание фактов использования виновными пробелов, коллизий правового регулирования соответствующих общественных отношений обеспечит, во-первых, полное и всестороннее исследование механизма совершения мошенничества. Во-вторых, будет способствовать изобличению мошенника в совершении преступления путем установления умысла на его совершение. В-третьих, выявление недостатков нормативного регулирования может являться предпосылкой для эмпирического и научного обоснования необходимости совершенствования законодательных предписаний с целью устранения выявленных законодательных недостатков, выступающих в качестве обстоятельств, как способствующих совершению преступлений рассматриваемого вида, так и создающих определенные препятствия для их быстрого раскрытия и расследования. Важность выявления и устранения несовершенства законодательства сложно переоценить. Разделяем мнение ученых, утверждающих, что «несовершенство правовой регламентации способно ослабить государство» [23, с. 40], а повышение качества правовой основы государственной и общественной жизни как означает возрастание организующей роли права в отношении государства, так и обеспечивает надлежащее функционирование всех его звеньев и механизмов.

² Уголовное дело № 200522086, находившееся в производстве СЧ по РОПД СУ при УВД по городу Самаре. Заключение экспертов комплексной комиссионной экспертизы.

Список источников

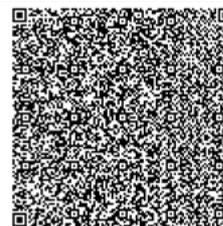
1. Статистические данные МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
2. Выступление Министра МВД России В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 17.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795>.
3. Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 17.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795>.
4. Ильин И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 58 с.
5. Казарина А. Публичный интерес в экономике как объект прокурорской защиты // Законность. 1996. № 2. С. 15.
6. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. 413 с.
7. Финансовые мошенничества: признаки, виды, способы защиты / под ред. М. Архимандритовой. М.: Изд-во Российской газеты, 2018. 160 с.
8. Кабанова Ж.Ю. Теоретические основы и практика предварительного расследования и судебного следствия по делам о мошенничестве, совершаемом на вторичном рынке жилья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
9. Шаров А.В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 30 с.
10. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
11. Исаев С.С.-Х. Расследование мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
12. Азарова Е.С. Проблемы борьбы с организованным противодействием раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: РГБ, 2006. 187 с.
13. Белицкий В.Ю. Дознаватель – субъект получения информации, содержащей банковскую тайну? // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1 (28). С. 35-36.
14. Белицкий В.Ю. Обстановка преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 109-113.
15. Белицкий В.Ю. Раскрытие, расследование и судебное разбирательство мошенничеств, совершенных по принципу «финансовой пирамиды»: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 208 с.
16. Сергеев К.А. Теоретические основы и организационно-правовые механизмы правоохранительной деятельности по защите корпоративной собственности от криминального рейдерства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 42 с.
17. Сергеев К.А. Теоретические основы и организационно-правовые механизмы правоохранительной деятельности по защите корпоративной собственности от криминального рейдерства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 380 с.
18. Еремин С.Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2007. 551 с.
19. Шмонин А.В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 43 с.
20. Сидоров В.Н. Незаконное получение пособия по безработице. Пробелы в законодательстве // Юридический аналитический журнал. 2020. Т. 15. № 1. С. 54-58.
21. Гусев В.Г. О проблеме рейдерских захватов имущества обществ с ограниченной ответственностью // Налоги. 2008. № 35.
22. Дуканов С.О. О проблемах «захвата фирм» и способах их предотвращения // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 11.
23. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по юрид. направлениям и специальности. 6 изд., доп. СПб.: Юрид. ин-т, 2001. 348 с.

Информация об авторе

В.Ю. Белицкий – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V.Yu. Belickij – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ 3D-СКАНИРОВАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ИЗМЕНИВШИХ АНАТОМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

Алексей Степанович Князьков¹, Валерий Валерьевич Овсянников²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ ask011050@yandex.ru

² vvovsyannikov22@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные технологии 3D-сканирования и моделирования и их использование при производстве портретных экспертиз в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика, вопросы получения сравнительных образцов внешнего облика человека для целей производства портретной экспертизы. Авторы статьи, основываясь на анализе научных публикаций по внедрению современных цифровых технологий в криминалистику и судебную экспертизу, а также используя собственные экспериментальные исследования технологии 3D-сканирования, акцентируют внимание на возможности получения высокоточных моделей внешнего облика человека для целей решения задач судебной портретной экспертизы.

Ключевые слова: технологии 3D-сканирования и моделирования, внешний облик человека, признаки внешности, анатомическое изменение признаков внешнего облика человека, портретная экспертиза, получение сравнительных образцов

Для цитирования: Князьков А.С., Овсянников В.В. Использование технологий 3D-сканирования и моделирования при производстве портретных экспертиз в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 107-113.

Original article

THE USE OF 3D SCANNING AND MODELING TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION OF PORTRAIT EXAMINATIONS IN RELATION TO PERSONS WHO HAVE CHANGED THE ANATOMICAL FEATURES OF THEIR APPEARANCE

Alexey S. Knyazkov¹, Valeriy V. Ovsyannikov²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ ask011050@yandex.ru

² vvovsyannikov22@mail.ru

Abstract. The article discusses modern technologies 3D scanning and modeling and their use in the production of portrait examinations in relation to persons who have changed the anatomical features of their appearance, questions of obtaining comparative samples of a person's appearance for the purposes of portrait examination. The authors, based on the analysis of scientific publications on the introduction of modern digital technologies in criminology and forensic examination, as well as using their own experimental studies of 3D scanning technology, focus on the possibility of obtaining high-precision models of human appearance for the purposes of solving the tasks of forensic portrait examination.

Keywords: 3D scanning and modeling technologies, human appearance, appearance signs, anatomical changes in the signs of a person's external appearance, portrait examination, obtaining comparative samples

For citation: Knyazkov A.S., Ovsyannikov V.V. The use of 3D scanning and modeling technologies in the production of portrait examinations in relation to persons who have changed the anatomical signs of their appearance. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:107-113. (In Russ.).

В последние десять лет (с 2011 по 2021 г.) на территории Российской Федерации органами внутренних дел ежегодно регистрировалось более 2 млн преступлений, из которых больше половины составили кражи, мошенничества, грабежи и разбои. По итогам 2021 г. при общем количестве 2004,4 тыс. зарегистрированных преступлений осталось не раскрыто 916,7 тыс. уголовно наказуемых деяний по причине неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по уголовному делу [1].

В связи с вышеизложенным особого внимания заслуживают вопросы повышения раскрываемости преступлений, совершенных в условиях непосредственного или опосредованного визуального контакта:

- в ходе совершения уголовно наказуемого деяния имел место непосредственный контакт преступника и пострадавшего;

- уголовно наказуемые деяния, по которым при производстве предварительного расследования обнаружены и изъяты отображения внешнего облика лица, возможно причастного к совершению преступления (фото- и видеоизображения, являющиеся объектами судебной портретной экспертизы).

Так, ежегодно в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России выполняется более 2 млн экспертиз и исследований [2], в т.ч. судебных портретных экспертиз.

Судебная портретная экспертиза является одной из форм идентификации. Органы предварительного следствия, дознания и суд назначают производство данного вида экспертного исследования при необходимости установления личности подозреваемого (обвиняемого), свидетеля и потерпевшего по имеющимся объективным отображениям его внешности (фотоснимкам, фото- и видеоизображениям и т.д.).

В практической деятельности одного из авторов статьи при производстве судебных портретных экспертиз наибольшие сложности возникали при исследовании фото- и видеоизображений с необычным для восприятия ракурсом (наклон, поворот, отклонение головы). Как правило, вышеуказанное обстоятельство связано с особенностями условий получения таких изображений (неблагоприятные погодные условия, ночное время суток, недостаточное освещение), используемыми техническими средствами фото- и видеофиксации, а также особенностями их установки и эксплуатации (средства видеофиксации и контроля для охвата большей территории закрепляются на стенах на высоте в 1,5-2 раза выше среднего роста человека, при этом угол съемки составляет около или свыше 45 градусов). При этом сложности возникали при исследовании предоставленных сравнительных образцов, которые, как правило, не в полной мере отвечали требованиям сопоставимости.

В связи с этим авторы статьи полностью поддерживают точку зрения Н.С. Неретиной о необходимости постоянного совершенствования и пополнения научно-технического арсенала судебной экспертизы в правоприменительной практике [3].

Так, развитие современных цифровых технологий и их применение в экспертной деятельности значительно облегчает процесс исследования, позволяет производить большее количество экспертиз с меньшими временными затратами [4, с. 31].

Вышеуказанное подтверждается мнением известного ученого-криминалиста Н.П. Майлис: «Инновационные технологии в судебной экспертизе – это использование новых методов и средств, способствующих реализации решения поставленных задач на более качественном уровне» [5].

Безусловно, внедрение современных цифровых технологий в экспертную деятельность обусловлено практической потребностью решения стоящих перед экспертно-криминалистическими подразделениями задач. Так, К.В. Ярмак отмечает, что «постоянное расширение круга объектов исследования, видов решаемых задач, совершенствование имеющихся и разработка новых методик исследования ставят судебную экспертизу в ряд наиболее ценных источников доказательств по уголовным, гражданским и административным делам» [6]. При этом, исходя из уголовно-процессуального положения об отсутствии заранее установленных доказательств, разумеется, утверждение о ценности и значении ряда доказательств над другими является в корне недопустимым. Однако частично суждение все же является верным и позволяет нацелить практику на расширение круга исследуемых объектов и решаемых задач, что, соответственно, требует совершенствования имеющихся и разработки новых методик исследования.

Важно отметить, что при рассмотрении судебно-портретной идентификации А.М. Зинин обращает внимание на проблему повышения объективности получаемого в ходе производства экспертизы результата (получения категорического вывода), основываясь на применяемых в этом процессе методах, с чем нельзя не согласиться. Наиболее перспективным для модернизации методики портретной идентификации по признакам внешности, по его мнению, является метод компьютерного трехмерного моделирования [5, с. 9].

Анализ публикаций [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13], в которых раскрываются аспекты внедрения и использования технологии получения трехмерных моделей в деятельности экспертно-криминалистических подразделений, свидетельствует о росте интереса к технологиям 3D-сканирования, 3D-печати и компьютерного моделирования у правоохранительных органов России и зарубежных стран.

При этом в настоящее время фотоаппарат все еще остаётся достаточно эффективным инструментом, используемым в криминалистической и судебно-экспертной деятельности. В то же время качество получаемых в ходе использования цифрового фотоаппарата 2D-изображений обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. К объективным относят явления, напрямую не связанные с действиями лица, производящего фотосъемку, но оказывающие влияние на получаемое изображение, а следовательно, и на его оценку: недостатки оптических систем (сферические и хроматические аберрации, астигматизм, дисторсия); условия окружающей среды (солнечная или пасмурная погода, темное время суток, дождь, снег, задымление и т.д.). Если первые факторы в перспективе могут быть ослаблены в результате дальнейшего развития технико-криминалистических средств, то нивелировать условия окружающей среды крайне затруднительно. В качестве субъективных рассматриваются факторы, связанные с ошибочным выбором технических средств (фотоаппарат, штатив, объектив, светофильтр и т.п.); неверным использованием режимов фотоаппарата (авто/ручной) в зависимости от условий съемки; некорректным использованием настроек фотоаппарата (использование «треугольника экспозиции»).

Рассматривая использование технологии получения трехмерного изображения (3D-сканирования) внешнего облика человека при производстве судебной портретной экспертизы, отметим, что суть процесса заключается в возможности безопасного бесконтактного копирования объемных объектов со сложной геометрией, в т.ч. прозрачных, глянцевых элементов, и получения в результате сканирования полигональной 3D-модели с наложением соответствующей цветной текстуры. То есть, по сути, это является усовершенствованным методом фотограмметрии и позволяет построить модель объекта на основе множества фотографий, сделанных под разным углом с привязкой к полигональной сетке. При этом чем больше снимков, тем более детальной получится трехмерная модель.

Так, 3D-сканер представляет собой периферийное устройство, анализирующее форму предмета и на основе полученных данных создающее его точную цифровую 3D-модель (трехмерное изображение). Трехмерное изображение (3D-изображение) – это представление поверхности в трехмерном пространстве [14]. Для этого обеспечивается точное измерение всех геометрических параметров (создание полигональной сетки), а их обработка с наложением тысяч фотоизображений позволяет построить подробную цифровую модель с детальным отображением текстур. При необходимости возможно получение точной модели объекта с использованием 3D-принтера.

Отметим, что практически все 3D-сканеры независимо от фирмы-производителя обладают такими характеристиками, как мобильность, универсальность, простота управления, высокая точность и разрешающая способность, широкая зона покрытия, минимальное время подготовки к работе и выполнению сканирования.

Результаты проведенного авторами интервьюирования сотрудников ряда ЭКП МВД России¹ свидетельствуют о высоком интересе практических работников к рассматриваемой технологии. Интервьюеры указывают на возможность использования рассматриваемой технологии получения трехмерного изображения в своей практической деятельности: использование технологии 3D-сканирования при производстве экспертных исследований с целью получения сравнительных образцов; повышения наглядности экспертных исследований. При этом отмечая, что использование 3D-моделей внешнего облика человека в расследовании широкого круга преступлений может найти свое применение вне зависимости от наличия непосредственного или опосредованного визуального контакта.

Некоторые исследователи отмечают возможность использования технологии 3D-сканирования черепа с последующим графическим моделированием конкретного лица для реконструкции и идентификации неопознанных трупов [15, с. 3].

Рассматривая использование технологий 3D-сканирования и моделирования в производстве портретных экспертиз в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика, отметим, что наряду с фотоизображениями анфас, выполненными по правилам сигналетической (опознавательной) фотосъемки, и фотоизображениями (фотоснимками), на которых лицо запечатлено в сложном ракурсе (наклон, поворот, отклонение головы), ввиду развития и широкого применения различного рода видеотехнических средств все чаще объектом судебной портретной экспертизы являются видеоизображения, полученные с камер видеонаблюдения. Специфика портретной экспертизы по видеоизображениям предполагает осуществление отбора изображения лица в виде нескольких стоп-кадров, отображающих лицо в разные периоды времени (в рамках фрагмента видеозаписи). Это обусловлено тем, что редко удается найти полностью сопоставимые видеок cadры с предоставленными в распоряжение эксперта объектами для сравнительного исследования. Преимуществом видеофиксации является возможность расширения комплекса идентификационных

¹ Пятнадцать сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, имеющих допуск к самостоятельному производству портретных экспертиз, стаж работы которых составляет от 1 года до 20 лет.

признаков внешности за счет обнаружения их на нескольких изображениях (стоп-кадрах). В последующем отобранные и сопоставимые по сходным критериям исследуемые видеоматериалы посредством графических редакторов преобразуются в цифровые фотоизображения с учетом общих правил судебной портретной экспертизы. Далее производится их сравнение с имеющимися объектами. Исследование указанных объектов судебной портретной экспертизы, как правило, требует предоставления в распоряжение эксперта большого количества сравнительных образцов внешности исследуемого лица.

Вышеизложенное в полной мере справедливо и для изображений лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика. При этом в случае недостаточности, несопоставимости или отсутствия достаточного количества сравнительных образцов производство экспертизы приостанавливается до момента их получения в распоряжение эксперта.

Таким образом, перспективным направлением, на наш взгляд, является использование технологии 3D-сканирования для получения сравнительных образцов, для производства судебной портретной экспертизы в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика.

В настоящее время многими производителями, как зарубежными, так и отечественными, представлен широкий круг портативных переносных устройств – 3D-сканеров и программного обеспечения к ним, позволяющих получить точную трехмерную модель сканируемого объекта.

Преимуществом использования трехмерных изображений является возможность расширения комплекса идентификационных признаков внешности посредством вращения цифровой трехмерной модели для выбора оптимального ракурса, отображения характерных признаков в любой плоскости в пределах 360 градусов, что приобретает высокое практическое значение при исследовании стоп-кадров видеозаписей различного качества и исследовании изображений лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика. В последнем случае важно выявить неизменные анатомические признаки внешнего облика, независимо от их расположения (наблюдение в фас и профиль) выявить особенности их строения. Полученное трехмерное цифровое изображение внешности исследуемого лица с использованием необходимого программного обеспечения может быть легко масштабировано и ориентировано в любой плоскости. При этом в ходе производства экспертизы аналогично исследованию видеозаписей полученные трехмерные изображения посредством графических редакторов преобразуются в 2D-изображения, после чего производится их сравнение с представленными на исследование объектами. Вышеизложенное в пол-

ной мере отражает точку зрения Н.А. Селиванова, изложенную им в одной из своих работ [16], рассматривающих основные проблемы криминалистической экспертизы и пути их решения в части, касающейся тенденций развития криминалистической техники: «...разработка новых методов исследования, последовательное повышение чувствительности прежних аналитических методов, расширение круга объектов, изучаемых этими методами, увеличение количества выявляемых признаков, и в конечном счете, расширение круга вопросов, решаемых с использованием специальных знаний».

Получение цифровой 3D-модели внешнего облика подозреваемого (идентифицируемого) лица возможно как сотрудником ЭКП при привлечении его в качестве специалиста для производства следственного действия «получение образцов для сравнительного исследования», так и самим следователем при использовании соответствующего оборудования для 3D-сканирования.

Важно отметить, что современные цифровые переносные устройства (3D-сканеры), применяемые в технологии 3D-сканирования, позволяют получить высокоточные цифровые модели внешнего облика исследуемого лица, отвечающие требованиям сопоставимости. Сканеры и программное обеспечение к ним не требуют предварительной настройки, обеспечивая простоту и интуитивность использования.

Так, для исследования возможности использования технологии 3D-сканирования при производстве портретной экспертизы (идентификации (отождествления) личности по признакам внешности) в отношении лиц, изменивших анатомические признаки своего внешнего облика, в целях проверки требований, предъявляемых к технико-криминалистическим средствам, используемым при фиксации внешности идентифицируемого лица, авторами был использован 3D-сканер Artec Eva с программным обеспечением Artec Studio 13 Professional.

Технические характеристики используемого оборудования: технология 3D-сканирования – оптическая (использование источника света и оптических камер); источник света – вспышка; разрешение камер – 1,3 Мп; передача цвета – да; передача текстур – да; 3D-разрешение – 0,2 мм; 3D-точность – 0,1 мм; скорость сбора данных – до 18 000 000 точек/с, рабочее расстояние до объекта – от 0,4 до 1 м; угол триангуляции (поле видимости камер) – 30x21; частота видеосъемки – до 16 кадров/с; время 3D-экспонирования – 0,0002 с; программное обеспечение – Artec Studio 13 Professional; выходной формат – OBJ, PLY, WRL, STL, AOP, ASC, PTX, E57, XYZRGB; интерфейс – 1xUSB2.0, совместим с USB 3.0; формат экспорта измерений – CSV, DXF, XML; вес – 0,9 кг; габариты – 262x158x63 мм; энер-

гопотребление – 12 В, 48 Вт; калибровка оборудования не требуется.

Сканирование выполнялось нами указанным выше оборудованием без предшествующего опыта работы с аналогичным оборудованием. В процессе сканирования нами отмечалась эргономичность устройства, интуитивная простота работы оборудования и программного обеспечения, не требующие дополнительной подготовки и калибровки сканера, а также предварительной настройки программного обеспечения.

Технические характеристики используемого персонального компьютера (характеристики процессора, объем оперативной памяти и характеристики видеокарты) позволили произвести сканирование с максимально возможным качеством для используемого устройства (3D-сканера). Таким образом, сканирование производилось в режиме 16 кадров в секунду (максимально возможная для данного устройства скорость сканирования 16 кадров/с), метод позиционирования – «геометрия+текстура».

После запуска программы Artec Studio 13 Professional в левой части открывшегося диалогового окна отображаются следующие элементы управления: «Съемка», «Автопилот», «Редактор», «Команды», «Сборка», «Править», «Измерения», «Мульти», «Текстура», «Опубликовать». При переходе в каждый из элементов управления отображаются дополнительные настройки параметров сканирования, которые нами не изменялись.

Процесс сканирования начинается с нажатия кнопки «Съемка», после чего в открывшемся окне программы в реальном времени отображается процесс сканирования (накопления слоев сканированного изображения). Сканирование производилось в помещении с искусственным рассеянным неконтрастным освещением, источник света – 6 светильников с диодными лентами дневного света. 3D-сканер последовательно перемещался вокруг сканируемого лица на различном уровне (от теменной части до груди) с целью получения погрудного изображения. Отметим, что имеющаяся функция предварительного просмотра получаемого 3D-изображения позволяет оценить качество сканирования, приостановить сканирование, возобновить сканирование, выявить участки, требующие дополнительной проработки. В итоге общее время сканирования составило около 4 минут.

По завершении процесса экспериментального сканирования с использованием функции предварительного просмотра на экране персонального компьютера наблюдалось полученное трехмерное изображение, состоящее из 3840 снимков. После выбора элемента «Сборка» в автоматическом режиме производилась обработка накопленных изображений (их программ-

ное объединение), в результате чего была получена цветная 3D-модель внешнего облика одного из авто-ров.

Полученная модель с точки зрения ее использования при производстве портретной экспертизы имела удовлетворительное качество (нами оценивалась точность, передача текстуры кожи и волос, яркость и контрастность полученной модели). Отметим, что полученная 3D-модель может быть сохранена в ряде форматов, предлагаемых программным обеспечением. Так, в зависимости от необходимости решения поставленных задач это могут быть форматы, отображающие как полигональную сетку с возможностью производства различных измерений, так и форматы, обеспечивающие наложение цветной текстуры на полигональную сетку. Размер полученной 3D-модели составил 79 Mb для формата obj и 103 Mb для текстур.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что технология 3D-сканирования, безусловно, заслуживает внимания с точки зрения возможности ее применения при производстве судебной портретной экспертизы, в т.ч. в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика. Так, в ходе проведенных экспериментальных сканирований с использованием 3D-сканера Artec Eva и программного обеспечения Artec Studio 13 Professional выявлены как достоинства, так и недостатки технологии 3D-сканирования. В соответствии с условиями проводимого эксперимента в качестве достоинств рассматриваемой технологии отметим следующие:

- относительная простота использования (не требуется длительная подготовка оборудования; используемое программное обеспечение Artec Studio 13 Professional позволяет оцифровывать сложные объекты даже без специальной подготовки);

- безопасность сканирующего оборудования для сканируемого лица (источником света в 3D-сканере Artec Eva является диодная лампа-вспышка, это делает его применение абсолютно безопасным для сканирования глаз и тела человека даже при интенсивном использовании);

- возможность сканирования подвижных объектов (как отдельных элементов внешности человека, так и тела человека в полный рост);

- технология трехмерного сканирования позволяет создать точную цифровую копию с использованием полной палитры цветов в высоком разрешении. При этом получаемая полигональная сетка является представлением 3D-модели и состоит из тысяч точек (вершин), соединенных между собой линиями (ребрами), из которых формируются мелкие полигональные формы (грани). При объединении этих геометрических элементов формируется структура,

похожая на сетку, описывающая поверхность объекта. Компоненты полигональной сетки точно соответствуют трехмерной форме объекта, позволяя использовать 3D-модель объекта во всех программах для работы с графикой и для 3D-дизайна;

- точность сканирования (для используемого нами сканера она составляет 0,1 мм, или 100 мкм). Данный параметр представляет собой погрешность, выявленную при сканировании эталонного образца, размер которого известен с точностью плюс-минус 20 мкм. В соответствии с информацией сайта производителя процедура производится для каждого экземпляра сканера. Отметим, что предел видимости для глаз взрослого человека составляет около 40-50 мкм (т.е. различимы объекты размером 0,04-0,05 мм на расстоянии 20-25 см, при этом толщина волоса человека колеблется в пределах 70-100 мкм);

- высокая скорость сканирования для получения точного 3D-изображения;

- возможность последующего масштабирования и выбора необходимого ракурса полученной 3D-модели (в пределах 360 градусов);

- возможность выбора современных моделей 3D-сканеров, в которых передача данных осуществляется посредством беспроводной технологии (что обеспечивает большую мобильность и простоту использования вне экспертного учреждения);

- в современных образцах 3D-сканеров (используемый 3D-сканер фирмы Artec Eva 2012 года производства) точность сканирования значительно выше, что в теории позволит исследовать даже едва заметные мимические морщины, родинки, шрамы и т.п.

Ряд недостатков, выявленных в ходе проводимого эксперимента с использованием 3D-сканера Artec Eva и программного обеспечения Artec Studio 13 Professional, на наш взгляд, носит субъективный характер и в большей степени они связаны с отсутствием опыта работы с программным обеспечением и данным видом устройств. В то же время относительно применения данной технологии 3D-сканирования отметим следующие недостатки:

- высокие требования к техническим характеристикам персонального компьютера для обеспечения

наилучшего качества сканирования и работы с полученной 3D-моделью внешности исследуемого лица;

- использование специального лицензируемого программного обеспечения, имеющего высокую стоимость;

- отсутствие методического обеспечения и апробации в рамках производства судебной портретной экспертизы на территории РФ в настоящий момент;

- отсутствие навыков работы с рассматриваемой технологией у сотрудников экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России, прошедших повышение квалификации по дополнительной профессиональной программе «Судебная портретная экспертиза».

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать о правильности теоретических выводов ряда авторов, рассматривающих перспективы внедрения и использования технологий 3D-сканирования и 3D-моделирования при производстве портретной экспертизы с целью повышения объективности получаемых в ходе производства экспертизы выводов.

В то же время использование 3D-сканеров при производстве портретной экспертизы требует внесения изменений в существующую методику производства судебной портретной экспертизы. А также разработки методов исследования новых объектов с учетом возможностей современного высокоточного оборудования, используемого в рамках технологии 3D-сканирования и 3D-моделирования, выработки требований как к используемому оборудованию и программному обеспечению, так и к подготовке экспертов в рамках получения допуска на право самостоятельного производства судебной портретной экспертизы.

Проведенное исследование позволяет применить данные результаты и их оценку с позиции положений криминалистической теории и практики раскрытия и расследования преступлений.

Необходимость дальнейших исследований в области применения технологии 3D-сканирования и 3D-моделирования, как теоретических, так и прикладных, по нашему мнению, не вызывает сомнения.

Список источников

1. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 01.07.2022).

2. Экспертно-криминалистической службе МВД России – 101 год. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Centri/ЖЕкспертно_криминалистический_центр/Publikacii_i_vistuplenija/item/19676399/ (дата обращения: 01.07.2022).

3. Неретина Н.С. Инновационные технологии в судебно-экспертной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 01.07.2022).

4. Жукова Н.А., Ярошук И.А., Яковенко Е.А. Современные технологии в экспертной деятельности: учебное пособие. Белгород: ИД «БелГУ»; НИУ «БелГУ», 2021. 52 с.

5. Бушуев В.В. Инновационные технологии в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 01.07.2022).
6. Ярмак К.В. Современные тенденции развития комплексных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6.
7. Что такое 3D-сканер и как он работает. URL: <https://vektor.us.ru/blog/3d-skaner.html> (дата обращения: 01.07.2022).
8. Несмиянова И.О. 3D-сканирование в экспертной деятельности: понятие, сущность и возможности применения // Systems and Management. 2020. Т. 2. № 2. С. 50-67. URL: <http://sysnmg.ru/index.php/SNM/article/view/52> (дата обращения: 01.07.2022).
9. Снятков Е.В., Дорохин С.В., Чаркин И.И., Есаулова А.Н., Савинков М.А. Повышение объективности экспертизы лакокрасочных покрытий применением метода 3D-сканирования // Воронежский научно-технический вестник. 2017. № 1 (19). С. 123-128.
10. Коныгин Р.А., Шестакова Л.А. Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 3 (3). С. 99-106.
11. Енгальчев В.Ф., Пискунова Е.В. О новых возможностях судебной психологической экспертизы, использующей технологии 3D-моделирования // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (Москва, 15-16 января 2014 г.). М., 2014. С. 85-88.
12. Munkelt C., Kleiner B., Torhallsson T., Kühmstedt P., Notni G. (2014) Ручное трехмерное сканирование с автоматической регистрацией нескольких ракурсов на основе оценки оптического и инерционного положения // Osten W. (ed.) Fringe 2013. Springer, Berlin, Heidelberg. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-642-36359-7_147 (дата обращения: 01.07.2022).
13. Применение технологии 3D-сканирования при осмотре места происшествия. URL: <https://www.krim-market.ru/blog/primenenie-tekhnologii-3d-skanirovaniya-pri-osmotre-mesta-proisshestviya> (дата обращения: 01.07.2022).
14. Емельянова Я.А., Климова Ю.Н. Безопасность цифровой экономики, современные тенденции развития судебной экспертизы на основе 3D-технологий // Аллея Науки. 2019. № 6 (33). С. 458-462. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Iyun%201%20tom.pdf (дата обращения: 01.07.2022).
15. Ильин Н.Н. Судебно-портретная идентификация человека по видеоизображениям. Методические основы: монография. М.: РГ-Пресс, 2019.
16. Селиванов Н.А. Основные проблемы криминалистической экспертизы и пути их решения // Теория и практика криминалистической экспертизы / отв. ред. Е.И. Казаков. Волгоград, 1980. С. 4.
17. ГОСТ Р ИСО / МЭК 19794-5-2013 Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными. Часть 5. Данные изображения лица. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200108287> (дата обращения: 01.07.2022).

Информация об авторах

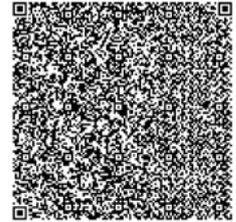
А.С. Князьков – доктор юридических наук, доцент;

В.В. Овсянников – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Information about the authors

A.S. Knyazkov – Doctor of Science (Law), Professor;

V.V. Ovsyannikov – postgraduate student.

Научная статья
УДК 343.1

**КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ
КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

Светлана Михайловна Курбатова

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения реализации прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Отмечается необходимость ее решения в контексте задач Российской Федерации как социального правового государства.

Ключевые слова: компенсаторный подход, уголовное судопроизводство, процессуальный статус, лица с ограниченными возможностями, социальное правовое государство

Для цитирования: Курбатова С.М. Компенсаторный подход к формированию и обеспечению процессуального статуса участников уголовного судопроизводства как элемент механизма реализации концепции современного социального правового государства // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 114-118.

Original article

**COMPENSATORY APPROACH TO THE FORMATION AND PROVISION
OF THE PROCEDURAL STATUS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING
THE CONCEPT OF A MODERN SOCIAL RULE OF LAW STATE**

Svetlana M. Kurbatova

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article deals with the problem of ensuring the realization of the rights of participants in criminal proceedings from among persons with disabilities. The necessity of its solution in the context of the tasks of the Russian Federation as a social legal state is noted.

Keywords: compensatory approach, criminal proceedings, participants, procedural status, persons with disabilities, social legal state

For citation: Kurbatova S.M. Compensatory approach to the formation and provision of the procedural status of participants in criminal proceedings as an element of the mechanism for implementing the concept of a modern social rule of law state. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:114-118. (In Russ.).

© Курбатова С.М., 2022

В настоящее время отмечается устойчивая общемировая тенденция к возрастанию социальной ценности права в целом и, как результат, механизмов регулирования отношений с участием лиц с ограниченными возможностями. В традиционно социальных областях, таких как здравоохранение, социальное обеспечение и образование, данные процессы протекают интенсивно и очевидно. Это стало следствием развития гуманистических идей [1-5], концепции социального государства [6, 7], закрепления новых социально значимых положений в международно-правовых нормах [8], что повлекло изменение современного понимания социальной сущности правового государства [5], находящее отражение в переосознании ценностей в социуме и основных нормативных правовых актах государств [9, 10].

Однако имеются такие сферы, как, например, уголовное судопроизводство, где подобная социальная трансформация происходит крайне медленно. Это обусловлено определенными причинами, в т.ч. принадлежностью к публичным отраслям права, императивностью правового регулирования, консервативностью и приверженностью к традиционализму и т.д. Уголовное судопроизводство представляет собой нормативно устоявшуюся универсальную системобразующую форму реализации правоотношений между участниками уголовного судопроизводства на всех его стадиях:

- возбуждение уголовного дела (или отказ в возбуждении уголовного дела);
- дознание и предварительное расследование уголовных дел;
- направление уголовного дела в суд (или прекращение производства по уголовному делу);
- принятие уголовного дела судом к своему производству и подготовка к его рассмотрению;
- рассмотрение уголовного дела по существу судом первой инстанции;
- судопроизводство в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций по жалобам на судебные решения;
- разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора.

С одной стороны, это обеспечивает стабильность реализации процедур осуществления правосудия и отражает публичный характер правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений. С другой стороны, это препятствует свободному проникновению в сферу уголовного судопроизводства новых международно-правовых социально-гуманистических идей [11], что может отрицательно сказаться на соблюдении прав лиц с ограниченными возможностями, вовлекаемых в производство по уголовному делу [12]. В частности, это касается возможностей слабослышащих полноценно воспринимать речевую

информацию, плоховидящих – лично знакомиться с материалами уголовного дела, лиц с ограниченными физическими способностями – в срок являться по вызову должностных лиц; лиц, не способных говорить, – без помощи лиц, владеющих сурдопереводом, правильно передавать информацию и т.д.

Анализ положений действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ позволяет сделать вывод о недостаточном уровне правового регулирования участия лиц с ограниченными возможностями на разных стадиях производства по уголовному делу. В Особенной части уголовного процесса, включающей досудебные и судебные стадии уголовного судопроизводства, нормы специального социального характера, закрепляющие те или иные особенности производства в отношении (или с участием) лиц, имеющих ограниченные возможности, практически содержатся лишь в нескольких статьях, расположенных в разных главах и разделах кодекса, без какой-либо единой, общей концепции:

- Обязанность следователя (дознателя) принять меры попечения о детях, об иждивенцах обвиняемого (ст. 160).

- Сохранилась и расширилась норма, что если физические недостатки или состояние здоровья препятствуют возможности участника следственного действия подписать протокол, «то ознакомление этого лица с текстом протокола производится в присутствии защитника, законного представителя, представителя или понятых, которые подтверждают своими подписями содержание протокола и факт невозможности его подписания» (ч. 3 ст. 167).

- Особенности получения вербальной информации от несовершеннолетних при их допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний (ст. 191), при том что изначально статья представляла собой достаточно простую по наличию в ней дополнительных гарантий правовую конструкцию – была отредактирована и существенно изменена лишь в 2013 г.

- Наряду с изначальными случаями обязательного производства судебной экспертизы, предусмотренными ст. 196 УПК РФ, такими как: психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его виновности или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; установление характера и степени вреда, причиненного здоровью; психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение (ко-

торые повторили ранее содержащиеся аналогичные нормы УПК РСФСР 1960 г.), в 2012 г. статья дополнена п. 3.1 «психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии)»¹ и п. 3.2 «психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией»².

Из особых производств в УПК РФ по-прежнему закреплены только два, отражающих особенности тех же категорий из числа социально уязвимых групп, которые были в УПК РСФСР:

- гл. 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», требования которой применяются к уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления 18 лет (ч. 1 ст. 420);

- гл. 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера», действующая в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение (ч. 1 ст. 433).

Вышеизложенное свидетельствует об отсутствии единого системного подхода к правовому регулированию института процессуальных участников уголовного судопроизводства, что создает угрозы для реализации его норм лицами, имеющими ограниченные возможности – физические, когнитивные, физиологические и др.

В связи с этим мы предлагаем использовать в уголовно-процессуальном праве компенсаторный подход, суть которого сводится к тому, что участникам уголовно-процессуальных отношений, которые в силу имеющихся у них ограниченных возможностей не могут надлежащим образом самостоятельно реализовывать свои права и исполнять обязанности, должны быть предоставлены процессуальные средства, с помощью которых можно компенсировать (максимально стремиться к этому) то неравное положение, в котором они оказываются по сравнению с другими участниками [13, с. 120-125].

С помощью этого подхода необходимо разрабатывать и юридически закреплять как сами процессуальные средства компенсаторного характера, так и механизм их использования в уголовном судопроизводстве, применяя его в дальнейшем уже через

правоприменительную деятельность, в т.ч. и с возложением на соответствующие органы государственной власти и их должностных лиц обязанностей по содействию его реализации. Процессуальный механизм должен содержать в себе перечень общих и специальных прав и обязанностей указанных лиц, а также гарантии их реализации. Такой подход носит компенсаторный характер, т.к. направлен на «выравнивание» положения участников с ограниченными возможностями, из-за которых они не могут самостоятельно реализовывать имеющиеся у них процессуальные права и защищать свои законные интересы.

Закрепленные в российском уголовном процессе правовые механизмы должны быть направлены на то, чтобы обеспечить всем участникам уголовного судопроизводства равные возможности на доступ к законному, равноправному и справедливому правосудию. Для достижения этого на практике, во-первых, необходимо выделить и законодательно закрепить специальную категорию участников уголовного судопроизводства – «лица с ограниченными возможностями». Это является закономерным развитием понимания сущности социального правового государства на современном этапе (к которому, согласно Конституции РФ, относится и Россия) и придания специального статуса социально уязвимой группе лиц, как это закреплено в нормах международного права [14].

Во-вторых, необходимо разработать и законодательно закрепить понятийно-категориальный аппарат, сформулировать специальные права данной группы лиц, гарантии их обеспечения и процессуальные механизмы их реализации.

В-третьих, учитывая то, что в настоящее время в науке российского уголовного процесса поднимаемый вопрос изучен недостаточно глубоко, а в действующем российском уголовном процессуальном законодательстве системно не закреплен вообще, необходимо дальнейшее его изучение с последующим дополнением Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации соответствующей специальной главой, регулирующей особенности уголовного судопроизводства с участием лиц с ограниченными возможностями. Например, 18-19 июня 2021 г. на площадке Красноярского ГАУ прошли международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход» и круглый стол, посвященный механизмам реализации прав когнитивно уязвимых участников уголовного судопроизводства. Соорганизаторами выступили: Московский институт электронной техники, Сибирский юридический институт МВД России, кафедра криминалистики Юридического института Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В ходе данных научно-прак-

¹ Введен федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ.

² Введен федеральным законом от 25.11.2013 № 313-ФЗ.

тических мероприятий, в которых приняли участие известные ученые в области уголовно-процессуального права, представители научного сообщества и правоприменительной деятельности, были обсуждены актуальные вопросы компенсаторного подхода в сфере обеспечения прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями и уголовно-процессуальных механизмов их практической реализации [15, 16].

Таким образом, речь должна идти о процессуальном механизме закрепления как особенностей процессуального статуса таких лиц, так и условий и средств его реализации на практике.

В связи с вышеизложенным полагаем, что данный процессуальный механизм компенсаторного характера должен включать:

- перечень общих и специальных прав указанных лиц, а также процессуальные гарантии их реализации (при этом на субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, реализующих государственно-властные полномочия, должна быть возложена совокупность процессуальных обязанностей, корреспондирующих этим правам);

- процессуальный порядок разрешения вопросов, связанных с обеспечением прав лиц с ограниченными возможностями;

- правовые последствия несоблюдения данных требований закона.

При этом следует осознавать возможность злоупотребления такими участниками уголовного судопроизводства своими процессуальными правами, поэтому необходимо в качестве мер, направленных на их недопущение, при разъяснении прав участников с ограниченными возможностями предупреждать их о правовых последствиях подобных злоупотреблений.

Совокупность вышеперечисленных положений, с одной стороны, направлена на обеспечение прав указанной группы участников уголовного судопроизводства, с другой стороны, призвана обеспечить легализацию уголовно-процессуальных доказательств, полученных при проведении следственных и судебных действий с участием лиц с ограниченными когнитивными возможностями в строгом соблюдении требований закона с учетом определенного комплекса мер процессуального характера.

Реализация указанных предложений будет способствовать решению задач российского уголовного судопроизводства при соблюдении прав его участников, в т.ч. лиц с ограниченными возможностями, в соответствии с положениями международного права и социальной сущностью современных социальных правовых государств.

Список источников

1. Barak Purposive interpretation in law / Transl. from the Hebrew by S. Bashi. Princeton; Oxford: Princeton univ. press, 2005.
2. Dworkin R. Taking Rights Seriously, Cambridge, 1977.
3. Kommers D.P. Constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany. 2-nd ed., rev. and expanded. Durham; London, 1997.
4. Perry M.J. The Constitution, the Courts, and Human Rights New Haven: Yale University Press, 1982.
5. Gewirth Are there any absolute rights? The philosophical quarterly. 1981. Vol. 31. № 122. P. 1-16.
6. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
7. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10.
8. Конвенция ООН «О правах лиц с ограниченными возможностями» от 13 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Бондарь Н.С. Конституция – ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий: В контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 46-58.
10. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 5. С. 5.
11. Kurbatova S.M. Formation of a cognitive approach to understanding a person with disabilities at the international legal level and its impact on national law (on the example of Russian criminal procedural legislation. Issues of Russ. and int. law, 9(8-1), 2019.
12. Шестаков В.П., Свинцов А.Н., Рочева Я.С. Социологический мониторинг соблюдения прав инвалидов в рамках Конвенции ООН о правах инвалидов // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2015. № 18 (3). С. 44-46.
13. Курбатова С.М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики: монография. Красноярск, 2021.
14. Курбатова С.М. О сущности понимания социального государства как средства обеспечения реализации правового статуса лиц с ограниченными когнитивными способностями (на примере уголовно-процессуального права) // Право и политика. 2019. № 8. С. 119-120.

15. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Красноярск, 2021. Ч. 1.

16. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Красноярск, 2021. Ч. 2.

Информация об авторе

С.М. Курбатова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S.M. Kurbatova – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ДОПУСТИМОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ И ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НА ДОСУДЕБНЫХ ЭТАПАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Алина Александровна Лукьянова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, lok_doc@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ограничением свободы и личной неприкосновенности. Указывается на регулятивную роль государства в правоограничительном процессе. Допустимость ограничения раскрывается через реализацию публичного интереса на примере сферы уголовного судопроизводства, ее досудебных этапов. Обращается внимание на одну из ключевых проблем – допустимость использования государственного принуждения до возбуждения уголовного дела. Автором анализируются материалы правоприменительной практики, зарубежный опыт. Формулируется вывод о затруднении доступа граждан к правосудию по причине отсутствия принудительного механизма, обеспечивающего своевременность и полноту уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. В заключение приводится авторское видение решения проблемы.

Ключевые слова: свобода и личная неприкосновенность, ограничение прав, уголовный процесс, уголовно-процессуальное принуждение

Для цитирования: Лукьянова А.А. Допустимость ограничения свободы и личной неприкосновенности на досудебных этапах уголовного процесса: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 119-124.

Original article

PERMISSIBILITY OF RESTRICTION OF LIBERTY AND SECURITY AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS: STATEMENT OF THE PROBLEM

Alina A. Lukyanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, lok_doc@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the restriction liberty and security of person. The regulatory role of the state in the legal process is indicated. The permissibility of the restriction is revealed through the implementation of public interest on the example of the sphere of criminal proceedings, its pre-trial stages. Attention is drawn to one of the key problems: the admissibility of the use of state coercion before initiating a criminal case. The author analyzes the materials of law enforcement practice, foreign experience. A conclusion is formulated about the difficulty of citizens' access to justice due to the lack of a compulsory mechanism that ensures the timeliness and completeness of criminal procedural activity at the stage of initiating a criminal case. In conclusion, the author's vision of solving the problem is given.

Keywords: liberty and security of person, restriction of rights, criminal procedure, criminal procedural coercion

For citation: Lukyanova A.A. Permissibility of restriction of liberty and security at the pre-trial stages of the criminal process: statement of the problem. Altai Law Journal. 2022;3:119-124. (In Russ.).

Идеал реализации свободы личности отнюдь не предполагает абсолютной ее независимости от решений и действий государственной власти. Свобода, выраженная в юридическом праве, исходя из индивидуальности ее владельца, может быть уникальной, но не является единственной в гражданском обществе. Правоотношения (аналог *situation juridique*, что в переводе с французского означает «правовая ситуация») связывают множество субъектов, имеющих разные, порой противоречащие друг другу интересы.

При этом возможность реализации свободы в беспредельном виде приводит к безоговорочному доминированию и террору со стороны более сильной личности. Поэтому в условиях противостояния вмешательство медиатора в лице государства оказывается просто необходимым, чтобы избежать анархии.

Взгляд на указанный вопрос в фокусе исторического анализа, в его онтогенезе и обращение к нормативному содержанию Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ставшей либеральным наследием Великой французской революции и закономерным предшественником демократических изменений во многих других странах, показывает, что свобода ассоциируется именно с возможностью делать то, что не наносит вреда другому (ст. 4). Важен и используемый гуманистический принцип, во-первых, определяющий взаимосвязь пределов ограничения прав и обеспечения пользования других членов общества теми же правами, а во-вторых, указывающий на регулятивную роль государства в правоограничительном процессе, т.к. указанные пределы «могут быть определены только законом» [1].

Регуляция общественных отношений среди прочего состоит в установлении пределов реализации отдельных прав и свобод, в определении общих условий их ограничения. Тем самым человек, с одной стороны, становится защищенным от произвольных действий оппонентов и вмешательства в пределы его автономии, а с другой – всем участникам общественных отношений гарантируется равная возможность пользоваться своими правами и свободами в отсутствие дискриминации.

Необходимо отметить, что российский законодатель, учитывая многообразие позиций международных актов, в т.ч. современных, но следуя национальным правовым традициям, на конституционном уровне в числе неотъемлемых декларирует право каждого на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ). Названная конституционная дефиниция в нынешней действительности является выражением «физической свободы личности», что предполагает возможность выбирать вариант поведения, руководить своими действиями и быть защищенным от внешнего вмешательства [2].

Более того, с учетом своего исторически обусловленного развития свобода и личная неприкосновенность как юридическое право устанавливают границы «физического» самоопределения личности и ее индивидуальной автономии (курсив авт. – А.Л.). Таким образом, уберегая от произвольного вмешательства со стороны самого же государства, например, в правоотношениях в сфере уголовной юстиции.

Любопытно, что в ст. 22 Конституции РФ содержится зеркальная норма, в которой как провозглашается искомое право, так и оговаривается допустимость его ограничения в интерпретации отдельных конституционных требований. Следует признать, что право на свободу и личную неприкосновенность не относится к числу неприкасаемых благ, которые не подлежат ограничению ни при каких, даже особых, обстоятельствах¹ (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Наряду с этим, формулируя конституционные императивы, законодатель использует универсальные межотраслевые понятия. К числу установлений, которые, по мнению автора, уместно определить как *правила надлежащей процедуры ограничения права* (курсив авт. – А.Л.), относятся: допустимая процессуальная форма (арест, заключение и содержание под стражей, задержание), судебный контроль, а также запрет на внесудебное ограничение путем задержания сроком свыше 48 часов.

Далее, как следует из ст. 55 Конституции РФ, федеральным законом, когда имеет место публичный интерес, могут устанавливаться самостоятельные соразмерные и необходимые ограничения свободы и личной неприкосновенности. Государственная защита прав и свобод (ст. 45 Конституции РФ) есть тот самый публичный интерес, реализуемый в уголовно-процессуальных правоотношениях и противопоставляемый интересам частным, свободе личности.

Характеризуя сущность публичного интереса и публичности уголовно-процессуальной деятельности, авторы традиционно обращаются к вопросам целеполагания. Например, А.А. Давлетов и А.С. Барабаш в качестве такой общественной потребности, на удовлетворение которой ориентирована уголовно-процессуальная деятельность, называют защиту социума от преступлений [3]. В.М. Корнуков отмечает, что «уголовный процесс был, есть и будет в первую очередь узаконенным способом (средством) борьбы с преступностью и осуществления правосудия по уголовным делам» [4].

А.В. Спиринов среди прочего включает в содержание публичного правового интереса в уголовном судопроизводстве «выполнение процессуальных действий и принятие решений в рамках уголовного судопроизводства» [5]. Совершенно обоснованно оппонирует этому мнению Э.С. Каминский, отме-

¹ В контексте чрезвычайного положения.

чая, что указанные действия «сами по себе не являются содержанием публичного интереса, а лишь средством его обеспечения» [6, с. 30]. Как полагает автор, одним из элементов содержания публичного правового интереса выступает «обеспечение режима расследования и разрешения уголовных дел, позволяющего привлекать виновных к ответственности». Ограничение прав и свобод не может служить одной только цели рациональной организации деятельности органов власти, важен социально необходимый результат, которому адекватно правоограничение [7]. Соглашаясь с мнением процессуалиста, считаем необходимым обратить внимание на вызывающую интерес, на наш взгляд, предложенную Э.С. Каминским конкретизацию применительно к досудебным стадиям.

По мнению автора, публичный правовой интерес реализуется как на стадии предварительного расследования (своевременное и обоснованное установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и входящих в предмет доказывания), так и на стадии возбуждения уголовного дела (установление необходимости (либо ее отсутствия) возбуждения уголовного дела и преследования конкретного лица).

Если интерпретировать необходимость достижения названного публичного интереса в качестве определяющего правомерность ограничения прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство и в уголовно-процессуальные правоотношения, то обнаруживается одна из центральных проблем, не теряющая своей актуальности: проблема допустимости государственного принуждения и пределов его применения в стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, в уголовно-процессуальной науке существует традиционная концепция, согласно которой положительное решение о возбуждении уголовного дела является правовой основой и необходимым условием мер уголовно-процессуального принуждения [8, с. 8; 9, с. 49-50; 10, с. 40]. Невозможность применения указанных принудительных мер предопределена самой природой первой стадии уголовного судопроизводства и является характерной чертой, отличающей ее от стадии предварительного расследования.

В то же время нельзя отрицать рациональности широкого подхода к пониманию уголовно-процессуального принуждения. Концептуально систему средств принудительного потенциала уголовного процесса, в т.ч. ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, можно рассматривать в широком и узком смыслах через меры уголовно-процессуального принуждения. С чем, если не с ограничением прав, следует сравнить обыск, в ходе которого следователь запрещает покидать место, где производится указанное следственное действие? Освидетельство-

вание, в особенности осуществляемое в принудительном порядке, предполагает вторжение в пределы телесной неприкосновенности личности. Более того, указанное следственное действие в настоящее время может проводиться до возбуждения уголовного дела.

Отметим, что в течение долгих лет предметом многочисленных научных исследований выступает и вопрос целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела в целом [11, 12, 13, 14, 15, 16]. Учитывая, что в настоящее время методологические границы проверки сообщения о преступлении существенно расширены¹, закономерными являются и соответствующие проблемы правоприменительного характера, детерминированные наличием правовой неопределенности в урегулировании оснований и процессуального порядка производства отдельных следственных и процессуальных действий, допустимых в стадии возбуждения уголовного дела.

Показательно, что количество решений об отказе в возбуждении уголовного дела, ежегодно отменяемых органами прокуратуры, исчисляется миллионами (к примеру, в 2021 г. их число составило 1 586 962, в 2020 г. – 1 809 511, в 2019 г. – 2 035 927). При этом доля возбужденных уголовных дел по результатам отмены названных постановлений не превышает и 10%, хотя с каждым годом постепенно и увеличивается (в 2019 г. – 162 445, или 8%, в 2020 г. – 165 099, или 9,1%, в 2021 г. – 155 152, или 9,8%) [17].

Обобщение изученных нами материалов правоприменительной практики свидетельствует о том, что распространенным основанием отмены прокурором решений об отказе в возбуждении уголовного дела является невыполнение в ходе проверки сообщения о преступлении всех процессуальных действий, необходимых для принятия законного решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ. Неполнота проведенной проверки сообщения о преступлении, в частности, заключается в неполучении необходимых объяснений, непроведении следственных (процессуальных) действий с участием конкретных лиц,

¹ Если УПК РСФСР в качестве средств проверки определял только истребование необходимых материалов и получение объяснений, которые должны были производиться в максимально допустимый срок 10 суток (ст. 109). И лишь в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия мог быть проведен в рамках проверки сообщения о преступлении, при этом решение о возбуждении уголовного дела при таких обстоятельствах должно было быть принято немедленно после проведения осмотра (ст. 178). С принятием УПК РФ 10-суточный срок проверки не изменился, но в проверочный инструментарий были добавлены ревизии и документальные проверки. Уже последующие изменения и дополнения УПК РФ при сохранившемся объеме процессуального принуждения сформировали новые нормы о сроках и средствах проверки сообщения о преступлении, имеющиеся в действующей редакции ст. 144 УПК РФ.

в то время как причиной тому является тривиальное нежелание¹ граждан контактировать с представителями правоохранительных органов.

Следует признать, что российское законодательство не содержит эффективного механизма, который обеспечил бы принятие предусмотренного ст. 145 УПК РФ безошибочного решения в кратчайшие сроки, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные. Должностные лица, осуществляющие проверку, не могут требовать явиться и участвовать в процессуальных действиях, использовать для этого государственное принуждение (в широком смысле), ограничивающее свободу и личную неприкосновенность.

Безусловно, ч. 4 ст. 21 УПК РФ содержит норму, согласно которой требования, а также поручения и запросы следователя (дознателя) обязательны для исполнения всеми, но необходимо конкретизировать содержание этих требований. Более того, дискуссионность вопросу предает само нахождение названного правового предписания в статье, посвященной уголовному преследованию. Требования следователя (дознателя) обязательны только при осуществлении уголовного преследования указанными лицами? Осуществляется ли уголовное преследование в стадии возбуждения уголовного дела?

Далее в ст. 144 УПК РФ отражено лишь право получать объяснения, проводить отдельные следственные (процессуальные) действия, но корреспондирующей этому праву обязанности граждан являться, давать пояснения, участвовать в следственных (процессуальных) действиях нет. Равно как и нет процессуального механизма обеспечения принудительного участия лиц, необходимых для проверки сообщения о преступлении. Правила ст. 188 УПК РФ не распространяются на стадию возбуждения уголовного дела, привод и другие меры воздействия, предусмотренные УПК РФ, использовать невозможно.

Обратившись к административному законодательству (ст. 17.7 КоАП РФ), несложно заключить, что ответственность за невыполнение законных требований следователя (дознателя) ничтожна (до 1500 рублей для граждан) [18] и в целом не решает задачу своевременного принятия решения по сообщению о преступлении. Если вырабатывать решение проблемы с ракурса полномочий полиции по вызову граждан полиции, то они ограничены материалами, относящимися только к их компетенции [19, 20].

Между тем в УПК РФ само по себе отсутствует требование о незамедлительном проведении проверки сообщения о преступлении. Законодатель ограничивается лишь указанием определенных рубежей (3,

¹ Не рассуждая о мотивах, нелишне привести в пример результаты опроса, проведенного в 2021 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения, согласно которому более одной трети россиян, к примеру, попросту не доверяют сотрудникам полиции.

10, 30 суток первоначальной проверки и 10 суток для дополнительной (в случае отмены процессуального решения) и констатацией разумности срока.

Указанные обстоятельства в отдельных случаях позволяют срокам предварительной проверки многократно превышать сроки расследования. Например, как в деле Б.А. Сотникова, согласно материалам которого период с момента обращения с заявлением о преступлении до момента возбуждения уголовного дела составил более 6 лет (с 5 июня 2009 г. по 26 ноября 2015 г.) при общем сроке предварительного расследования в 9 месяцев и 6 дней [21]. Такое положение дел попросту затрудняет доступ граждан к правосудию и защите своих прав средствами, характерными для стадии предварительного расследования. Поэтому проверка сообщения о преступлении должна проводиться в разумные сроки, но стремиться к их сокращению.

Анализируя зарубежный опыт, отметим, что законодатели дифференцированно регулируют этот вопрос. Например, в УПК Республики Армения участники процесса обязаны являться по вызову лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и подчиняться их законным распоряжениям. При этом производство по уголовному делу включает в себя и подготовку к возбуждению [22]. В тексте УПК Республики Беларусь (далее – УПК РБ) не только закреплена обязанность участников уголовного процесса «подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс», но и частично легализовано уголовно-процессуальное принуждение до возбуждения уголовного дела. Задержание и личный обыск согласно ст. 173 УПК РБ могут быть произведены при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении [23]. Законодатель Республики Казахстан (далее – РК) разрешил данную дилемму, отказавшись от стадии возбуждения уголовного дела в целом. Хотя постановления, поручения и указания следователя подлежат обязательному исполнению всеми организациями, должностными лицами и гражданами (ст. 60 УПК РК), в соответствии со ст. 179 УПК РК досудебное расследование обязательно по всем заявлениям, сообщениям об уголовных правонарушениях [24].

Любопытно в качестве примера привести опыт Эстонской Республики (далее – ЭР), в которой следователь более оперативен в своих полномочиях, он может требовать от гражданина «следовать в следственный орган» (исходя из толкования оснований привода, содержащихся в ст. 139 УПК ЭР) [25]. Мгновенные меры процессуального реагирования предусмотрены и в другом европейском государстве – Швейцарии, уголовно-процессуальный кодекс которой разрешает осуществить привод лица, если «его незамедлительное появление необходимо в интересах правосудия»

[26, с. 100-105]. При этом в Швейцарии мерами процессуального принуждения считаются все процессуальные действия государственных органов уголовного судопроизводства, которые затрагивают основные права личности, в т.ч. чтобы обеспечить участие лиц в производстве по делу [26, с. 100-105].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- свобода личности должна быть ограничена, и регулятивную роль в правоограничительном процессе имеет государство, устанавливая пределы реализации прав и общие условия их ограничения;

- сфера уголовной юстиции – одна из публично-правовых сфер, в которой реализуется публичный интерес, обуславливающий необходимость ограничения прав и свобод личности;

- свобода и личная неприкосновенность как конституционное право устанавливают границы «физического» самоопределения личности и ее индивидуальной автономии, в т.ч. от действий и решений государства;

- правовая норма, содержащаяся в ст. 22 Конституции РФ, не только декларирует право, но и определяет правила надлежащей процедуры ограничения права, в частности, в сфере уголовного судопроизводства;

- уголовно-процессуальное принуждение, ограничивающее свободу и личную неприкосновенность, можно рассматривать не только в узком смысле через меры, регламентированные главами 12-14 УПК РФ, но и в широком – как любые процессуальные действия (решения), затрагивающие указанное право;

- оценка допустимости ограничения свободы и личной неприкосновенности в ракурсе публичного интереса, реализуемого на досудебных этапах уголовного процесса, позволяет назвать процессуальную дилемму о допустимости ограничения свободы и личной неприкосновенности в стадии возбуждения уголовного дела путем применения государственно-го принуждения;

- правовым последствием неурегулированности средств проверки в условиях расширения методо-

логических границ стадии возбуждения уголовного дела является отмена процессуальных решений и увеличение сроков проверки, что затрудняет доступ граждан к правосудию и защите своих прав средствами, характерными для стадии предварительного расследования;

- в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует механизм, который бы позволял должностным лицам, осуществляющим проверку сообщений о преступлениях, требовать от граждан явиться и участвовать в процессуальных действиях, использовать для этого государственное принуждение, ограничивающее свободу и личную неприкосновенность.

В заключение осмелимся утверждать, что решение приоритетной задачи начальной стадии уголовного процесса в ряде случаев просто невозможно без принудительного потенциала публично-правовой деятельности. Полагаем, что процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, основанное на достаточности данных о признаках преступления, не должно восприниматься в качестве минимального условия использования государственного принуждения в целом. Бесспорно, для уже имеющихся в разделе 4 УПК РФ мер отмена названного процессуального условия влечет за собой размывание границ стадии предварительного расследования. Но отчасти решение проблемы обеспечения своевременности и полноты уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой с целью принятия законного и обоснованного итогового процессуального решения по результатам проверки сообщения о преступлении, заключается именно в признании допустимости использования некоего объема государственного принуждения, ограничивающего свободу и личную неприкосновенность. Такое признание может быть выражено в закреплении в тексте ст. 144 УПК РФ полномочия должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, требовать от граждан безотлагательно участвовать в процессуальных действиях, а в случае отказа проводить необходимые процессуальные действия принудительно.

Список источников

1. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. URL: <http://larevolution.ru/declaration.html> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Лукьянова А.А. Конституционно-правовое понимание права на свободу и личную неприкосновенность и его значение в уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 139-144.
3. Давлетов А.А., Барабаш А.С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 125-136.
4. Корнуков В.М. Назначение уголовного судопроизводства и его отражение в регламентации отдельных стадий и институтов // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: мат-лы научной конф-ции (Москва, 22-23 января 2002 г.). М., 2002. С. 56-57.
5. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 91-104.

6. Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
7. По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань: Изд-во Казанского университета, 1981.
9. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975.
10. Корнуков В.М. Меры уголовного процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.
11. Азаров В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13-17.
12. Гаврилов Б.Я. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса: нужна ли она российскому предварительному расследованию и в каком виде? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4 (14). С. 86-90.
13. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-59.
14. Логунов О.В., Умнов С.П., Кутуев Э.К. О необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 7-10.
15. Николук В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.
16. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 133-139.
17. Из официальных данных Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2022).
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
19. Вопросы организации полиции [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 250. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. URL: <http://parliament.am/> (дата обращения: 10.02.2022).
23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: <https://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks/> (дата обращения: 10.02.2022).
24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 10.02.2022).
25. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. RT I 2003, 27, 166. URL: <http://parliament.am/> (дата обращения: 10.02.2022).
26. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. 224 с.
27. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.985.7

ТАКТИКА ДОПРОСА МАЛОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ

Александра Андреевна Ручина

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, alzaa91@yandex.ru

Аннотация. Намечившаяся в России тенденция к росту числа преступлений, совершенных в отношении детей дошкольного и младшего школьного возраста, требует от представителей научного сообщества разработки наиболее эффективных способов действий и линии поведения при производстве процессуальных мероприятий с данными участниками уголовного судопроизводства. В статье рассматриваются тактические особенности производства допроса малолетнего потерпевшего, приводятся тактические приемы и рекомендации в зависимости от сложившейся в процессе предварительного расследования ситуации.

Ключевые слова: малолетний потерпевший, тактика допроса, тактические приемы, психологический контакт

Для цитирования: Ручина А.А. Тактика допроса малолетних потерпевших // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 125-129.

Original article

TACTICS OF INTERROGATION OF MINOR VICTIMS

Alexandra A. Ruchina

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, alzaa91@yandex.ru

Abstract. The emerging trend in Russia towards an increase in the number of crimes committed against children of preschool and primary school age requires representatives of the scientific community to develop the most effective methods of action and behavior in the production of procedural measures with this participant in criminal proceedings. The article discusses the tactical features of the interrogation of a minor victim, provides tactical techniques and recommendations depending on the situation that has developed during the preliminary investigation.

Keywords: minor victim, interrogation tactics, tactical techniques, psychological contact

For citation: Ruchina A.A. Tactics of interrogation of minor victims. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;3:125-129. (In Russ.).

В криминалистике совершенно обоснованно уделяется особое внимание тактике допроса потерпевших, поскольку данное следственное действие характеризуется достаточно большими познавательными возможностями и вследствие этого является самым распространенным способом сбора доказательств по уголовному делу. Вместе с тем допрос потерпевшего – это трудоемкое следственное действие, требующее от следователя не только знаний норм уголовно-процессуального законодательства, но и знаний в области психологии и криминалистической тактики.

Анализ статистических данных о состоянии преступности в России свидетельствует об активном вовлечении несовершеннолетних в уголовно-процессуальную сферу. Несовершеннолетние становятся участниками уголовно-процессуальных правоотношений как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. При этом стоит отметить, что если уровень преступности несовершеннолетних значительно снижается (с 2015 г. на 15%) [1], то количество преступлений, совершенных в отношении детей, растет. Так, по данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2015 г. было возбуждено 18 370 уголовных дел рассматриваемой категории, а в 2020 г. – уже 22 004 [2].

Совершение преступлений против несовершеннолетних представляет собой повышенную опасность, провоцирует общественный резонанс, характеризуется особым цинизмом и жестокостью, что свидетельствует о моральной деградации вовлеченных в эти деяния лиц [3, с. 69]. Значительную долю уголовных дел, в которых потерпевшим признан несовершеннолетний, занимают уголовные дела о преступлениях, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности. По данным преступлениям потерпевшими часто становятся малолетние – дети дошкольного и младшего школьного возраста. Так, в январе 2022 г. в г. Костроме двое мужчин похитили пятилетнюю девочку, изнасиловали ее и убили [4]. В это же время в г. Красноярске неизвестный мужчина проследовал за семилетней девочкой в подъезд, где совершил в отношении нее иные действия сексуального характера, после чего скрылся с места происшествия [5]. Показания потерпевшего по данной категории уголовных дел характеризуются особой уголовно-процессуальной ценностью и играют важную роль в достижении истины по уголовному делу, поскольку зачастую только от потерпевшего можно получить сведения о месте, времени, способе совершения преступления, а также о личности преступника.

В уголовно-процессуальном законе не содержится положений о том, с какого возраста может быть допрошен несовершеннолетний, что породило оживленную дискуссию в научном сообществе. Рас-

сматривая психологические проблемы допроса малолетних, З.А. Балтыкова выделяет четыре возрастных группы несовершеннолетних: дошкольный возраст (3-7 лет), возраст младшей школы (7-11 лет), возраст средней школы (11-14 лет) и возраст старшей школы (14-18 лет). Давая психологическую характеристику детей дошкольного возраста, она отмечает, что в этом возрасте ребенок имеет небольшой словарный запас, не понимает значения всех слов и с трудом может самостоятельно составить логический и структурный рассказ [6, с. 88]. Профессор Н.И. Порубов, напротив, полагает, что уже в дошкольном возрасте дети способны осмысливать происходящее, запоминать и логически воспроизводить увиденное событие в устной речи [7, с. 145]. Анализируя приведенные точки зрения, следует отметить, что в психологии в рамках дошкольного возраста в зависимости от уровня развития когнитивной сферы выделяют два периода: 3-5 лет и 5-7 лет. Как отмечает Е.Ю. Родина, в первый период дошкольного возраста способность к структурному и логически связному повествованию только начинает формироваться, к шести годам ребенок уже способен, используя взаимосвязанные предложения, описывать события, произошедшие с ним в прошлом [8, с. 144]. В поддержку данного мнения приведем пример из правоприменительной практики. В 2014 году по факту изнасилования малолетней было возбуждено уголовное дело. В ходе допроса девочка смогла достаточно подробно описать внешность напавшего на нее мужчины, а также его автомобиль, в котором находилась пачка сигарет, женские туфли и играла одна и та же песня. На основании ее показаний следователи смогли быстро установить подозреваемого и доказать его причастность к совершению преступления [7, с. 2].

Относительно рассматриваемого вопроса в научной среде также имеет место мнение о возможности допроса ребенка и в более раннем возрасте. Например, по мнению профессора В.Г. Власенко, учитывая наметившуюся тенденцию к акселерации несовершеннолетних, их допрос возможно проводить уже в возрасте 1 года и 7 месяцев [9, с. 60-61]. Действительно, в психологии считается, что в период раннего детства появляются первые признаки понимания и использования устной речи, развитие активной речи и ее оформление. В возрасте 1,5-3 лет ребенок уже может вспомнить события, которые произошли с ним в прошлом [8, с. 143-144]. При этом важно помнить, что психологический возраст ребенка лишь условно связан с его физическим возрастом. Исходя из этого, думаем, что возможность производства допроса малолетнего потерпевшего необходимо рассматривать в каждом конкретном случае отдельно, учитывая при этом уровень развития допрашиваемого и характеристику фактических обстоятельств, являющихся предметом допроса.

Многими авторами и практическими работниками отмечается повышенная сложность проведения допроса малолетнего участника уголовно-процессуальных правоотношений, связанная с возрастными, нравственно-психологическими особенностями личности – эмоциональностью, внушаемостью, склонностью к фантазированию и лжи, желание подражать и заслужить одобрение взрослых, а также способность забывать травмирующие события, которые с ними произошли. Из числа опрошенных сотрудников правоохранительных органов 43% отмечают нежелание ребенка идти на контакт со следователем, еще 35% сталкиваются с богатым воображением несовершеннолетних и склонностью к преувеличению. Так, по уголовному делу об изнасиловании малолетней в ходе допроса подозреваемого следователями было установлено наличие еще одной жертвы преступления, которая замкнулась в себе и долгое время отказывалась сообщать какую-либо информацию сотрудникам правоохранительных органов [10, с. 11]. В таких непростых условиях допроса в целях достижения истины по уголовному делу следователю необходимо использовать наиболее рациональные, эффективные и целесообразные способы собирания доказательств, к числу которых относят тактико-криминалистические приемы и рекомендации.

В числе общих тактических рекомендаций можно назвать проведение допроса в спокойной и знакомой для ребенка обстановке, например по месту жительства потерпевшего, в детском саду или школе в кабинете психолога. Разговор с ребенком на понятном для него языке, использование простых слов, спокойный тон, сочувствие, внимательность и терпение позволят установить психологический контакт с ребенком и достигнуть целей производства следственного действия.

Для удобства восприятия и систематизации тактических приемов и рекомендаций предлагаем рассмотреть их в зависимости от проблемной ситуации, с которой следователь столкнулся при производстве допроса малолетнего потерпевшего.

Первая ситуация – малолетний потерпевший замкнулся в себе и отказывается давать показания. В данном случае, полагаем, эффективным будет изучить личность допрашиваемого, узнать о его увлечениях, страхах, темпераменте, используя эти знания, наладить психологический контакт. В налаживании контакта следователя с малолетним потерпевшим могут помочь его законные представители, которые путем ведения непосредственной доброжелательной беседы со следователем до начала допроса в присутствии ребенка помогут ему раскрепоститься и расположить его к следователю. Кроме того, законный представитель может оказать помощь должностному лицу и в ходе рабочего этапа допроса, задавая

предварительно обсужденные и намеченные следователем вопросы своему ребенку. В такой ситуации следователю следует действовать с особой осторожностью, чтобы не допустить нежелательного воздействия родителей на малолетнего потерпевшего и, как следствие, не получить недостоверные сведения.

В случаях, когда первоначальный допрос малолетнего потерпевшего не дал ожидаемых результатов, целесообразно провести повторный допрос. Приведем пример по аналогии со свидетелем. В ходе расследования по уголовному делу о причинении матерью смерти по неосторожности своей малолетней дочери только младший брат потерпевшей мог предоставить значимую для следствия информацию об обстоятельствах совершения преступления. Первоначальный допрос был безрезультативным. По истечении определенного времени следователь пригласил малолетнего свидетеля на повторный допрос, в ходе которого младший брат потерпевшей пояснил, что, когда его мать и старшая сестра находились на веранде, он слышал крик сестры. Это позволило следователю подтвердить, что подозреваемая находилась рядом с потерпевшей в момент получения последней травмы [11, с. 29].

Иногда при допросе малолетнего потерпевшего следует отказаться от стадии свободного рассказа, например, когда ребенок напуган, стесняется, зажат. В такой ситуации разумно сразу перейти к вопросно-ответной стадии, в которой желательнее задавать ребенку вопросы, требующие однозначного ответа – да, нет. Или вовсе использовать способы невербальной коммуникации, например кивок или мотание головой. Следует отметить, что к выбору тактического приема необходимо подходить индивидуально, исходя из возраста, уровня развития и темперамента ребенка.

Вторая ситуация – малолетний потерпевший не помнит, что с ним произошло. Это может быть связано с тем, что дети дошкольного возраста склонны искоренять из своего сознания негативные события или заменять их другими позитивными воспоминаниями. В настоящее время специалисты доказали, что яркие нестандартные события дети помнят лучше, чем повседневные, поэтому произошедшие события можно оживить в памяти ребенка. Для этого можно использовать метод погружения и провести допрос малолетнего потерпевшего на месте совершения события или в другой обстановке, но с использованием отдельных объектов, имеющих отношение к совершению преступления. При этом важно выбрать наиболее осторожный и бережный подход к ребенку, не усугубив его психологическую травму.

Третья ситуация – ребенок сталкивается с трудностями в описании события преступления, пред-

метов, имеющих значение для расследования по уголовному делу, признаков внешности преступника и др. Такие случаи в правоприменительной практике встречаются довольно часто, и связано это с возрастными особенностями, уровнем развития допрашиваемого ребенка, а также с его эмоциональным состоянием. В сложившихся обстоятельствах возможно использовать метод сравнения, когда ребенок проводит аналогию предмета с тем, который он знает или наблюдал ранее. Например, по факту изнасилования малолетней потерпевшей описывала внешность преступника относительно внешних признаков своего отца. Девочка смогла указать предполагаемый возраст преступника (35 лет относительно возраста отца), его рост, описать цвет его глаз, длину и цвет волос, его одежду. Данные показания потерпевшей позволили оперативно составить фоторобот предполагаемого преступника [12, с. 34].

Среди тактических приемов здесь также можно назвать собственноручное составление потерпевшей схемы места происшествия или его рисунок. Так, в ходе предварительного следствия в целях установления места совершения преступления следователь попросил малолетнюю потерпевшую нарисовать схему места, где на нее напал преступник. После допроса был произведен осмотр места происшествия

совместно с малолетней потерпевшей, по результатам которого следователь убедился в правдивости показаний девочки [10, с. 1-2].

Еще одним тактическим приемом можно считать демонстрацию объектов в натуре или изображенных на картинках. Например, по вышеуказанному уголовному делу в целях установления марки автомобиля, на котором преступник увез девочку в лес с целью изнасилования, следователь в ходе осмотра демонстрировал разные модели автомобилей. В одном из них по значку Honda, расположенному на передней части автомобиля, она узнала автомобиль, аналогичный автомобилю ее похитителя.

Таким образом, можно говорить о том, что допрос потерпевших дошкольного и младшего школьного возраста может быть довольно результативным следственным действием, способствующим достижению задач уголовного судопроизводства. При выборе тактического приема следователю необходимо учитывать психофизиологические особенности малолетнего потерпевшего, душевное потрясение, возбуждение, страх ребенка от совершенного в отношении него преступления, при этом важно соблюдать не только нормы уголовно-процессуального законодательства, но и нравственные принципы, стремясь уберечь потерпевшего от новых моральных страданий и переживаний.

Список источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации в январе-ноябре 2021 года // ГИАЦ МВД России. URL: <http://мвд.пф/folder/101762> (дата обращения: 03.01.2022).
2. URL: <https://clck.ru/VC3xJ> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Ханова З.Р. Общий анализ преступлений против несовершеннолетних // Бизнес в законе. 2015. № 2. С. 69-70.
4. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/12/obvinenie/> (дата обращения: 15.01.2022).
5. URL: <https://krk.sledcom.ru/news/item/1647538/> (дата обращения: 15.01.2022).
6. Балтыкова З.А. Психологические основы допроса малолетних свидетелей и потерпевших // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 87-91.
7. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1998. 208 с.
8. Родина Е.Ю. Психологические особенности малолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 143-146.
9. Власенко В.Г. Психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. 1982. № 4. С. 60-61.
10. Свириденко А.Ю. Тщательная фиксация примет внешности преступника и его автомобиля на первоначальном этапе расследования, а также своевременное изъятие одежды потерпевших позволили установить виновного, совершившего 4 эпизода общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, в отношении малолетних девочек в разных районах края // Бюллетень о положительном опыте расследования тяжких и особо тяжких преступлений в ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия. 2020. № 2. С. 1-37.
11. Мельберг Н.В., Коврижкин Д.В. Следствием изобличена мать, умышленно вылившая кипяток на малолетнюю дочку ради получения социального пособия по инвалидности и утверждавшая, что это произошло в результате ее собственной неосторожности // Бюллетень о положительном опыте расследования тяжких и особо тяжких преступлений в ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия. 2019. № 3. С. 27-45.

12. Мухуева М.Е., Логинов А.М., Купцов А.А. Пример положительного использования возможностей средств видеофиксации для установления автотранспорта преступника, совершившего иные действия сексуального характера в отношении малолетней девочки // Бюллетень о положительном опыте расследования тяжких и особо тяжких преступлений в ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия. 2020. № 4. С. 32-54.

Информация об авторе

А.А. Ручина – кандидат юридических наук.

Information about the author

A.A. Ruchina – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.1

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вячеслав Викторович Солодовник

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Мурино, Россия,
slaviik_bel@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуется сущность судебного разбирательства, проводимого в заочной форме по уголовному делу; поднимается вопрос о возможности рассмотрения данного производства как самостоятельного уголовно-процессуального института; предлагается дополнить перечень оснований заочного судебного разбирательства основанием, связанным с фактом наступления смерти подсудимого (обвиняемого), при необходимости проведения дальнейшего разбирательства для реабилитации последнего. Также выделены необходимые условия для применения данного основания. Рассмотрена последовательность действий, которые необходимо выполнить для применения заочной процедуры разрешения уголовного дела. Обоснована необходимость включения учета интересов потерпевшего как дополнительного условия заочного судебного разбирательства для более быстрого восстановления прав последнего.

Ключевые слова: уголовное дело, суд, отсутствие подсудимого, заочное производство, упрощенная форма, исключительность случаев

Для цитирования: Солодовник В.В. О некоторых проблемах заочного судебного разбирательства по уголовным делам // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 130-135.

Original article

ABOUT SOME PROBLEMS OF ABSENTEE TRIAL IN CRIMINAL CASES

Vyacheslav V. Solodovnik

Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Murino, Russia, slaviik_bel@mail.ru

Abstract. This article examines the essence of a trial conducted in absentia in a criminal case; raises the question of the possibility of considering this proceeding as an independent criminal procedure institution; it is proposed to supplement the list of grounds for a trial in absentia with a ground related to the fact of the death of the defendant (accused) if further proceedings are necessary for the rehabilitation of the latter. The necessary conditions for the application of this foundation are also highlighted. The sequence of actions that must be performed to apply the correspondence procedure for resolving a criminal case is considered. The necessity of including consideration of the interests of the victim as an additional condition of the trial in absentia for faster restoration of the rights of the latter is substantiated.

Keywords: criminal case, court, absence of the defendant, correspondence proceedings, simplified form, exclusivity of cases

For citation: Solodovnik V.V. About some problems of absentee trial in criminal cases. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;3:130-135. (In Russ.).

© Солодовник В.В., 2022

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве объективно закреплён порядок заочного рассмотрения уголовных дел, который имеет некоторые признаки правовой обособленности. Но, как правильно пишет Е.К. Азарова, в настоящее время «заочное судебное производство проходит через процесс формирования и преобразования в качестве будущего процессуального института российского уголовного судопроизводства, что требует дальнейшего научного нормативного совершенствования и преобразования из вида производства в отдельный институт уголовного процесса» [1, с. 12-13]. Мы поддерживаем точку зрения Е.С. Азаровой и считаем, что заочный порядок рассмотрения уголовных дел пока сложно назвать уголовно-процессуальным институтом, и говорить о его самостоятельности представляется пока преждевременным, т.к. нормы, содержащие правила рассмотрения уголовных дел в заочном порядке, должным образом не сгруппированы и хаотично разбросаны по действующему УПК РФ. Это указывает на незавершённость и неполноту данного уголовно-процессуального института.

При сравнении рассматриваемых норм с гражданским процессуальным законодательством установлено, что в последнем случае заочное судебное производство не просто встречается в научных работах, но и имеет соответствующее правовое закрепление в виде отдельной главы Гражданского процессуального кодекса РФ. А в действующем УПК РФ не закреплено даже определение понятия «заочное судебное разбирательство» или «заочный приговор». Однако данные понятия, несмотря на отсутствие их должного закрепления в законе, все же имеют широкое распространение в теории уголовного процесса и используются для обозначения производства по уголовному делу в суде при отсутствии самого подсудимого, выступающего центральной фигурой уголовного преследования. Мы считаем, что все процедуры и явления надо называть своими именами, которые должны быть общепринятыми и точно отражать их сущность. В УПК РФ законодатель указывает на порядок производства по уголовным делам «в отсутствие обвиняемого (подсудимого)» (ч. 5 ст. 108, ч. 13 ст. 109, ч. 3 ст. 234 УПК РФ). Представляется более целесообразным назвать данную процедуру заочным судебным разбирательством.

Содержание слова «заочный» определено толковыми словарями следующим образом. Д.Н. Ушаков пишет: «Заочный – происходящий в отсутствие того лица, которое имеет отношение к действию» [2]. Примерно таким же образом даёт определение данного понятия С.И. Ожегов: «Заочный – происходящий, совершающийся в отсутствие заинтересованного лица» [3]. Из указанных определений следует, что понятие заочного судебного разбирательства

может охватывать не только процедуру, при проведении которой отсутствует подсудимый, но также и отсутствие любого из заинтересованных участников уголовного процесса (например, потерпевшего, гражданского истца и т.д.). Но следует иметь в виду, что вышеуказанное понимание заочного характера судебного разбирательства приведено в широком смысле, когда заочный характер судебного разбирательства рассматривается применительно к каждому участнику уголовного процесса и может считаться как заочный относительно любого из участников уголовного судопроизводства. Однако мы считаем, что в процессе доказывания центральное место занимает процессуальная фигура обвиняемого (подсудимого), и большинство проблемных вопросов связано как раз с участием данного участника уголовного процесса. Поэтому для более точного понимания сущности заочного судебного разбирательства представляется необходимым указать именно на отсутствие подсудимого как на факт, при наличии которого такое разбирательство будет считаться заочным.

подавляющее большинство ученых-процессуалистов также связывают заочное судебное разбирательство только с отсутствием подсудимого [4, 5, 6]. С такой точкой зрения мы полностью согласны, потому что иное понимание может окончательно запутать правоприменителя или дать возможность совершения различных злоупотреблений. В результате предлагаем считать, что отсутствие любого другого участника судебного разбирательства (кроме подсудимого) не будет придавать судебному разбирательству заочный характер.

В частях 4, 5 ст. 247 УПК РФ закреплены, соответственно, два основания заочного судебного разбирательства при отсутствии подсудимого. Для каждого из указанных оснований законодатель определил необходимые условия, при соблюдении которых уголовное дело может быть рассмотрено в заочном порядке.

Данную особенность отметил А.А. Казаков, который указал, что «нормы закона фактически регламентируют два различных вида заочного производства» [7, с. 44].

О.В. Волынская и О.Н. Грашичева также считают, что «в настоящее время судебное разбирательство, помимо традиционной формы, имеет и два особых порядка принятия судебного решения» [8, с. 85].

Мы не можем полностью согласиться с вышеуказанными утверждениями, потому что, на наш взгляд, законодатель указал только два разных основания применения заочного судебного разбирательства. Это обусловлено характеризующими их индивидуальными признаками, объединяющими условия и процессуальный порядок применения.

Первое основание для заочного судебного разбирательства закреплено в ч. 4 ст. 247 УПК РФ и может быть применено при соблюдении следующих условий: 1) категория преступления, по факту которого рассматривается уголовное дело, ограничена средней тяжестью; 2) поступление ходатайства от подсудимого о рассмотрении дела в заочном порядке.

Второе основание закреплено в ч. 5 ст. 247 УПК РФ. В качестве условий применения данного основания можно назвать следующие: 1) категория преступления – не ниже тяжкого; 2) факт отсутствия подсудимого в Российской Федерации и (или) факт сокрытия от суда (уклонения от явки); 3) отсутствие привлечения к ответственности правоохранительными органами иностранного государства по данному делу; 4) обязательное участие защитника (защитников) подсудимого; 5) исключительность случаев, при наступлении которых уголовное дело может быть рассмотрено судом заочно.

Также следует обратиться к мнению А.В. Кищенко, который в результате анализа п. 4 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 414 УПК РФ отметил, что «заочное судебное разбирательство возможно по делам о преступлениях любой тяжести в отношении умершего обвиняемого (подсудимого), если производство по уголовному делу необходимо для его реабилитации» [9, с. 148-149]. Мы полностью поддерживаем данную точку зрения и считаем, что это еще одно основание для рассмотрения уголовного дела судом заочно, потому что подсудимый не сможет при этом участвовать. Условиями для применения данного основания рассмотрения судом уголовного дела заочно являются: 1) факт смерти подозреваемого, обвиняемого или подсудимого; 2) отсутствие согласия близких родственников покойного на прекращение уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [10]; 3) необходимость реабилитации умершего.

С.И. Викторский писал, что «не могут почитаться как заочные приговоры, если подсудимого удалят из зала заседания ввиду его поведения, мешающего правильному течению судебного следствия» [11, с. 178]. Данная точка зрения представляется нам правильной, и мы полностью ее поддерживаем, потому что отсутствие подсудимого в этом случае носит временный характер, т.к. через некоторое время он может вернуться в судебное заседание и восполнить с помощью защитника то, что было им пропущено, а также при необходимости задать вопросы лицам, которые дали в это время показания.

Г.Ю. Анисимова пишет, что «при рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого на первый план выходит вопрос о соблюдении его прав и законных интересов, предусмотренных как международными нормами права, так и национальным законодательством» [12, с. 168]. С данной точкой зре-

ния нельзя не согласиться, но следует добавить, что обеспечение прав подсудимого напрямую связано с неукоснительным соблюдением условий заочного судебного разбирательства, которые, на наш взгляд, нуждаются в некотором изменении. В связи с этим представляется необходимым перейти к рассмотрению ряда проблем в определении условий, необходимых для заочного судебного разбирательства.

Прежде всего обращает на себя внимание закрепление в ч. 5 ст. 247 УПК РФ условия проведения заочного разбирательства, связанного с исключительным характером случая, при котором возможно такое разбирательство. При этом никаких пояснений по поводу определения данной исключительности законодатель не дает и ее признаки не определяет. В результате все это в совокупности обуславливает вероятность появления случаев расширительного толкования данной категории, что может повлечь за собой негативные последствия в виде процессуальных злоупотреблений своими полномочиями некоторыми должностными лицами с последующим нарушением прав участников уголовного процесса. Данные негативные последствия могут являться результатом неправильного толкования возможности рассмотрения уголовного дела в заочном формате, в связи с чем возникает необходимость определения, что следует понимать под исключительными случаями.

Одни ученые-процессуалисты полагают, что «невозможность рассмотреть дело с участием подсудимого и связанная с этим возможность утраты доказательств, смерти свидетелей, потерпевших, невыдачи подсудимого иностранным государством уже сами по себе являются исключительным случаем» [13, с. 16-18]. Другие считают, что «об исключительности случаев могут свидетельствовать характер совершенного преступного деяния, его квалификация, направленность противоправных действий и распространение негативных последствий, личность подсудимого (обвиняемого), а также невозможность обеспечения явки подсудимого» [14, с. 126]. Представляется, что к случаям, имеющим исключительный характер, следует отнести ситуации, при которых установлена невозможность обеспечить явку подсудимого в суд для рассмотрения уголовного дела.

Верховный Суд РФ также обратил внимание на исключительность данных случаев только «тогда, когда явку подсудимого не представилось возможным обеспечить иными средствами – розыском, в том числе международным, процедурой выдачи и пр.» [15, с. 147].

Следует признать, что в настоящее время имеется некоторая неопределенность в понимании исключительности рассматриваемых случаев, что препятствует единообразному применению данных процессуальных норм на практике. Даже Верховный Суд РФ

оставляет возможность для расширительного толкования исключительности таких случаев. В связи с изложенным альтернативным выходом из данной ситуации можно считать как четкое установление в уголовно-процессуальном законе случаев, носящих исключительный характер, так и исключение из ч. 5 ст. 247 УПК РФ данного условия. В пользу последнего решения П.С. Бадяева справедливо пишет, что необходимо исключить из ч. 5 ст. 247 УПК РФ словосочетание «в исключительных случаях», чтобы не ограничивать возможности по индивидуальному регулированию конкретных общественных отношений, связанных с проведением заочного судебного разбирательства [16, с. 97].

Необходимо также представить разработанный нами алгоритм действий, которые необходимо выполнить для рассмотрения уголовного дела заочно, когда подсудимый скрылся (ч. 5 ст. 247 УПК РФ):

1) должным образом уведомить подсудимого о необходимости явки в суд;

2) организовать и произвести привод в отношении подсудимого, не явившегося в суд без уважительных причин, которые не признаны судом вынужденными;

3) поступление в суд рапорта судебного пристава о том, что осуществить привод не представляется возможным, т.к. неизвестно, где находится подсудимый;

4) допрос судом родственников и близких лиц подсудимого о возможности прибытия последнего в суд, месте его возможного нахождения и причинах сокрытия от суда.

Представляется, что выполнение данных действий поможет суду разобраться в причинах отсутствия подсудимого и обеспечит законное применение норм заочного порядка судебного разбирательства.

В первом основании, которое закреплено в ч. 4 ст. 247 УПК РФ, законодатель прямо указал условия проведения заочного разбирательства, которые в целом понятны правоприменителю и не нуждаются в разъяснении. Однако за пределами правового регулирования в соответствии с данным основанием остались случаи, когда подсудимый уклоняется от явки в суд. Представляется, что в данном основании необоснованно не указано такое обстоятельство, как учет интересов потерпевшего, и последнее не предусмотрено как условие судебного разбирательства в заочной форме. Так, в случае принятия решения о приостановлении уголовного дела в связи с нахождением подсудимого за границей или сокрытием его от суда факт приостановления дела отражается негативно, прежде всего, на обеспечении прав потерпевшего, которые не могут быть своевременно восстановлены, а интересы соблюдены. В этом случае ускорение рассмотрения уголовного дела соответствует интересам потерпевшего.

По этому поводу Конституционный Суд РФ отметил, что защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений небольшой или средней тяжести, когда подсудимый скрылся от суда, должна быть реализована путем эффективного розыска подсудимого и применения к нему мер процессуального принуждения, что одновременно позволяет не допустить продолжения им преступной деятельности, а значит, обеспечить защиту имеющихся и потенциальных потерпевших от преступных посягательств [17].

Во втором основании, даже при отсутствии прямого указания на данное условие (учет интересов потерпевшего), оно все равно вытекает из практики применения положений ч. 5 ст. 247 УПК РФ, потому что потерпевшему может быть своевременно возмещен ущерб, причиненный незаконными действиями подсудимого. Вместе с тем не стоит забывать и о публичных интересах, потому что в отдельных случаях их может обеспечить только очное судебное разбирательство по уголовному делу, т.к. при его проведении в заочном порядке риск нарушения прав подсудимого существенно увеличивается. В связи с этим представляется целесообразным учитывать также мнение государственного обвинителя при решении вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела заочно.

В результате рассмотрения проблем, возникающих при применении заочного порядка разрешения уголовных дел, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время заочное судебное разбирательство нельзя назвать самостоятельным уголовно-процессуальным институтом, т.к. нормы, содержащие правила рассмотрения уголовных дел в заочном порядке, должным образом не сгруппированы и хаотично разбросаны по действующему УПК РФ.

2. Дефиниция «судебное разбирательство в отсутствие подсудимого» не отражает в полной мере вкладываемый в нее смысл заочного порядка рассмотрения уголовного дела, поэтому считаем необходимым назвать данную процедуру заочным судебным разбирательством и применять ее исключительно к случаям отсутствия подсудимого, а не других участников уголовного процесса.

3. Дополнительным основанием заочного судебного разбирательства по ч. 2 ст. 414 УПК РФ можно считать факт смерти обвиняемого (подсудимого), когда требуется реабилитация последнего.

4. Предложен перечень условий для применения заочного порядка разрешения уголовного дела судом при применении основания, связанного со смертью обвиняемого (подсудимого), когда необходима реабилитация последнего: 1) факт смерти подозреваемого, обвиняемого или подсудимого; 2) отсутствие согласия близких родственников покойного на пре-

кращение уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ;
3) необходимость реабилитации умершего.

5. Для устранения неопределенности в понимании исключительности случаев, указание на которые имеется в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, предлагаются два альтернативных выхода из данной ситуации: конкретизировать случаи, которые необходимо считать исключительными, или убрать вообще данное условие (исключительность случаев) из ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

6. Разработан алгоритм действий, которые необходимо выполнить для рассмотрения уголовного дела заочно, когда подсудимый скрылся (ч. 5 ст. 247 УПК РФ):

- 1) должным образом уведомить подсудимого о необходимости явки в суд;
- 2) организовать и произвести привод в отношении подсудимого, не явившегося в суд без уважи-

тельных причин, которые не признаны судом вынужденными;

3) поступление в суд рапорта судебного пристава о том, что осуществить привод не представляется возможным, т.к. неизвестно, где находится подсудимый;

4) допрос судом родственников и близких лиц подсудимого о возможности прибытия последнего в суд, месте его возможного нахождения и причинах сокрытия от суда.

7. В целях обеспечения прав и законных интересов потерпевшего необходимо предусмотреть в качестве условия заочного судебного разбирательства учет интересов потерпевшего, потому что в случае приостановления уголовного дела данное решение негативно отражается прежде всего на возможности восстановления прав потерпевшего.

Список источников

1. Азарова Е.С. Судебное усмотрение при заочном производстве по уголовным делам // *Universum: Экономика и юриспруденция: электронный научный журнал*. 2014. № 12-13. URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/1849> (дата обращения: 06.03.2022).
2. Толковый словарь Ушакова Д.Н. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/809002> (дата обращения: 03.02.2022).
3. Толковый словарь Ожегова С.И. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/заочный> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Гаврилов Б.Я. Соответствуют ли процессуальные формы предварительного расследования требованиям судопроизводства в Российской Федерации? // *Государство и право*. 2020. № 4. С. 87-95.
5. Великая Е.В. Заочное судебное разбирательство по уголовным делам: перспективы развития // *Наука на службе Закону: сборник мат-лов научно-практ. конф-ции (Москва, 30 мая 2018 г.)*. М., 2018. С. 350-358.
6. Минкова А.В. Правовое регулирование института заочного производства в уголовном процессе // *Совершенствование конституционной материи и защита прав граждан и юридических лиц: сборник мат-лов национальной научно-практ. конф-ции (Чита, 24 сентября 2020 г.)* / сост. А.В. Макаров, Н.А. Киселева. Чита, 2020. С. 186-189.
7. Казаков А.А. Осуществление защиты подсудимых в рамках заочного судебного разбирательства уголовных дел // *Российская юстиция*. 2009. № 3. С. 44-46.
8. Волынская О.В., Грашичева О.Н. Заочное производство в сфере уголовно-процессуальной деятельности // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 1. С. 84-86.
9. Кищенко А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. 254 с.
10. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. 447 с.
12. Анимимова Г.Ю. Актуальные вопросы участия подсудимого в судебном следствии // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 166-171.
13. Кукушкин П., Курченко В. Заочное судебное разбирательство // *Законность*. 2007. № 7. С. 16-18.
14. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М.: Проспект, 2009. 191 с.
15. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: в 2 ч. / под ред. В.М. Лебедева. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. Ч. 1. 246 с.
16. Бадяева П.С. Правовое регулирование заочного производства по уголовным делам // *Российское правосудие*. 2019. № 7. С. 94-98.

17. По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12052016-n-1002-o/> (дата обращения: 06.02.2022).

Информация об авторе

V.V. Solodovnik – кандидат юридических наук.

Information about the author

V.V. Solodovnik – Candidate of Science (Law).

Гражданско-правовые отношения

Научная статья
УДК 347.9

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕДИАЦИИ И СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РОССИИ

Наталья Ильинична Минкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал), Барнаул, Россия, natim1@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию двух важных социальных и правовых институтов, таких как медиация и судебное примирение. Рассматриваемым видам примирительных процедур дается авторская сравнительно-правовая характеристика по вопросам их законодательного регулирования, нормативного содержания, сущности, особенностей и потенциала в урегулировании спора. Представлены общие и схожие черты по данным видам посредничества, а также различия, обусловленные собственными характеристиками институтов. В завершение делается вывод о необходимости продвижения и продолжения интеграции судебного примирения и медиации как основных способов альтернативного урегулирования споров в стране в направлении встраивания знания о них в образовательные программы при подготовке различных специалистов.

Ключевые слова: альтернативное урегулирование споров, медиация, судебное примирение, законодательство, зарубежный опыт

Для цитирования: Минкина Н.И. Сравнительно-правовой анализ медиации и судебного примирения в России // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 136-141.

Original article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS MEDIATION AND JUDICIAL RECONCILIATION IN RUSSIA

Natalia I. Minkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Altai branch), Barnaul, Russia, natim1@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of two important social and legal institutions, such as mediation and judicial reconciliation. The author's comparative legal characteristics on the issues of their legislative regulation, normative content, essence, features and potential in dispute settlement are given to the considered types of conciliation procedures. Common and similar features of these types of mediation are presented, as well as differences due to their own characteristics of institutions. This analysis is based on the current legislation of the Russian Federation, as well as individual comparisons from foreign legislation and examples from other countries. There are different scientific opinions of researchers with a comment by the author of the work on the range of issues raised, in particular: on the purpose of creating a new type of reconciliation, the introduction of mediation and judicial reconciliation as mandatory, their effectiveness and competition among themselves. At the end of the article, it is concluded that it is necessary to promote and continue the integration of judicial reconciliation and mediation as the main methods of alternative dispute resolution in the country in the direction of embedding knowledge about them in educational programs in the training of various specialists.

Keywords: alternative dispute resolution, mediation, judicial reconciliation, legislation, foreign experience

For citation: Minkina N.I. Comparative legal analysis mediation and judicial reconciliation in Russia. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2022;3:136-141. (In Russ.).

С целью развития внеюрисдикционных форм и способов урегулирования споров в нашей стране 27 июля 2010 г. был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации), которым с 1 января 2011 г. введена процедура медиации. После определенного формирования медиативной практики серьезному реформированию подвергается процессуальное законодательство, специалисты, давая этому оценку, называют этот законодательный шаг «процессуальной революцией» [1, с. 29]. Речь идет о принятии 26 июля 2019 г. Федерального закона № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившего в силу с 25 октября этого же года. Главной новеллой обозначенного закона среди прочего стало введение в разные процессуальные кодексы нового мирного способа урегулирования споров – это судебное примирение. Профессиональное сообщество после внедрения в российскую жизнь процедуры медиации длительное время обсуждало с оглядкой на зарубежный опыт и ожидало легализации судебного примирения с участием судей в отставку. Однако при этом не представляется возможным разделить мнение о том, что новый институт примирения предусмотрен в нашей стране исключительно по причине не востребоваемости медиации.

В то же время с появлением судебного примирения актуальность приобретает вопрос о проведении сравнительно-правового исследования нового вида примирения с уже известной медиацией.

Судебное примирение как относительно новый правовой институт отличается собственными характеристиками, во многом нашедшими свое отражение в Регламенте проведения судебного примирения, утвержденном постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 (далее – регламент), и по ряду моментов является некоей альтернативой медиации, расширяя диапазон предусмотренных законом примирительных процедур. Что касается развития медиации, небыстрое ее внедрение в жизнь не дает оснований утверждать о ее несостоятельности. Для сравнения: медиация за рубежом, как правило, проходила свой долгий эволюционный путь, порой насчитывающий до тридцати лет. В этой связи преждевременно делать итоговые выводы по этому вопросу.

Во многих странах мира именно медиация и судебное примирение являются востребованными институтами в обществе, позволяющими реально снизить нагрузку на суды. Однако при этом каждое государство, имея свои особенности в правовом регулировании указанных способов защиты права, по-разному закрепляет их сущность и отличия друг от

друга, о чем свидетельствует сравнительно-правовой анализ соответствующих юридических конструкций [2, с. 61-64]. Вместе с тем если обобщать эти различия, например, относительно Италии, США и Франции, то они главным образом выражены в следующем. Во-первых, в основу примирения ложатся факты и юридически значимые обстоятельства, в то время как для медиации имеют первостепенное значение люди и их интересы. Во-вторых, примирение осуществляется исключительно юристами, а в отношении медиатора жестких требований о наличии юридического образования нет, поэтому практика складывается с разнообразием профессий среди медиаторов, что присуще и России. В-третьих, по законодательству названных стран медиатора как посредника стороны самостоятельно выбирают, а примирителя назначает суд. При этом, в-четвертых, процедура медиации формализуется посредством соглашения о ее применении и проведении, а примирение может осуществляться свободно, даже в отсутствие соответствующего нормативного регулирования [3, с. 13].

Естественно, что Россия идет по своему пути становления и развития законодательства о медиации и судебном примирении, определив правовую основу с их характерными отличиями. Рассмотрим основные из них, не претендуя на их исчерпывающий характер в перечислении.

Обе процедуры по проведению медиации и судебного примирения, по существу, являются видами посредничества и переговоров. Одновременно с этим они относятся к числу примирительных процедур и альтернативных (внеюрисдикционных) способов урегулирования споров и имеют свои далекие аналоги в российской истории. Порядок применения таких способов прежде всего основан на взаимосвязанных принципах диспозитивности и добровольности, при которых стороны самостоятельно принимают решение о необходимости прибегать к помощи той или иной процедуры. В настоящее время это социальные и правовые институты, которые во многом аналогичны по своей правовой природе и позволяют нашему социуму в дальнейшем развиваться как гражданское общество в правовом государстве.

Анализируемые процедуры в настоящее время необязательные, хотя относительно медиации вопрос является весьма дискуссионным применительно к нашей стране. Тем временем за рубежом имеется разная медиативная практика, включая обязательную по определенным категориям споров. Относительно судебного примирения реже, но по опыту отдельных стран, к примеру Республики Беларусь, оно также используется в обязательном формате, и существуют мнения о необходимости заимствования данной практики в нашей стране [4, с. 250]. Представляет-

ся важным в России предусмотреть не обязательные медиацию и (или) судебное примирение, а обязательные примирительные процедуры по отдельным категориям споров (например, семейные и трудовые споры), а стороны уже в контексте ситуации и пожеланий смогут выбирать конкретные виды примирения и переговоров. Такой вариант развития российского законодательства, думается, наиболее целесообразен и одновременно может быть перспективно альтернативным для участников общественных отношений, сохраняя за последними относительную свободу в условиях предоставления определенного выбора.

Кроме того, продолжая сравнительно-правовое исследование, одинаковыми являются главные цели рассматриваемых институтов – снижение нагрузки на суды и сохранение между спорящими сторонами деловых и гармоничных отношений. Поэтому деятельность как медиатора, так и примирителя будет основана на том, что это помогающие для человека профессии, чья работа направлена на восстановление социального мира и выстраивание успешного диалога не только в настоящем времени, но и в будущем. А это, в свою очередь, приводит к тому, что принципы профессиональной деятельности названных субъектов (как нормативно закрепленные, так и доктринально определенные), которыми они руководствуются, являются одинаковыми и взаимосвязанными, что тоже свидетельствует о существенных общих признаках и сближении рассматриваемых двух институтов. Кроме того, ни судебный примиритель, ни медиатор не являются участниками судебного разбирательства и, соответственно, не обладают возможностями и правами лиц, участвующих в деле.

Однако, несмотря на перечисленные и другие существующие обстоятельства по схожим и общим чертам сравниваемых правовых институтов, они полностью тождественными отнюдь не являются. При утверждении же в теории обратного это явно является заблуждением, поскольку медиация и судебное примирение в большей мере как раз имеют собственные характеристики, предусмотренные в различных законодательных актах, которые их значительно отличают. В частности, субъекты, выполняющие роль посредника, различаются не только по своим названиям, но и, как правило, квалификации, полномочиям и возможностям.

Медиатор, как правило, выбирается сторонами спора либо может быть назначен организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации (ст. 9 Закона о медиации). Судебный примиритель в целом также может быть выбран сторонами, но из числа списка лиц, утвержденных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2020. В некоторых субъектах России предусмотрено по одному судебному

примирителю, поэтому если не прибегать к онлайн-формату проведения примирения с возможностью видео-конференц-связи, то выбор такого посредника в названном случае и вовсе отсутствует.

Судебными примирителями по российской модели являются судьи в отставке (ст. 15 регламента). При этом судья, пусть и в отставке, имеет серьезные профессиональные деформации, поэтому не возникает сомнений в том, что переговоры под его руководством будут организованы в русле толкования закона и оказания юридической помощи в отличие от деятельности медиатора, имеющего ряд запретов, предусмотренных в ст. 15 Закона о медиации. Поэтому спорящие субъекты будут ориентированы на перспективу их дела при последующем рассмотрении спора судом. При этом примиритель способен выстроить свою деятельность на основе имеющихся навыков ведения судебного процесса в качестве судьи. Между тем уровень ожидания у законодателя от них несколько иной. Как предусмотрено в ст. 17 и 19 регламента, судебный примиритель управляет переговорным процессом, формирует и поддерживает его конструктивный и созидательный характер, а равно способствует созданию атмосферы сотрудничества, оказывая сторонам содействие в поиске взаимовыгодных результатов примирения. Таким образом, с учетом изложенного деятельность судебного примирителя, по существу, идентична функциям медиатора [5, с. 109]. В этой связи очевидно, что, помимо опыта судьи, примирителю потребуются определенные познания в области психологии и навыки ведения переговоров, их управления для достижения поставленных перед примирителем задач. А поэтому актуальность приобретает вопрос о специальном краткосрочном обучении судебных примирителей для успешной организации их деятельности.

В то же время любопытно, исходя из п. 5 ст. 3 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 (в ред. 05.04.2021) № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации», судья, пребывающий в отставке, вправе быть медиатором, судебным примирителем. Такая редакция закона допускает возможность сочетания статусов медиатора и судебного примирителя в одном лице. Однако тогда возникает закономерный вопрос о том, в качестве кого из названных лиц он будет привлекаться в судопроизводстве. Легального ответа на данный вопрос нет, поэтому можно предположить, что допустимо разное решение вопроса в зависимости от желаний сторон и, соответственно, документального оформления данной ситуации.

Судебный примиритель в соответствии с регламентом его деятельности осуществляет примирение в здании суда, в то время как медиатор, согласно нормам Закона о медиации, подобных ограничений не имеет. Причем, проведение судебного примирения

поэтапно предусмотрено в ст. 17 регламента и подробно регулируется иными его положениями. Если же проанализировать Закон о медиации, то четкого и жесткого порядка проведения процедуры не предусмотрено, за исключением необходимости сопровождения процедуры рядом документов (соглашения о применении, проведении процедуры медиации и пр.). Проведение судебного примирения находится под контролем суда, начиная с вынесения им определения о проведении примирения и обозначения в нем его срока. А процедура медиации на сегодняшний день организуется непосредственно медиатором согласно установленным принципам его деятельности и требованиям Закона о медиации, функцию контроля за ними осуществляют саморегулируемые организации (ч. 1 ст. 18). Нынешнее положение слабого контроля за деятельностью медиаторов подвергается критике, поэтому наряду с иными причинами действующий Закон о медиации предлагается полностью пересмотреть. В частности, актуален сегодня для обсуждения законопроект «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации», подготовленный в конце 2020 г. Минюстом России. В нем серьезная и многоаспектная функция контроля за медиаторами возлагается на соответствующие органы исполнительной власти в области юстиции.

Как видно, не принимая во внимание нюансы, в целом концептуально процедура и цели проведения судебного и медиативного примирений во многом по правовой природе посредничества являются схожими.

Также укажем, что не вполне точно говорить о том, что медиация реализуется только во внесудебном порядке, а судебное примирение осуществляется с участием представителя судебной системы, и в этом заключается их отличие друг от друга [6]. В соответствии с законодательными нормами примирение в отличие от медиации применимо по времени исключительно на протяжении судебного разбирательства, поэтому и имеет в своем названии принадлежность к судебной процедуре. В то время как медиация может быть такой же судебной, а равно внесудебной (без последующего обращения в суд в силу урегулирования спора сторонами), досудебной (с последующим судебным процессом по этому же спорному вопросу в силу какой-либо неудовлетворенности решением сторонами или стороной спора).

По мнению Н.Н. Макаренко, две автономные процедуры (медиация и судебное примирение) вполне могут использоваться в рамках одного разбирательства, образуя каждая из них отдельный этап в разрешении спора [6]. Аналогичным образом раз-

мышляет Ф.К. Сенен, высказывая свою позицию о том, что процедуры судебного примирения и медиации являются разными, но взаимодополняющими механизмами мирного урегулирования споров, которые не исключают друг друга в своем существовании [7, с. 111]. Поэтому указанные ученые и иные специалисты, придерживающиеся подобных размышлений, не считают, что медиация и судебное примирение между собой являются конкурентами. И это действительно так, они могут быть альтернативными или одна для другой стать некоей «дополнительной опцией» для достижения цели в урегулировании конфликта.

Но в то же время, если при сравнении институтов взглянуть с практических позиций, можно обнаружить очевидное преимущество судебного примирения – это его наибольшая доступность для граждан за счет своей безвозмездности для них. Как определено в законодательстве, судебное примирение сторонами не оплачивается, порядок и условия оплаты труда судебных примирителей определяются Правительством России, т.е. расходы несет государственный бюджет. Между тем услуга медиатора на практике чаще всего оплачивается сторонами согласно ст. 10 Закона о медиации на равноправной основе, если не будет иной договоренности по долям оплаты или предусмотренной договором бесплатной основы. Но надо отметить, что на практике в настоящее время сообщество медиаторов придерживается той позиции, что любая профессиональная деятельность, услуга должна быть возмездной, реализацию медиации на альтруистических началах можно было наблюдать преимущественно на начальной стадии ее внедрения в жизнь (2011-2012 гг.).

Анализируя отмеченные обстоятельства относительно судебного примирения, можно прийти к выводу о том, что, по сути, стороны на безвозмездной основе могут получить от судебного примирителя следующие выгоды: 1) оценку юридически значимых обстоятельств по делу, что представляет собой определенную ценность в случае дальнейшего судебного разбирательства; 2) правовую консультацию и разъяснения по спорной ситуации; 3) поддержку при ведении переговоров с целью их конструктивности и сохранения партнерских отношений в конфликте [5, с. 106]. Собственно, в этом и заключается, на наш взгляд, очевидное преимущество судебного примирения (в случае его использования) при сравнении с медиацией. По этой причине многие исследователи на новый вид примирения возлагали огромные надежды по его востребованности в обществе, поскольку материальные возможности спорящих сторон могут быть различными [8, с. 65].

Однако существует и иная позиция ученых, согласно которой у судебного примирения будут шансы на успешное применение в жизни только в том случае, если его интенсификация будет способствовать сам суд, рассматривающий дело [9, с. 93]. Не вызывает сомнений и высокая роль административного ресурса при последующей интеграции судебного примирения.

Но в то же время совокупно оценивая все вышеуказанное, навряд ли правильно утверждать о том, что судебное примирение будет наиболее эффективным способом урегулирования спора, нежели медиация [4, с. 249]. Вероятнее всего, в зависимости от каждой конкретной ситуации, условий спора, заинтересованности конфликтующих сторон и иных факторов можно судить о наибольшей целесообразности применения медиации или судебного примирения, что будет основано в конечном итоге на индивидуальном подходе при комплексной оценке той или иной ситуации. Итак, и медиация, и судебное примирение являются выгодными вариантами нахождения компромисса и примирения для конфликтующих друг с другом сторон, но, к сожалению, все еще не такими привычными в жизни, как судебное разбирательство.

Для наиболее распространенного применения как медиации, так и судебного примирения в России тре-

буется соответствующий высокий уровень правового сознания, культуры и образования членов общества. К сожалению, до сих пор, несмотря на существование отечественной медиации более двадцати лет, многие россияне по-прежнему предпочитают либо игнорировать сопровождающие их жизнь конфликты (молчать, терпеть, уходить от него и т.п.), либо разрешать значимые для себя споры привычным путем: через подачу искового заявления в суд или обращение в государственные органы контроля и надзора. По этой причине возникает необходимость в глубокой проработке правосознания людей на всех его уровнях (от индивидуального до массового). И поскольку, по большому счету, привычное юридическое просвещение, направленное на широкие массы, уже исчерпало свои ресурсы и возможности, то в настоящее время следует ставить вопрос о встраивании знания об этом в разные образовательные программы при подготовке педагогов, социологов, юристов, психологов, экономистов, управленцев и других с целью воспитания молодого поколения, обладающего соответствующими профессиональными компетенциями, способного и желающего применять цивилизованные формы социального взаимодействия, а следовательно, и такие современные альтернативные способы по урегулированию конфликтов и правовых споров, как медиация и судебное примирение.

Список источников

1. Смагина Е.С. Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 29-34.
2. Гайдаенко Шер Н.И. Медиация и судебное примирение: возможность сосуществования (зарубежный опыт) // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов международной научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 26-27 апреля 2019 г.) / под общ. ред. В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. СПб.: Астерион, 2019. Ч. 1. С. 61-64.
3. Ковалева А.В. Судебное примирение в цивилистическом процессе: новеллизация отечественного законодательства и опыт Франции, Италии и США // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практ. конф-ции / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Красноярск, 2019. С. 10-15.
4. Багрянская П.Д. Судебное примирение в контексте задач гражданского судопроизводства // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития: сборник научных статей международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. Гродно, 2020. Ч. 1. С. 247-252.
5. Минкина Н.И. Развитие примирительных процедур в России // Современное право. 2020. № 3. С. 104-111.
6. Макаренко Н.Н. Судебное примирение как один из видов альтернативного урегулирования споров // Юридические исследования. 2019. № 9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29975 (дата обращения: 10.03.2022).
7. Сенен Ф.К. Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 109-114.

8. Воробьев В.В. О соотношении судебного примирения и медиации в современном российском судебном процессе // Государство и право. 2021. № 3 (30). С. 63-67.

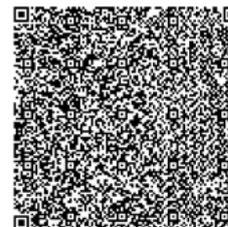
9. Трезубов Е.С., Исакова Е.Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 1 (13). С. 88-94.

Информация об авторе

Н.И. Минкина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N.I. Minkina – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.95

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ УМЕНЬШЕНИЯ ИСКОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ И ЧАСТИЧНОГО ОТКАЗА ОТ ИСКОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Елена Алексеевна Олефиренко¹, Диана Анверовна Арефьева²

¹ МГИМО МИД России Одинцовский филиал, Москва, Россия, Olefirenko.elena2016@yandex.ru

² Коллегия адвокатов г. Москвы

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов, возникающих в рамках производства в суде апелляционной инстанции. В настоящее время процессуальное законодательство разрешает отказ от части исковых требований на этапе апелляционного обжалования, в то время как уменьшение исковых требований на данном этапе запрещено. Тем не менее суды допускают квалификацию уменьшения исковых требований как отказ от требований в части, создавая противоречивую судебную практику. Авторы сопоставляют два вида процессуальных действий с учетом их правовых последствий и делают вывод о том, что действующее законодательство требует детализации для отграничения частичного отказа от исковых требований, от уменьшения исковых требований.

Ключевые слова: правоприменение, апелляционная инстанция, исковые требования, уменьшение исковых требований, отказ от исковых требований, правовые последствия

Для цитирования: Олефиренко Е.А., Арефьева Д.А. К вопросу о разграничении уменьшения исковых требований и частичного отказа от исковых требований в арбитражном суде апелляционной инстанции // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 142-145.

Original article

REVISITING THE DISTINCTION BETWEEN REDUCTION OF CLAIMS AND PARTIAL WAIVER OF CLAIMS IN THE ARBITRATION COURT OF APPEAL

Elena A. Olefirenko¹, Diana A. Arefeva²

¹ Odintsovo Campus of MGIMO University, Moscow, Russia, Olefirenko.elena2016@yandex.ru

² Moscow Bar Association

Abstract. This article deals with a number of issues that arise in appellate proceedings. Currently, procedural law allows for partial waiver of claims at the appeal stage, while reduction of claims at the same stage is prohibited. Nevertheless, courts allow a reduction to be treated as a partial waiver of claims, creating conflicting jurisprudence. The author compares the two types of procedural actions in light of their legal consequences and concludes that the current law requires detailed delineation between partial waiver and reduction of claims.

Keywords: law enforcement, appeal instance, claims, reduction of claims, waiver of claims, legal consequences

For citation: Olefirenko E.A., Arefeva D.A. Revisiting the distinction between reduction of claims and partial waiver of claims in the arbitration court of appeal. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:142-145. (In Russ.).

© Олефиренко Е.А., Арефьева Д.А., 2022

Отказ от исковых требований и уменьшение исковых требований являются широко распространенными и часто применяемыми институтами реализации прав истца в рамках судебного процесса. По нашему мнению, между данными понятиями существует крайне тесная связь, которая в некоторых случаях ведет к их взаимной интеграции и переплетению, что создает существенное затруднение для стороны процесса при выборе способа реализации своих прав. Более того, в ходе апелляционного производства у суда периодически возникает необходимость давать квалификацию уменьшению истцом исковых требований, определять, является ли по своей сути такое действие отказом от иска в части или же именно уменьшением размера требований. Данная квалификация является определяющей в связи с тем, что права истца в апелляционной инстанции сокращены по сравнению с правами, предоставленными ему в рамках производства в первой инстанции. Для рассматриваемой проблемы основополагающим являются запрет истцу уменьшать размер исковых требований в ходе производства в суде апелляционной инстанции и разрешение истцу отказываться от исковых требований в части.

Для того чтобы разграничить изменение (уменьшение) исковых требований и отказ от части иска, нам необходимо определить, в чем заключается различие между изменением оснований иска и изменением его предмета.

По смыслу нормы, содержащейся в части 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, предметом иска является материально-правовое требование истца к ответчику о совершении определенных действий, воздержании от них, признании наличия или отсутствия правоотношения, изменении или прекращении данного правоотношения. Изменение предмета иска – это изменение материально-правового требования истца к ответчику. Основание иска – это обстоятельства, на которые ссылается истец в подтверждение исковых требований к ответчику. Изменение основания иска – это изменение обстоятельств, на которых истец основывает свое требование к ответчику [1].

Самостоятельно суд не может изменить предмет или основание иска, это право есть только у истца. Более того, нельзя изменять предмет и основание иска одновременно, т.е. не допускается обосновывать иск новыми фактами, на которые ранее не ссылались, новыми требованиями, в таком случае истцу требуется подать новый иск.

Однако не является изменением оснований иска, как указано в одном из постановлений Президиума ВАС РФ [2], новое толкование норм материально-права либо приведение дополнительных ссылок

на положения закона, обосновывающие заявленные требования.

Примечательным для нас является Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2004 № 2353/04 по делу № А60-14530/03-С4 о взыскании долга за товар и процентов за пользование чужими денежными средствами, где ВАС РФ направил дело на новое рассмотрение на основании того, что у судов нижестоящих инстанций не имелось правовых оснований для прекращения производства по делу. Своим постановлением ВАС санкционировал частичное судебное решение. Частичное судебное решение – это решение о части субъективного права, а правило состоит в том, что для целей судебной защиты субъективное право на части раздроблено быть не может. Для целей судебной защиты право может быть заявлено к судебному осуществлению один раз, поэтому не существует частичных судебных решений, потому как не существует решений о части субъективного права.

Обратимся к одному из абзацев вышеприведенного постановления: *«Основание иска по настоящему делу осталось таким же, что и в деле № А60-4404/03: накладная о передаче товара от 21.12.2001 № 420, акт сверки взаимной задолженности от 16.04.2002»*. Видится, что в данном случае допущена грубая ошибка, т.к. накладная и акт – это не обстоятельства, а доказательства, а обстоятельством являлась сама передача товара.

Следующий абзац постановления говорит о том, что данные суммы не входили в предмет первого иска. Это вторая грубая ошибка. Перед нами пример того, как нужно различать предмет иска и материальный объект спора. Материальный объект спора – это то благо, по поводу которого предъявлен иск. Деньги – самый типичный пример объекта. Предметом иска является материально-правовое требование. В постановлении данные дефиниции не оспариваются.

Включает ли в себя предмет иска размер исковых требований? Мнения на этот счет различны. С одной стороны, как показывает практика, уточнение исковых требований обычно включается в предмет иска, и суды отказывают истцам в увеличении или уменьшении исковых требований на той стадии процесса, когда менять предмет иска и его основание уже недопустимо. Однако в доктрине существует мнение, что истец имеет право уменьшить или увеличить размер исковых требований на любой стадии, т.к. предмет иска остается тем же, меняется только размер материального объекта иска [3, с. 158]. Тем не менее на законодательном уровне четко так и не разрешен вопрос относительно того, может ли количественное изменение размера исковых требований подменить качественное изменение предмета иска или же нет необходимости разделять между собой эти два понятия и стоит включить их совместно в предмет иска.

Несмотря на такие разные подходы, видится верным различать изменение размера исковых требований и изменение предмета иска, поскольку в ином случае, например при уменьшении судом штрафных санкций в соответствии со ст. 333 Гражданского кодекса РФ, менялся бы предмет иска, что породило бы еще более серьезную проблему возможности предъявления тождественного иска, изменив размер исковых требований.

Евгений Владимирович Васьковский – русский цивилист и процессуалист – отмечал, что необходимо отличать предмет иска в собственном смысле или ближайший, непосредственный предмет от материального объекта (*res de qua agitur*) или материального предмета иска. Ученый приводил и позицию Сената по этому вопросу: «...иск, предъявленный о каком-либо праве в меньшем размере против того, в каком это право принадлежит по закону, должен после постановления по оному решения считаться разрешенным, и за силу этого решения это же самое право не может быть предметом нового иска» [4, с. 171].

Таким образом, возвращаясь к постановлению ВАС РФ, в предложении: «Обращаясь в арбитражный суд с иском о взыскании части долга, истец распорядился принадлежащим ему процессуальным правом на предъявление иска и определил для себя объем испрашиваемой у суда защиты», выражен принцип диспозитивности. Истец распорядился правом защиты, определил объем – это и есть концентрированное выражение идеи диспозитивности. Применительно к принципу диспозитивности возникает вопрос: сколько раз можно распорядиться правом? Сколько раз можно определять объем защиты? Думается, что один раз, потому что существует необходимость защищать ответчика. Недопустимо оставлять ответчика постоянно под угрозой предъявления новых исков из того же основания.

На какой стадии судебного процесса мы можем менять предмет и основание иска? По общему правилу в апелляции ни предмет, ни основание иска менять нельзя (ч. 3 ст. 266 АПК РФ). Это допустимо только в том случае, если арбитражный апелляционный суд будет рассматривать дело по правилам первой инстанции [5].

Тем не менее необходимо учитывать, что в суде апелляционной инстанции истец наделен правом на изменение предмета или основания иска, размер исковых требований допустимо менять при рассмотрении апелляционной жалобы в порядке апелляционного производства в случае, когда истец обращался с таким ходатайством в рамках производства в суде первой инстанции, но указанное заявление осталось без удовлетворения неправомерно.

Более того, в рамках судопроизводства в первой инстанции истец вправе изменить основание или

предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, в то время как в апелляционной инстанции права истца ограничиваются исключительно возможностью полного или частичного отказа от иска.

В законе не установлено различий между двумя данными инструментами, поэтому выбор остается полностью за истцом. Смысл данных механизмов один – уменьшить размер исковых требований. Тем не менее последствия выбора для такого способа, как отказ от исковых требований, могут быть достаточно серьезными для истца в будущем, в отличие от первого механизма, где такие последствия нивелируются.

Об одном из таких последствий говорится в пункте 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014, согласно которому в случае отказа от иска (а также частичного отказа) истец не сможет обратиться в суд с требованием повторно.

Василий Лаврентьевич Исаченко, юрист и судебный деятель прошлого века, указывал, что в случае, когда истец сам, предъявив один иск об одной части, предъявлял впоследствии другой о других частях, он должен «почитаться отрекшимся от своего права» [6].

По нашему мнению, основополагающим является не только установление намерений истца, но и понимание, от чего конкретно отказывается истец при отказе от исковых требований – от процесса или от материального права. Для ответа необходимо рассмотреть саму суть иска. Если иск рассматривать только как процесс сам по себе, то отказ от иска – это отказ исключительно от процесса, право же остается. Например, когда должник уплатил долг после отказа от иска, то он уплатил причитающееся. В том случае, если иск – это не только процесс, но и право, то отказавшись от иска, кредитор отказался и от права, он простил долг. Перед нами односторонняя сделка, обязательство прекратилось. В таком случае уплата «после» – это уплата недолжного [7, с. 506].

Существует господствующее мнение о том, что за отказом от иска нет отказа от прав. В статье 9 Гражданского кодекса РФ говорится о том, что отказ от права не влечет прекращения права. Также отказ от иска не является основанием для прекращения обязательств, т.к. указанное не предусмотрено действующим законодательством.

Более того, при частичном отказе от иска все расходы на судебное разбирательство будет нести истец, в т.ч. расходы ответчика. Это оправданно, поскольку такая императивность защищает права третьих лиц, соотносится с принципом справедливого распределения судебных расходов и принципом процессуальной экономии [8, с. 385].

Возникает закономерный вопрос: если при частичном отказе от иска возникают неблагоприятные правовые последствия, то не лучше ли их избежать

и предпочесть механизм уменьшения исковых требований, при котором таких последствий законом не предусмотрено? Несмотря на всю логику данного суждения, истец, который подменяет понятия частичного отказа, назвав его уменьшением исковых требований, избегает правовых последствий, обходит таким образом закон. Тем не менее имеет место практика, когда суды часто считают уменьшение исковых требований в апелляционной инстанции тождественным частичному отказу от иска.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что практикующим юристам стоит учитывать все возможные последствия выбора непосредственных прав истца, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 49 АПК РФ, поскольку, несмотря на отсутствие конкретики

в различии между уменьшением исковых требований и частичным отказом от иска, последствия отказа для истца определены в законе. В данном случае правильным видится подход, согласно которому законодателю необходимо указать конкретные критерии для квалификации процессуальных действий истца в качестве отказа от исковых требований или уменьшения их размера. Также необходимо предусмотреть четкие правовые последствия для двух данных процессуальных механизмов, что поможет сторонам рассмотреть данный спор согласно принципу справедливости, а также повысит уровень правового понимания, избавив истца от неоправданного риска при выборе того или иного процессуального инструмента.

Список источников

1. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.09.2005 № 4261/05 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2004 № 2353/04 по делу № А60-14530/03-С4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процесс: учебник / под ред. В.А. Мусина. Издание третье, перераб. и доп. М.: ПБОЮЛ, 2022. 544 с.
4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса (1917). М.: Зерцало, 2003. 362 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Исаченко В.Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу Устава гражданского судопроизводства. Петроград, 1916. Т. 1.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 1912. 10-е изд. М.: Статут, 2021. 948 с.
8. Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2022. Т. 1. 576 с.

Информация об авторе

Е.А. Олэфиренко – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

E.A. Olefirenko – Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.51

ИНСТИТУТ ПОВЫШЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Альфир Мисхатович Хужин¹, Анастасия Владимировна Одинокова²,
Светлана Анатольевна Майорова³

¹ Нижегородская академия МВД России; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, alfirhuzhin@mail.ru

² Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, happygirl2101@mail.ru

³ Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, plavalaguna@inbox.ru

Аннотация. В статье представлен анализ исторического развития института повышенной юридической ответственности. Выясняется происхождение конструкции строгой юридической ответственности, устанавливается время ее появления в отечественной системе права. Анализируются базовые правовые памятники на предмет наличия положений о повышенной юридической ответственности, и приводятся особенности ее применения. Устанавливается эволюция норм, закрепляющих меры повышенной юридической ответственности.

На основе анализа действующего законодательства делается вывод об историко-правовой связи современного института повышенной ответственности с историческими аналогами. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: повышенная юридическая ответственность, меры юридической ответственности, вина, непреодолимая сила, причинение вреда, договоры Руси с Византией, Русская Правда, Судебник, Гражданский кодекс РСФСР, источник повышенной опасности

Для цитирования: Хужин А.М., Одинокова А.В., Майорова С.А. Институт повышенной юридической ответственности: историко-правовой аспект // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 146-150.

Original article

INSTITUTE OF INCREASED LEGAL RESPONSIBILITY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Alfir M. Khuzhin¹, Anastasia V. Odinkova², Svetlana A. Mayorova³

¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, alfirhuzhin@mail.ru

² Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, happygirl2101@mail.ru

³ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, plavalaguna@inbox.ru

Abstract. The article presents an analysis of the historical development of institution of increased legal responsibility of a special subject. The origin of the construction of strict legal liability is clarified, and the time of its appearance in the domestic legal system is established. The analysis of basic legal monuments is carried out for the presence of provisions on increased legal liability and the specifics of its application. The evolution of norms fixing measures of increased legal responsibility is established.

Based on the analysis of the current legislation, a conclusion is made about the historical and legal connection of the modern institution of increased responsibility with historical analogues. Recommendations for improving legislation in this area of public relations are offered.

Keywords: increased legal responsibility, measures of legal responsibility, guilt, force majeure, causing harm, agreements of Russia with Byzantium, Russian Truth, Sudebnik, Civil Code of the RSFSR, source of increased danger

For citation: Khuzhin A.M., Odinkova A.V., Mayorova S.A. Institute of increased legal responsibility: historical and legal aspect. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:146-150. (In Russ.).

© Хужин А.М., Одинокова А.В., Майорова С.А., 2022

Институт повышенной юридической ответственности представляется нам как законодательно установленная обязанность «лица, наделенного комплексом дополнительных (специальных) признаков, обусловленных правовым положением, претерпевать за совершенное им правонарушение неблагоприятные последствия в связи с возложенным статусом» [1, с. 9]. Данная правовая конструкция все более прочно внедряется в нормативную базу России, активно используется российским законодателем и уже не является чем-то кардинально новым и неизвестным. Тем не менее для понимания особенностей повышенной юридической ответственности, причин возникновения возможных проблем при ее практическом применении видится необходимым проанализировать исторический путь развития рассматриваемой правовой категории в России.

Если обратиться к истории развития отечественного законодательства, то можно обнаружить, что в тексте первых договоров, заключенных между Древней Русью и Византией, встречаются упоминания, касающиеся ответственности за совершение «злodeяний». Уже в этом источнике права мы обнаруживаем градацию ответственности не только по объектам посягательства, но и в зависимости от положения лица, принадлежности его к определенному статусу. Так, в Договоре 945 г., заключенном между Древней Русью и Византией, можно обнаружить формулировки, указывающие на наличие или отсутствие вины лица, совершившего противоправное деяние, и его принадлежность к определенному статусу для установления ответственности: «Если же ударит мечом, или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литр серебра по закону русскому» [2, с. 90]. Очевидно, что на рассматриваемом историческом этапе были заложены лишь первые зачатки института юридической ответственности и его повышенный характер.

Аналогичный вывод можно сделать, анализируя текст Русской Правды как следующего важного шага эволюционного пути отечественной системы права. Несмотря на очевидные прогрессивные элементы (увеличение количества видов возможных преступлений и применяемых наказаний, выделение двух форм ответственности), на наш взгляд, в данном документе также не содержалось каких-либо «предпосылок», указывающих на использование мер ответственности в отношении лиц, обладающих особым статусом.

Если же анализировать Русскую Правду под углом развития всего института частноправовой ответственности, то здесь идея имущественного выкупа превалирует над ранее действующими принципами талиона. Допускается возможность уплаты

гривен как за причинение вреда жизни, здоровью, так и за действия, связанные с покушением на чужую собственность. Просматривались и меры имущественной ответственности за нарушение договорных отношений. Так, указывалось, что «если должник не отдавал заимодавцу много лет, то платить ему еще 3 гривны в вознаграждение за убытки» [3, с. 23].

В процессе эволюции древнерусского права до конечного его кодифицированного результата, заложенного в Русской Правде, возникают положения, которые можно охарактеризовать как зачатки выделения юридической ответственности и условий ее применения. При этом происходит дифференциация такой ответственности как по объекту нарушения (вред жизни, здоровью, имуществу, договорным отношениям), так и по субъектам (непосредственный причинитель, господин за холопа, поручитель).

Дальнейший исторический интерес представляет одно из положений, содержащихся в Судебнике 1497 г. Так, в ст. 55 документа, устанавливающей ответственность за неуплату сумм, взятых в займы, указывается, что купец, у которого в пути погибнет одолженный товар «безхитростно», может получить беспроцентную рассрочку для возврата долга. В этой же норме устанавливается, что в том случае, если кто-то, взяв что-либо для осуществления торговой деятельности, «да шед проплет или иным каким безумием погубит товар свой без напрасньства», то он становится холопом, отрабатывая или уплачивая долг истцу [3, с. 61]. Полагаем, что здесь можно говорить о зарождении категории повышенной юридической ответственности специального субъекта. Во-первых, выделяются торговцы как особая категория лиц, по сути, занимающаяся предпринимательской деятельностью. Во-вторых, исходя из содержащихся в рассмотренной норме Судебника 1497 г. формулировок, на наш взгляд, явно прослеживается посыл законодателя того времени о том, что субъекты правоотношений в сфере торговли могут избежать ответственности, только если будет доказано действие непреодолимой силы (считаем, что именно непреодолимая сила кроется за выделенными выше словосочетаниями), т.е. пределы ответственности расширены до чрезвычайных непредотвратимых обстоятельств. Таким образом, по нашему мнению, Судебник 1497 г. является первоисточником формулирования конструкции повышенной юридической ответственности. Именно на этом историческом этапе развития отечественного законодательства появляются нормы, регламентирующие особые основания для отдельных лиц, наделенных соответствующим статусом, по несению повышенных мер юридической ответственности в соотношении с общими правилами.

Аналогичная норма содержится и в тексте Судебника 1550 г. В статье 90 данного акта указывается:

«Если купец, поехав торговать, возьмет у кого-либо товар или деньги и в пути у него этот товар потеряется не по его вине, утонет, сгорит, или будет захвачен разбойниками: боярам его допросить, дяку выдать ему грамоту с печатью Царя и Великого Князя и смотря по имуществу уплатить истцу плату без процентов» [3, с. 118]. Считаем, что в ст. 90 указанного источника права также используется категория повышенной юридической ответственности в отношении купцов как специальных субъектов особых правоотношений, возникающих при реализации торговой деятельности.

Видится интересным, что в Соборном уложении 1649 г., которое, фактически являясь следующим важным этапом эволюции отечественного законодательства, разграничивает деяния, совершенные умышленно, неумышленно и случайно, и дифференцирует ответственность за содеянные правонарушения, не получающие дальнейшего развития положения, связанные с применением мер повышенной юридической ответственности. Так, в ст. 206 данного документа можно обнаружить, что в правоотношениях, возникающих по поводу займа торговцами, в отличие от Судебников 1497 и 1550 гг., в случае потери взятых в долг денежных средств или вещей наступала «обыкновенная» юридическая ответственность, отсутствовали существовавшие ранее указания на расширение ее пределов до наступления обстоятельств непреодолимой силы [4, с. 141]. Получается, что в этот период времени институт повышенной юридической ответственности специального субъекта не отличается какой-либо динамикой, а его предпосылки, заложенные в XV-XVI вв., как будто предаются забвению.

Общеизвестно, что в эпоху Петра I большое внимание уделялось реформированию экономической сферы, включая торговую деятельность. Великим российским императором с целью ее активного стимулирования в рамках бдительного жесткого государственного регулирования была усилена правовая регламентация торговли по многим направлениям (это и формирование базы биржевого и морского законодательства, коммерческого судопроизводства, и совершенствование налоговой политики в этой области и др.). Было принято множество соответствующих нормативных правовых актов, среди которых хотелось бы отметить Устав о эверсах 1720 г., регулировавший возникавшие между владельцами судов и отправителями грузов отношения, и Морской торговый регламент и устав 1724 г., представлявший собой свод правил, касающихся особенностей торговой деятельности, осуществляемой посредством морских перевозок.

Анализируя содержащиеся в Уставе о эверсах статьи, мы приходим к выводу о том, что «содержа-

телей или хозяев эверсов» с учетом возложенных на них обязательств можно отнести к категории специальных субъектов. Несмотря на то что в тексте отсутствуют прямые указания на повышенный характер ответственности данных лиц, указывалось, что владельцы судов должны были проявлять максимальную степень заботы и осмотрительности. Они несли усиленную ответственность перед нанимавшими для торговых перевозок эверсы купцами. Единственным исключением, которое мы оцениваем в качестве действия непреодолимой силы, является установленное в документе разграничение: «ежели эверсь в пути погодою разбить, или отъ того какое повреждение иметь будетъ, тогда въ томъ убытокъ эверса останется на счетъ хозяйской, чей эверсь, а въ товарахъ повреждение на счетъ того купеческаго человека, чьи товары были» [5]. То есть в случае гибели судна по не зависящим от воли владельца причинам в лице природных катаклизмов он освобождался от материальной ответственности за утраченный товар. Эти законоположения свидетельствуют о расширении спектра повышенной юридической ответственности в отношении специальных субъектов – владельцев судов.

О повышенном характере ответственности корабельщиков также свидетельствуют нормы Морского торгового регламента и устава [6]. Здесь можно увидеть предписанное владельцам кораблей (как специальным субъектам) законом обязательство проявлять особую бдительность, быть предельно внимательными и предусмотрительными. Из этого следует, что в XVIII в., несмотря на отсутствие однозначных, точно сформулированных предписаний, была известна конструкция повышенной юридической ответственности. Появляются новые виды ответственности отдельных субъектов, основанные на их статусе и соответствующих специальных требованиях к их поведению.

В XIX веке дальнейшее развитие российского законодательства показывает, что в отношении отдельных лиц, реализующих свою деятельность в особых сферах общественных отношений, могли применяться меры усиленной юридической ответственности. В частности, железная дорога несла ответственность за «каждое случившееся несчастье... не отвращенныхъ принятиемъ надлежащихъ меръ, или когда оно вообще могло быть предусмотрено, но оставлено безъ вниманія» [7]. В статье 102 Устава железных дорог устанавливалась повышенная ответственность перевозчика за утрату и повреждение грузов. Следует отметить, что в данной норме уже используется прямое указание на непреодолимую силу в качестве условия, освобождающего от ответственности [5]. Данная правовая конструкция была построена по принципу «ответственности независимо от вины» и корреспон-

дировалась к специальному статусу перевозчика грузов [8, с. 149].

Следует признать, что глава I раздела IV книги первой «Охранение прав» проекта Гражданского уложения 1905 г. выступала первоосновой закрепления общих положений об ответственности и соответствующих ее видах. Содержащиеся в данной главе нормы закрепляли правила о защите прав (п. 98), необходимой обороне (п. 99), запрете действий по нарушению прав (п. 104) и иные общие правила о гражданско-правовой ответственности. Кроме этого, глава IV раздела III книги пятой содержала общие положения «Вознаграждения за вред, причиненный недозволенными действиями», где имелись нормы о вине (умысле и неосторожности) как условия ответственности (п. 2601), вреде, причиненном несовершеннолетними (п. 2607-2609), совместно причиненном вреде (п. 2611, 2612), размере ответственности (п. 2613), сроке давности (п. 2615).

В постреволюционном отечественном законодательстве происходит идеологическое отрицание доктринальных посылов и нормативных правовых предписаний, касающихся всей сферы повышенной юридической ответственности. Вместе с этим потребность в урегулировании товарно-денежных отношений, введение политики нэпа, безусловно, сказались на преемственности ряда положений ГК 1922 г., в т.ч. норм о повышенной юридической ответственности. Так, с принятием Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. ужесточенная ответственность особой категории субъектов становится следствием реализации деятельности, характеризуемой советским законодателем как представляющей повышенную опасность для окружающих. В статье 404 указанного нормативного правового акта к деятельности подобного рода отнесены работы на железной дороге, трамваях и фабрично-заводских предприятиях, торговля горючими материалами, содержание диких животных, возведение строений и иных сооружений. В данной статье пределы ответственности расширены до обстоятельств непреодолимой силы [9]. Данное обстоятельство хоть и в зачаточном виде, но отражало доктрину повышенной юридической ответственности. Именно это законоположение в дальнейшем дало толчок развитию института повышенной юридической ответственности.

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. появляются новые статьи, в которых, на наш взгляд, исполь-

зуется конструкция повышенной юридической ответственности специального субъекта. Так, в ст. 427 устанавливается ответственность профессиональных хранителей независимо от вины, а ст. 454 фактически является модернизированной версией рассмотренной выше ст. 404 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., закрепляющей усиленную ответственность владельцев источников повышенной опасности с возможностью ее избежать только в случае «доказанного действия непреодолимой силы или умысла потерпевшей стороны» [10]. Все эти обстоятельства подтверждают базовую идею об усилении виновных начал и повышении юридической ответственности ввиду особого статуса субъекта правоотношений.

В ныне действующем российском гражданском законодательстве, а именно в ст. 1064 ГК РФ [11], установлено положение, ставшее, по нашему мнению, новой вехой развития института повышенной юридической ответственности. Законодательное закрепление обязанности возмещения вреда даже при отсутствии вины лица, его причинившего, само по себе говорит о возможности использования особой разновидности мер государственного принуждения, предъявления ужесточенных требований, что может быть обусловлено спецификой профессиональной деятельности, сферой отношений, социальным положением и иными детерминированными субъективными признаками.

Таким образом, подводя итоги хронологическому анализу, касающемуся динамики института повышенной юридической ответственности, можно отметить, что свое развитие в отечественной системе права данная конструкция получает с принятием Судебника 1497 г. и на протяжении нескольких столетий медленно формируется и трансформируется сообразно объективно меняющимся условиям жизни. Полагаем, что с учетом специфики, сложности и неоднозначности рассмотренной правовой категории потребуются еще не одно детальное исследование проблем обоснования подобного вида ответственности с опорой на существующий многолетний исторический опыт. Сам же институт повышенной юридической ответственности следует признать одним из эффективнейших и эволюционно развитых механизмов выстраивания отношений между представителями публичной власти, гражданами и обществом.

Список источников

1. Одиноква А.В. Повышенная юридическая ответственность специального субъекта: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 31 с.
2. Повесть временных лет / сост. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 544 с.
3. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 2. 520 с.

4. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы. М.: Изд-во Московского университета, 1961. 444 с.
5. ПСЗ РИ. Собрание третье. Том V. № 3055.
6. ПСЗ РИ. Собрание первое. Том VII. № 4451.
7. Свод законов Российской империи. Том десятый. Часть 1. Законы гражданские. Ст. 683.
8. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т.; т. V: Гражданское право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. 392 с.
9. Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
10. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Информация об авторах

А.М. Хужин – доктор юридических наук, доцент;
А.В. Одинокова – кандидат юридических наук;
С.А. Майорова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A.M. Khuzhin – Doctor of Science (Law), Associate Professor;
A.V. Odinkova – Candidate of Science (Law);
S.A. Mayorova – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 364

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК ПО ФАКТАМ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Владислав Николаевич Чудов

Барнаульский юридический институт МВД России, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, VladislavBarn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению спорных вопросов, возникающих при назначении проверок по фактам причинения сотрудникам органов внутренних дел увечья (ранения, травмы, контузии), а также гибели (смерти) сотрудников. Порядок проведения таких проверок регламентирован рядом нормативно-правовых документов, и на практике зачастую возникают сложности при разрешении вопроса о применении того или иного правового основания для их проведения. Ошибки в порядке проведения таких проверок по формальным основаниям могут явиться причиной отказа в предоставлении сотруднику органов внутренних дел ряда социальных гарантий.

Ключевые слова: проверка обстоятельств получения застрахованным лицом увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) застрахованного лица, обязательное государственное страхование, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел

Для цитирования: Чудов В.Н. Проблемные аспекты порядка проведения проверок по фактам причинения вреда жизни или здоровью сотрудников органов внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 151-154.

Original article

PROBLEM ASPECTS OF THE PROCEDURE FOR CONDUCTING INSPECTIONS ON THE FACTS OF HARM TO LIFE AND HEALTH OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

Vladislav N. Chudov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, VladislavBarn@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of controversial issues that arise when appointing checks on the facts of causing injury (wounds, injuries, concussions) to employees of the internal affairs bodies, as well as death (death) of employees. The procedure for conducting such inspections is regulated by a number of legal documents and in practice there are often difficulties in resolving the issue of applying one or another legal basis for their conduct. Errors in the procedure for conducting such checks on formal grounds may be the reason for the refusal to provide an employee of the internal affairs bodies with a number of social guarantees.

Keywords: verification of the circumstances of the insured person's injury (wounds, injuries, contusions), death (death) of the insured person, compulsory state insurance, compensation for harm caused to life or health, compulsory state insurance of life and health of internal affairs officers.

For citation: Chudov V.N. Problem aspects of the procedure for conducting inspections on the facts of harm to life and health of internal affairs officers. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;3:151-154. (In Russ.).

© Чудов В.Н., 2022

В 2022 году исполнилось ровно 10 лет как вступил в силу Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и более десяти лет как осуществлена реформа в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, проходившая в 2011-2012 гг. в целях повышения эффективности работы, а также существенного расширения круга социальных гарантий и увеличения денежного довольствия сотрудников органов внутренних дел.

Государство признается социальным, в первую очередь когда его политический курс преследует цель создания условий, обеспечивающих достижение гражданами достойного качества и уровня жизни, сглаживания социально-экономических различий и помощи нуждающимся. Именно таким государством и является Российская Федерация согласно части 1 статьи 7 Конституции РФ.

Граждане, проходящие службу в органах внутренних дел, зачастую привлекаются к выполнению задач, которые в значительной степени связаны с возможностью наступления неблагоприятных последствий для их здоровья или жизни.

Таким образом, в целях реализации государственных гарантий по предоставлению круга льгот и компенсаций для указанной категории лиц нормотворческими органами определено специальное направление государственной политики, закрепляющее должный уровень их материального обеспечения и компенсаций в случае причинения вреда здоровью при прохождении ими службы, а в случае причинения вреда их жизни – членам семьи.

Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудников органов внутренних дел, осуществляется в следующих правовых формах: обязательное государственное страхование жизни и здоровья; выплаты единовременных пособий и ежемесячных денежных компенсаций.

Кроме того, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудника органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, осуществляется в рамках гражданско-правовой ответственности, включая компенсацию морального вреда (глава 59 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В ходе проведенной реформы был внесен ряд изменений в федеральное законодательство, а также изданы ведомственные нормативные правовые акты, определяющие порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел, которые впоследствии неоднократно изменялись, а некоторые и вовсе в настоящее время заменены новыми нормативными документами.

Одним из основных нововведений явилось изменение размера страховых сумм и единовременных пособий, выплачиваемых в случае получения сотрудником органов внутренних дел увечья. В частности, было принято решение отказаться от их исчисления в зависимости от оклада денежного содержания и были закреплены их четкие размеры с ежегодной индексацией, что внесло, в свою очередь, определенную социальную справедливость. Также нормативно был определен порядок проведения проверок по факту получения увечий сотрудниками органов внутренних дел.

Вместе с тем до настоящего времени в правоприменительной практике отсутствует единообразный подход к тому, каким нормативным правовым документом следует руководствоваться при проведении проверки в случае получения сотрудником органов внутренних дел увечья (ранения, травмы, контузии), а также наступления гибели (смерти).

По факту получения сотрудником увечья, а также наступления гибели (смерти) при выполнении служебных обязанностей может одновременно возникать несколько оснований для производства социальных выплат. Так, действующим законодательством предусмотрена выплата страховых сумм в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации», а также выплата единовременного пособия и ежемесячных денежных компенсаций, предусмотренных Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

В пункте 15 Порядка организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 27 сентября 2021 г. № 707, закреплено, что «по каждому факту получения застрахованным лицом в период прохождения службы увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) застрахованного лица на основании решения руководителя (начальника) органа, организации, подразделения системы МВД России кадровым подразделением в срок не более 10 календарных дней со дня поступления информации о наступлении страхового случая проводится проверка обстоятельств получения застрахованным лицом увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) застрахованного лица» [1].

Одновременно с этим пунктом 6 Порядка выплаты единовременных пособий, ежемесячной денежной компенсации и суммы возмещения вреда, причиненного имуществу, принадлежащему сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации или его близким родственникам, утвержденного приказом МВД России от 5 июня 2020 г. № 396, регламентировано, что «кадровым подразделением органа, организации, подразделения МВД России, в котором сотрудник (гражданин Российской Федерации) проходит (проходил) службу, по решению руководителя (начальника) органа, организации, подразделения МВД России, в котором сотрудник (гражданин Российской Федерации) проходит (проходил) службу, в течение 30 календарных дней с даты, когда стало известно о гибели (смерти) сотрудника, смерти гражданина Российской Федерации, наступившей в течение одного года после увольнения со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, получении сотрудником увечья или иного повреждения здоровья, причинении вреда имуществу, принадлежащему сотруднику или его близким родственникам, проводится проверка обстоятельств случившегося и его причинно-следственной связи с выполнением служебных обязанностей» [2].

Таким образом, каким приказом необходимо руководствоваться и какую проверку проводить в случае получения сотрудником увечья, не совсем понятно. Проводить в течение 10 календарных дней проверку обстоятельств получения застрахованным лицом увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) застрахованного лица, или проводить в течение 30 календарных дней проверку обстоятельств случившегося и его причинно-следственной связи с выполнением служебных обязанностей, или проводить обе эти проверки, что не представляется целесообразным.

Выплата страховых сумм производится вне зависимости от того, при выполнении служебных обязанностей или нет получено увечье сотрудником органов внутренних дел, а единовременное пособие выплачивается только в случае получения увечья или наступления гибели (смерти) при выполнении служебных обязанностей и соблюдении ряда иных условий.

Учитывая изложенное, прослеживается логика, что в случае, если увечье получено при выполнении служебных обязанностей, то проверку необходимо проводить в соответствии с приказом МВД России № 396-2020 г. Однако тогда мы имеем несколько противоречивую ситуацию, когда факт выполнения служебных обязанностей должен быть установлен до момента назначения проверки, а не явиться ее результатом.

Сотрудниками подразделений по работе с личным составом в случае получения сотрудником увечья

или наступления гибели, как правило, проводятся проверки обстоятельств получения застрахованным лицом увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) застрахованного лица в течение 10 календарных дней в соответствии с требованиями приказа МВД России от 27 сентября 2021 г. № 707. И результатов таких проверок вполне достаточно, чтобы направить материалы на военно-врачебную комиссию и сформировать необходимый пакет документов для направления в страховую компанию с целью принятия ею решения о выплате страховых сумм.

В случае, когда в рамках такой проверки устанавливается факт выполнения сотрудником органов внутренних дел служебных обязанностей при получении травмы, то следует ли назначать проверку обстоятельств случившегося и его причинно-следственной связи с выполнением служебных обязанностей в соответствии с требованиями приказа МВД России № 396-2020 г. или уже проведенной проверки будет достаточно для направления в постоянно действующую комиссию по вопросам выплат единовременного пособия? К сожалению, ответ на данный вопрос в действующих в настоящее время нормативных документах отсутствует.

Еще одна проблема возникает в случае, когда при получении сотрудником травмы им был совершен дисциплинарный проступок, что является основанием для проведения проверки в соответствии с Приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» с целью выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником дисциплинарного проступка.

Требуется ли в таком случае проведение проверки обстоятельств получения застрахованным лицом увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) или проверки обстоятельств случившегося и его причинно-следственной связи с выполнением служебных обязанностей, если эти обстоятельства в полном объеме установлены служебной проверкой, вопрос также остается открытым.

Обозначенные проблемы на практике могут привести к ситуации, когда сотрудник органов внутренних дел или члены его семьи получают отказ в производстве социальных выплат по формальным основаниям, а именно в связи с неверно избранным порядком проведения проверки по факту получения увечья или наступления гибели (смерти) сотрудника.

Учитывая изложенное, мы приходим к закономерному выводу о том, что порядок назначения и проведения проверки по факту получения сотрудником увечья (ранения, травмы, контузии) или гибели (смерти) сотрудника в настоящий момент

нуждается в четкой правовой регламентации. Необходимо разработать нормативный правовой акт (приказ МВД России), который бы устранил имеющиеся пробелы в данном вопросе и установил четкую процедуру проведения такой проверки. Также видится целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении Приказа МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» соответствующим разделом, где был бы установлен подробный алгоритм проведения таких проверок, их структура, субъекты и полномочия и т.п. В таком случае указанный приказ явился бы единственным и универсальным для проведения всего круга проверок в системе МВД России.

Действующие приказы МВД России № 396-2020 г. и № 707-2021 г. определяли бы не основания и поря-

док, а лишь процедуру сбора документов и принятия решения о производстве социальных выплат.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что отсутствие четкой регламентации порядка и оснований проведения проверки по фактам получения сотрудником увечья (ранения, травмы, контузии), а также наступления гибели (смерти) может привести к ущемлению права на возмещение причиненного ущерба.

Жизнь и здоровье как социальные ценности в силу их основополагающего характера пользуются приоритетной защитой. И в ходе реализации их защиты основной задачей нормотворческих и правоприменительных органов является устранение правовой неопределенности, исключение возможности двойного применения законодательства при вынесении решения о назначении проведения проверки по факту получения сотрудником увечья, а также наступления гибели (смерти).

Список источников

1. Об утверждении Порядка организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27.09.2021 № 707. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Порядка выплаты единовременных пособий, ежемесячной денежной компенсации и суммы возмещения вреда, причиненного имуществу, принадлежащему сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации или его близким родственникам [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 05.06.2020 № 396. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.03.1998 № 52-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

В.Н. Чудов – аспирант Алтайского государственного педагогического университета.

Information about the author

V.N. Chudov – postgraduate student.